

А.А. ИВАКИН

**ЕДИНСТВО
БОГА,
ЧЕЛОВЕКА
И НООСФЕРЫ**

Философское эссе

Одесса
«Фенікс»
2012

УДК 635
ББК 67.4
К 48

Ивакин А.А.

К 48 Единство бога, человека и ноосферы : философское эссе / А.А. Ивакин. – Одесса : Фенікс, 2011. – 244 с.

ISBN 978-966-438-624-8

Почти каждый философ задает себе «странный» вопрос: «почему бытие есть?» Автор данной книги отвечает: «Потому, что Бытие – это организованный Космос». Однако что из себя представляет та Сила, которая организует Космос и поддерживает его в состоянии гармонии? Материалистическая концепция самоорганизации бытия представляется автору неубедительной, так как в ней всё на свете как бы отдается в распоряжение «Его Величеству» Случая. На самом же деле только сознание как неотъемлемый атрибут бытия мира способно осуществлять по отношению к нему спасающую и организующую функцию. Как сказал великий философ, только всё разумное действительно. Поэтому Природа должна быть мыслящей и разумно действующей.

Субъектами сознания и разумного деяния, как стремится это доказать автор книги, являются Бог, Природа как вечно становящаяся Ноосфера и Человек. Это – целостная система организации космоса, целостная система природы творщей и сотворенной, в основе которой лежит программа (логос) непрекращающейся эволюции, обеспечивающей вечность и стабильность бытия.

Автор книги стремится доказать единство веры и знания в деле осознания и практического освоения мира и для этого одновременно пользуется интуитивными открытиями и языком как философии, так и религии.

Практическая значимость данной книги состоит в том, что человек стоит перед дилеммой «быть или не быть», решение которой в пользу бытия обеспечивается только осознанием и реализацией человеком своего космического предназначения.

ISBN 978-966-438-624-8

© ЧП «Фенікс», оформление, 2012

© А.А. Ивакин, 2012

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Добрый день, дорогой NN! Ваши вопросы ко мне столь добильны именно потому, что, как Вы сами заметили, Вы не имеете так называемого «религиозного чувства». А я вот как раз от этого чувства в советское время не знал как и избавиться, стыдился его как ненаучного и иллюзорного. Когда же людям перестали доказывать, что они обязательно должны быть материалистами и атеистами, я подумал: ну, хватит же себя насилловать, не может же быть, чтобы такие мыслители, как Б.Спиноза, Ф.Шеллинг, Г.Гегель, Ф.М.Достоевский, В.С.Соловьев, А.Ф.Лосев, Н.А.Бердяев, П.А.Флоренский, П.Тейяр де Шарден и несть им числа, были глупцами или притворщиками. А ведь все они пытались тем или иным образом обосновать необходимость присутствия Бога в логической и естественнонаучной картине мира. Займусь-ка и я этим непростым делом!

И вот теперь, по истечению четверти века размышлений на эту тему, я чувствую себя способным ответить на Ваш главный вопрос: могу ли я укорененную во мне с самого раннего детства веру соединить с неким рациональным знанием о ее предмете?

Что среди научных знаний меня, прежде всего, заинтересовало в смысле возможности такого соединения? Это – закономерности эволюции природных систем и, в частности, неуклонное «поумнение» исторически сменяющих друг друга участников эволюции. Данный эмпирический факт американский геолог Джеймс Дана назвал цефализацией. И у меня возник вопрос: можно ли это явление объяснить чистой случайностью? Или же кому-то эта самая цефализация нужна? Пьер Тейяр де Шарден, будучи сам геологом-палеонтологом, теоретически проанализи-

ровал этот факт и выдвинул предположение, что в его основе лежит *направленное развитие* (ортогенез) сознания от практически полного его отсутствия (точка альфа) – до максимального расцвета (точка омега, или ноосфера).

К настоящему времени я понял, что, если бы эволюция осуществлялась совершенно стихийно, то есть как некое саморазвитие, то достижение процессом эволюции в качестве своего результата уровня мыслящего существа было бы очень маловероятным, если, вообще, возможным. Во-первых, в эволюции часто побеждают простейшие, например, – паразиты. Во-вторых, эволюционный процесс зависит от причудливого сочетания воздействий на него со стороны среды и со стороны мутаций в генетическом аппарате живых существ и несет в себе, в связи с этим, слишком много элементов случайности, чтобы предположить в нем возможность наличия строгой, линейной направленности. Так что, *прав* Тейяр де Шарден: в данном случае речь может идти именно и только об ортогенезе, то есть о *направленном развитии*. И в таком случае можно уже выдвинуть предположение о наличии некой **Высшей Направляющей Воли и Силы**.

Давайте теперь сопоставим два взаимосвязанных процесса развития – развитие зародыша в материнском лоне и развитие так называемых форм движения материи. Мы сравнительно давно уже знали, что растущий плод в чрезвычайно ускоренном темпе повторяет основные моменты развития мира живых существ.

Обычно этот факт используется для доказательства правоты эволюционизма. Но разве наличие генетической программы в развитии зародышей не является для нас также и «обратной» подсказкой? Почему бы нам не предположить наличие программы развития *всей* природы – от элементарных механических форм и до человека, а, логично подумав, что и – далее, то есть – после человека. И если удастся доказать, что такая программа действительно существует, то направленный характер эволюционного процесса приобретет характер неопровержимого факта.

Ну, а пока, как мне кажется, мы уже имеем право записать в уме своем гипотетическую возможность наличия в нашем необъятном мире фигуры **Великого Программиста**.

Гипотеза же о наличии программы эволюционного развития требует ответа на следующий вопрос: а *что именно* развивается в процессе эволюции форм движения? Обычно на этот вопрос отвечают, что, дескать, так уж устроен мир: появление новых и новых форм движения материи означает, что материя имеет свойство развиваться, усложняться и т.д. И тогда что же? Почему химическая форма выше физической, а биологическая выше – той и другой? Потому что сложнее? Однако такое объяснение берет во внимание только количественные, но не качественные параметры развития.

И вот я пришел в свое время к выводу о том, что в недрах этого восхождения от простого к сложному формируется все более и более совершенная способность **отражения** той или иной вещью окружающего её **мира**. Вот это, я думаю, – уже не количественный, а качественный рост: вырастают души, или подобия оных (монады, по Лейбницу, или, как он их еще называл, – *зеркальца*, по-своему отражающие весь окружающий их мир). Тейяр де Шарден, к сожалению, не увидел важности монадологии Лейбница для своей концепции, а Лейбницу, в свою очередь, (так же, как и Спинозе) не ведом еще был факт всеобщей эволюции природы.

Итак, если зеркальца-монады растут и совершенствуются, то, вполне возможно, что кому-то это нужно и существует некий **Великий Зеркальщик**? То есть существует некто во многих отношениях великий и всемогущий, который так составляет программу природной эволюции, что она протекает не стихийно и без определенной цели, а является программой выращивания все более и более совершенных форм отражения окружающей среды.

Не кажется ли Вам, что, говоря о Высшей направляющей Воле, о Великом программисте и Великом Зеркальщике, мы говорим об одном и том же Лице, а точнее – об одном и том же **Абсолютном Субъекте**?

Но для чего это всё Ему нужно? А вот судите сами: Космос (не хаос, а именно Космос, то есть упорядоченный, *гармоничный* мир), нуждается в исключительно чистых и больших «зеркала» для того, чтобы содержать себя в этой гармонии, как бы подстригаться, подмазываться, подкрашиваться, как это делает, получив информацию от настоящего зеркала, настоящая девица-красавица. Мы ведь знаем, что космос и косметология происходят от одного и того же корня.

Но отсюда нам становится ясно и еще нечто очень важное: «зеркала» нам нужны для того, чтобы, получив необходимую информацию о мире в *идеальной* форме, суметь эффективно действовать во вполне *материальном* плане. Идеальное отражение способствует материальному отражению. Например, – материальному отражению обнаружившейся с помощью зеркала опасности или угрозы. Таким образом, Великий Программист с помощью эволюционного процесса выращивает не только «зеркала», в том числе и *глаза* и другие органы чувств, но и такие органы тела, которые способны материально отразить различного рода угрозы для существования той или иной живой (и даже неживой) системы.

Итак, нам все больше и больше дает о себе знать Великий Программист, мастер по выращиванию зеркал и органов или орудий действия. И как же его, этого Величайшего Субъекта, теперь, в связи со всем нами сказанным, следует назвать? Да, конечно же – **Деминургом!** И именно так и называли древние греки своих богов и, прежде всего, главного бога – Зевса. Но почему – именно так? Да потому, что слово «деминург» по гречески означает: мастер, ремесленник, творец. И, действительно, мы вполне можем представить себе **Великого Мастера** постоянно отлаживающего и ремонтирующего материю космоса, склонную к разбеганию и хаотизации. Итак, Великий Программист предстает перед нами уже как **Создатель: Творец и Содержатель** Космоса.

Итак, «зеркала», несущие абсолютно верное знание об устройстве и проблемах Космоса, помогают Создателю проявлять добрую, позитивную Абсолютную Волю к власти над Кос-

• Вместо предисловия

мосом и негативную Абсолютную Волю к власти над хаосом, выражая эту волю в виде Великой Программы реальных действий всех частей Космоса в форме постоянного восхождения их от низшего уровня отражения – ко все более и более высоким, с целью гармонизации отношений между ними и недопущения увеличения энтропии.

А вот дальше у нас с Вами возникает серьезный поворот в наших предположениях и доказательствах. Допустим, что – да, действительно существует некий Абсолютный Субъект, руководящий нашим Бытием (его существование, кстати, и Альберт Эйнштейн допускал), но имеется ли непосредственная связь между Ним и мною, моим Я, и, естественно, – с Я каждого отдельного человека?

Давайте разбираться! Развитие в природе способности отражения привело к появлению у становящегося человечества как бы всеобщего для всех людей мозга – культуры. Человек, общающийся к культуре в процессе своего воспитания и образования, учится глядеть на мир как бы чужими глазами – глазами Ньютона, Нильса Бора и Эйнштейна, а также – Пушкина, Гоголя и Гегеля. И вот я предлагаю Вам увидеть аналогию между соотношением культуры и отдельных личностей и – соотношением мозга и отдельных клеточек организма. Любое сравнение, конечно, как говорится, хромает. В предлагаемой мною аналогии отличие мозга от культуры состоит в том, что культура самостоятельно ни чувствовать, ни мыслить не может. Она это может делать лишь в отдельно взятой человеческой голове, получившей из общего «хранилища» те или иные составляющие элементы способов освоения мира и освоившей их. Но почему мы спокойно воспринимаем факт эволюционного перехода от одноклеточных организмов к многоклеточным, то есть этот факт нас несколько не удивляет, но не позволяем себе даже вообразить, что в одно прекрасное время культура также замыслит самостоятельно, хотя и с помощью подключенных к ней «клеточек»-мозгов, и станет неким «мыслящим океаном»? Фантасты эту идею освоили уже давно. Помните «Солярис» Станислава Лема?

Вряд ли кто станет отрицать, что эволюция системы «мозг – культура» – это несомненный факт, и что эта эволюция особенно усилилась с появлением интернета и всей совокупности компьютерной техники. И я уверен в том, что со временем из этого процесса эволюции вырастет принципиально новая форма мышления, которую я условно называю **Объединенный Разум**. И в этой системе, состоящей из гармонического сращения миллиардов (условно) мозгов и миллиардов компьютеров, мышление достигнет высочайшего уровня. Это будет удивительное мышление: в нем одновременно будут присутствовать и Общее и Особенное и Единичное мышление. Возможны также станут плодотворные переключения одного мозга на другой и всех вместе (мозговой штурм станет обычным методом мышления) – на единое для всех дело.

Если это всё возможно, то я делаю следующий вывод: раз эволюционно создается (а точнее – радикально совершенствуется) возможность проникновения одного мышления в другое (умение смотреть на мир своими и чужими глазами), то следует предположить, что делается это отнюдь не в первый раз, и Космос уже содержит **Великий Объединенный Разум**, причем (самое главное), **способный контактировать с каждым мыслящим существом**.

Как выражаются математики, «что и следовало доказать»! Вот он – **Всемогущий Бог!** И не только где-то далеко-далеко в Космосе, а и всегда с тобой, всегда в твоей душе. И никакой мистики! И никакой необходимости страха и раболепия! Бог это не твой жестокий и неумолимый Хозяин-рабовладелец, а твой Отец Небесный, лучший Друг и Учитель. И понятно, почему Иисус говорил о том, что главное, что от человека требуется – это Любовь: к Отцу Небесному (любовь к гармонии Мира, к пути, ведущему в сторону Разума, Добра и Красоты, к Логосу как своду законов Бытия), а также – к себе (возлюбить в себе всё человеческое, а всё звериное выбросить) и к ближнему своему (другой человек для тебя важнейшая ценность, без которой ты никто и ничто).

• **Вместо предисловия**

Вы, конечно, понимаете, что я использованными выше образами изрядно упрощаю рассматриваемую нами проблему и тем самым, может быть, чего мне очень не хотелось бы сделать, даже оскорбляю чувства верующих. Ибо они обладают своим собственным пониманием, а лучше сказать, – представлением того, что такое Бог. Но у нас-то с Вами особая задача: Вы же ведь хотите получить от меня доказательства моего религиозного чувства и я, как преподаватель, знаю, что доказательство гораздо успешнее, если оно сопровождается наглядными, то есть чувственными, смысло-образами.

ВВЕДЕНИЕ

*Непознанная жизнь не стоит того,
чтобы быть прожитой.*

Сократ

Так можно ли увидеть мир не своими, а чужими глазами? Глазами другого человека, глазами собаки, муравья? Глазами Бога?! Этот вопрос я задавал себе с самого раннего детства и очень хотел, чтобы такая возможность существовала. И вдруг меня озарило: а разве я уже не смотрю на мир чужими глазами? Разве, сидя за столом с соседским мальчишкой и, поддерживая вертикально те листы книги, которые для одного из нас уже прочитаны, а для другого – еще нет, я не смотрю на мир глазами Жюль Верна? И все таки... Ведь все равно в такие моменты глазами Жюль Верна на мир смотрим я и соседский мальчишка. И значит – привносим в повествование великого фантаста каждый что-то своё и, причем, – такое, что, может быть, искажает видение мира автором? И вообще, если посмотреть на вопрос шире, разве я могу каким-то образом избавиться от своего Я в своем мировоззрении? Я ведь тоже вхожу в состав мира, и об этой «своей» части мира, фокусирующей в себе весь остальной мир, в достаточно полной мере могу знать только я и никто другой. И что же, выходит, что меня нельзя заставить смотреть на мир чужими глазами? И тогда остаётся констатировать, что мировидение каждого человека уникально.

Но если это так, то не есть ли такая уникальность субъективностью, от которой невозможно избавиться? И в таком случае объективный взгляд на мир в принципе невозможен? Но зачем тогда вообще стремиться к знаниям, зачем тогда наука? Сложно как-то всё это, противоречиво...

Оказалось, однако, что противоречие это, несмотря на его кажущуюся сложность, решается просто: просто надо перестать путать категории «субъективность» и «субъектность». Вот и всё! Как только я принял различие этих категорий, так всё стало для меня ясно как божий день. А узнал я об этом принципиальном различии, прочитав у Г.С.Батищева: «*Чем более человек субъективен, тем ниже находится на космической спирали эволюции, на пути бесконечного диалектического становления. Напротив, субъектное само по себе всецело принадлежит объективному непосредственно. <...> Поэтому в противовес субъективному человек, чем более субъектен, тем выше продвинут на этой лестнице, на этом беспредельном пути становления. Полнота субъектности обретается лишь по мере превозможения субъективности*» [2, 56].

Вот эту важную мысль выдающегося философа я и беру сейчас в качестве напутствия в изложении своего философского мировидения. Насколько мне удавалось ранее и удастся сейчас превозмочь свою субъективность, судить не мне. Задача эта чрезвычайно сложна и решается она постоянно и, как говорится, всем миром. Прошу обратить внимание, насколько знаменательно это звучит: Мир познаётся миром! Речь идет о самопознании миром самого себя! Придут новые философы и исправят и дополнят результаты моих, и не только моих, интеллектуальных усилий. Дорогу осилит идущий, но – в одной шеренге и в одной колонне с другими идущими. И, кстати, меня в этом нелегком походе поддерживают и укрепляют еще и слова Апостола Павла: «Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» [1Кор. 13: 9, 10]. «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю и отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» [1Кор.13: 12]. Вдохновляет в этих словах то, что рано или поздно наступит это мгновение, вот это самое «тогда», когда каждое «я» сможет непосредственно встретиться с Абсолютной Истиной и посмотреть на себя и на весь мир Её глазами.

Ну, а пока? Пока же мы это вечное встречаение осуществляем опосредованно. И осуществляем, в том числе – и тогда, когда

вновь и вновь обращаемся к древней мудрости: «Познай самого себя и ты познаешь весь мир». Но хотя мудрость эта и очень стара, но всякий раз она заставляет удивляться нас по-новому: ну, как это – посмотреть на себя своими же глазами? Может быть, все же я и на себя смотрю не только своими глазами? И вот тут-то самое время вспомнить, и более постараться не забывать, о различии субъективности и субъектности: чем выше в своем умственном и нравственном развитии поднимается человек, тем ближе он становится к Богу и Богу. И тем более объективным, божественным становится его взгляд и направленность действия.

Любое тело, говорил Лейбниц, содержит в себе монаду, то есть некое подобие души в неживых телах и – настоящую душу в телах живых. И все эти монады, как своеобразные зеркала, по-своему отражают в себе весь мир, в котором они живут и существуют. Но человек, и только человек, не просто идеально содержит в себе, в виде своего мировоззрения, весь мир, но и может, рассматривая эту свою идеальную модель мира, размышляя над нею, менять её, совершенствовать, стараясь тем самым изменять и свой образ действий в мире и сам доступный ему мир. Глядя в себя, я, таким образом, вглядываюсь в зеркало, отражающее мир. И вот тут-то, при таком пристальном вглядывании в себя и можно, по-видимому, различить, при большом старании, в чем ты все еще субъективен, а в чем – уже субъектен.

ЧАСТЬ 1. О БОГЕ

О ВЕРЕ

*С моим сознанием наравне
Вертится ход планет.
И если Бога нет во мне,
Его и выше нет.*

Губерман И.

Порою бывает очень страшно жить. В такие моменты я в какой-то мере начинаю понимать алкоголиков, наркоманов и даже злодеев, сочувствую им. Возлюблю, так сказать, врагов своих. Они ведь потому такие, что стремятся убежать от страха перед бытием. И – перед небытием одновременно. Нет слов: нелепое лекарство от страха. Не лекарство, а яд. Но есть ли оно – настоящее-то лекарство?

Да, есть. И это – вера и только вера. Иисус Христос спасает нас не только от зверства (звероподобности), но и от этого, воспетого Кьеркегором, экзистенциального Страха (Ужаса)!

Проснувшись как-то утром, а накануне начитавшись Б. Рассела, я очень остро почувствовал, что без Веры жить одиноко и страшно. Замыкание мира на человеке как на самодостаточном существе и строительство мировоззрения на этом замыкании требует незаурядного личного мужества, даже, пожалуй что, и героизма. Вера же во включенность тебя в некий космический Смысл, если она не носит вымученного характера, не требует такого напряжения внутренних сил, а, наоборот, успокаивает и расслабляет тебя, так как дает (утысячеряет) силы перед лицом

Жизни и Смерти. Когда-то я, желая быть атеистом, писал о вере как о счастье слабого и ставил на этом точку, не добавляя, что подлинная вера делает слабого сильным.

Моя вера выше моего знания, ибо знание не может абсолютно и – мгновенно, совпасть с бытием. А вера – может! Поэтому я радостно созерцаю себя в абсолютном и вечном единстве с Богом, и мне этого достаточно для решения любых моих проблем.

«Субстанциальное самоутверждение личности в вечном бытии» [17, 125]. Это сказано Алексеем Фёдоровичем Лосевым о религии. Сказано прекрасно! Ибо сказано о главном. Но мне не хотелось бы понимать это выражение с точки зрения всего лишь личного спасения. Мне хотелось бы его связать со спасением коллективным. Не захочу поверить и ни за что не поверю в то, что жизнь – это случайность, и что мы должны смириться с тем, что рано или поздно придет время, этакий «час икс», и – всё человечество, а с ним и вся его драгоценная культура, исчезнет, словно ее никогда и не было. Противно, бессмысленно, страшно!

Конечно, и большинство форм философствования тоже суть поиски избавления от экзистенциального Страха. Но всё дело в том, что без Веры эти поиски пусты. Без Веры не слышен Зов Бытия, Голос Логоса. И что же тогда остается всем этим неслышащим? – Радоваться жизни, сделать ее сплошным удовольствием, – отвечают на этот вопрос античные киренаики-гедонисты. Но ведь удовольствия доступны далеко не всем и далеко не всегда? И, осознав это, один из киренаиков, его звали Гегесий, в отличие от своих коллег гедонистов, пришел к выводу, что, поскольку счастье (а его он продолжал отождествлять с вечным удовольствием и радостью) невозможно, постольку мудрец должен не искать блаженства, а стремиться к тому, чтобы избежать зол, жить без боли и огорчений, ну, а если уж и это становится невозможно, то тогда зачем нам такая жизнь? Такую жизнь нет смысла и проживать.

Ну что тут поделаешь! Не смог Гегесий по-настоящему и до конца порвать с гедонистами: раз жизнь не соответствует моим ожиданиям, то я и жить не хочу и не буду! И этот вывод совре-

менники Гегесия восприняли очень серьезно и доверчиво: количество самоубийств столь возросло, что правители ряда городов-полисов были этим фактом очень озабочены и стали даже издавать какие-то осуждающе-запрещающие законы. А прав ли был Гегесий в принципе, отождествляя счастье с удовольствием, с блаженством?

Да нет, конечно. Противоречивость и многообразие состояния счастья куда как лучше выразил непонятый гедонистами их покойный учитель Сократ: счастье это знание того, что есть подлинное благо, и – сам факт обладание им. Но что есть подлинное благо? Будущие гедонисты, наверно, пропустили или не поняли те беседы Сократа, в которых он убедительно критикует сведение блага к физическим наслаждениям. Он, например, доказывал, что для преступника благо это не избежание наказания, а наоборот, – само наказание. Это для него такое же благо, как мучительное лечение больного человека оперативным вмешательством врача и прижиганиями.

Так что познание того, что есть для человека подлинное благо, весьма нелегкий процесс. Сначала овладей этим знанием и овладей самим этим подлинным благом, а потом уж ликуй, сколько тебе захочется! А скорей всего, и в этом случае ликование не сможет быть постоянным: за подлинное счастье надо бороться, его надо беречь и защищать. Сплошные заботы и тревоги! И начинаешь понимать, что счастье и страдание не исключают друг друга. Очень хорошо об этом сказал И.С.Тургенев: «Хочешь быть спокойным? Знайся с людьми, но живи один, не предпринимай ничего и не жалей ни о чем. Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» [36, 179].

Вот и выходит, что и поиски смысла жизни в чувственных удовольствиях, и самоубийство – это, если можно так выразиться, близнецы-братья, хотя внешне они и выглядят полными антагонистами. И, соответственно, оба они – это два одинаково абсурдных пути избавления от страха и перед бытием, и перед небытием.

Впрочем, философами был предложен еще один способ решения проблемы: поверить человеку в себя, как в Бога. Если людям так нравится любить и обожествлять кого-то, то почему бы им не обратить эти чувства не на придуманного ими бога, а на себя и друг на друга? Такую форму религии всем жаждущим веры предложил в свое время Л.Фейербах. А вот Ф.Ницше не верит в любовь и сострадание к жаждущим и страждущим и все свои упования связывает с появлением Сверхчеловека, презирующего и удовольствия и страдания, стоящего по ту сторону Добра и Зла.

Итак, вера в человека или же – в сверхчеловека это – призыв к человеку найти Абсолют внутри самого себя, то есть самому стать Богом. Но захочет ли и, главное, сможет ли такой «бог» сострадать другим людям, любить их, и чем-то реально помочь им в трудную минуту? Если Фейербах в ответе на такие вопросы выглядит абстрактным и неубедительным, то Ницше вообще считает утешение и успокоение слабых делом вредным во всех отношениях.

В отличие от гипотетических божков и богочеловеков, истинный Бог, которого так не любил Ницше, показал человеку, что он разделяет его страдания. Истинный Бог – это не боги Эпикура, равнодушные и покоящиеся где-то в «интерmundиях» (межмировых пространствах) в блаженном сознании своего абсолютного превосходства. Истинный Бог это Бог, страдающий и присутствующий в каждой душе и даже, возможно, и в каждой вещи. Но страдание и терпение – отнюдь не самоцель человеческого бытия, говорил Н.Бердяев. Да и – божественного бытия, наверно. Они нужны не сами по себе, а только как составляющие моменты постижения и достижения некоей великой цели.

Через страдания – к спасению, через тернии – к звездам! Иного пути нет. Таково устройство нашего мира: вечный отбор – через борьбу и страдания – наиболее жизнестойких форм бытия. Для животного такая борьба есть просто борьба за жизнь. Для человека же – это борьба за *благую жизнь*, то есть борьба за высшие ценности. Иначе – небытие. И речь здесь идет не о смерти,

ибо небытие может быть, и прижизненным: бывает, что человек живет, но перестает при этом быть человеком.

Итак, у философствующего субъекта уже в самом начале его философствования должна присутствовать вера в осмысленность и одухотворенность бытия. Исходная вера необходима как некое пред-знание. А философствование в таком случае призвано лишь просветить, укрепить и обосновать эту веру.

Бердяев писал: «Но свободно должна сознать философия, что служить истине она может лишь тогда, когда будет иметь религиозное питание, когда «опыт» ее будет обширнее и глубже того, которым пользуется рационализм, позитивизм и критицизм. Отвлеченная истина – прозрачна, она – порождение рационалистического блуждания по пустыням отвлеченного мышления. Истина – живая, истина есть также путь и жизнь. И вот живая истина, цельная истина не может раскрываться лишь интеллектуально, рассудочно, рационально; с ней можно соприкоснуться лишь в опыте религиозной жизни» [3, 12].

Да, действительно, опыт, на который должна опираться философия, должен быть предельно широким: наука, религия, искусство. Предельная широта этого опыта определяется всей историей и культурой человечества. Надо, к тому же, понять, что этот драгоценный опыт должен превратиться в достояние души личности, стать *её личным* опытом. А это означает, что личность должна воспринимать общечеловеческий опыт *критично*, соединяя противоречащие друг другу точки зрения и пропускающая их сквозь призму своего собственного жизненного опыта. И в этом процессе превращения опыта человечества в личный опыт отдельного человека я, в отличие от Бердяева, вижу важнейшую роль рационального познания. Только не рассудочного, а – разумного, диалектического. И именно в этом, в разработке и мировоззренческо-методологическом применении рационального познания в системе всех форм общественного сознания, и заключается роль философии.

А вот что говорит о соотношении веры и философии другой известный философ – Карл Ясперс: «... Только тот, кто исходит

из Бога, может Его искать. Уверенность в бытии Бога, какой бы зачаточной и непостижимой она ни была, есть предпосылка, а не результат философствования»[46, 435]. В общем, как можно видеть, он говорит то же самое, что и Бердяев.

Хотелось бы, однако, не просто принять, но и усложнить, а также и одновременно – смягчить, категоричность этой формулы. Следует учесть вот что: история философии – это не только индивидуальный, но и коллективный процесс поиска мудрости и смысла Мира, а, следовательно, и – поиска ответа на вопрос, что такое мудрая жизнь человека и в чем ее смысл. Развивающаяся философия вбирает в себя и переосмысливает все сомнения и находки любого крупного философа, каковым, например, является далеко не всеми любимый Фридрих Ницше. Знаю, что многие не только не поддержат, но и даже не поймут моего, и не только моего, парадоксального вывода: объективно Ницше является более близок к Богу, чем иной лицемерный святоша, ибо Ницше мучительно ищет смысл жизни, верит в сверхзадачу человека в мире, свободен от рабского сознания (ну разве не нонсенс – творец с рабским сознанием?!). Нечто подобное говорил Дмитрий Мережковский о Белинском, восставшем на Гоголя, пытавшегося «освятить рабство именем Христовым». Мережковский утверждал, что Белинский «Христа ругавший» в этом споре был ближе к Христу, чем Гоголь, «Христа исповедовавший» [25, 39-40]

Таким образом, некоторые мыслители, позиционирующие себя как атеисты или же – скептики, могут, тем не менее, через свои сомнения и даже критические высказывания сделать свой своеобразный вклад в процесс поиска и конкретизации людьми их понимания Бога и веры.

По моему убеждению, главное в вере есть уверенность в разумности и осмысленности бытия, уверенность в том, что Всеобщее присутствует в любом из нас как в особенном (присутствует явно, оценивающе и указующе), и – в том, что душа человеческая способна субстанциально укорениться в вечности Бытия.

Так в чем же состоит моя вера? Я ощущаю и называю себя христианином, но при этом вера моя далека от всякой мистики. Религиозные философы, особенно – в Средневековье, называли природу второй книгой (первая – это Библия), созданной Богом. Я думаю, что это не просто красивая метафора. Присмотритесь к эволюционному процессу, почитайте труды выдающегося ученого и глубоко верующего христианина Пьера Тейяра де Шардена и вы поймете, о чем я говорю.

Главное свойство эволюции в том, что она ведет к тому, что побеждает и оставляет потомство сильнейший. Это – то, что лежит на поверхности явлений. Но зададимся вопросом: а в чем же именно силён сильнейший? Если взять эволюцию в единстве всего неживого, живого и мыслящего, то выстраивается интересная направленность – возрастание способности эффективно отражать мир: идеально и материально. Идеально – как отражает чистое зеркало (Лейбниц свои «монады» так и называл – зеркальца). Материально – как отражение угрозы хаоса, небытия. Нет нужды доказывать, что эти два вида отражения диалектически взаимосвязаны. И то вещество или существо, которое добивается гармонии между своей «идеей» и своим материальным телом, имеет больший шанс в вечной соревновательности жизни в чем-то опередить других.

Я твердо верю в то, что Бог как Высший Разум и Высшая Воля управляет тем процессом оживления и поумнения материи, который Тейяр назвал ортогенезом сознания. Разрушающему воздействию хаоса Творец и Содержатель Мира противопоставляет постоянный процесс гармонизации и сплочения Космоса. Эту свою Добрую Волю к Власти над Космосом Бог выражает в Логосе – Всемирной и Вечной Логике Бытия, которой как своей собственной программе бытия должен подчиняться каждый элемент системы Космоса. Чтобы оставаться самим собой, космос должен постоянно развиваться, то есть обновляться, совершенствоваться, усиливаться.

Движение в эволюционном канале – это необходимость, которой ничему и никому не избежать. Распространенная всюду и во всём «воля к власти», при правильном ее понимании и направленности – это не эгоистическая, а, наоборот, коллективистская космическая необходимость. Любой элемент, любая вещь или система вещей, не способные гармонично вписываться в окружающую среду, нарушают тем самым божественную «предустановленную гармонию» (Лейбниц). Человек, согласно своей природе (*Homo sapiens*), в отличие от растений и животных, обязан не стихийно, а сознательно осуществлять эту космическую необходимость, веруя в неё, познавая её и принимая как смысл своей жизни. Познанная необходимость, как известно, – это и есть свобода. Кто не желает эволюционировать в направлении развития в себе способности адекватно отражать и благоустраивать Мир, нарушает закон Природы, а в религиозной терминологии, – Волю Отца Небесного. Ибо нарушает заповеданную ему любовь к Богу, к себе и другим людям. А это не может оставаться безнаказанным. А наказание одно: ты выбываешь из дальнейших туров конкурса, соревнования, – не знаю, как это еще можно назвать? Одним словом, не оправдываешь Доверия и не выдерживаешь Отбора.

Эволюционное восхождение ступенчато, этапно. И мне всегда казалось нелепостью думать, что человек, в современной, привычной нам форме бытия, со всеми своими слабостями и недостатками, – это, якобы, конец и венец природной эволюции. Эту точку зрения можно признать только при том условии, если человек будет восприниматься нами как становящееся и совершенствующееся существо в процессе его внутривидовой эволюции.

Как говорил Бердяев, не только Бог нужен человеку, но и человек – Богу. Но – не всякий человек, а тот, который свободно развивает в себе разум и нравственность. Такой человек *годится* для следующего этапа развития в качестве полноценного участника более совершенной мыслящей формы бытия. Остальные же это *не-годники* и *не-годяи*. Конечно, чудесами и угрозами Бог мог бы принудить их к действию в требуемом направлении, но спросите себя: зачем Богу эти толпы хитрых и ленивых рабов и

злоумышленников? Так что, как сказал поэт, каждый выбирает по себе. Каждый выбирает свою судьбу на основе дарованной ему полной свободы. Избирающий истинную стезю и есть Избранный. «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Матф. 7: 21), «...ибо много званых, а мало избранных» (Матф. 20:16).

Это, на мой взгляд, означает, что просто, на словах, признавать Христа, быть крещеным и уже на этом основании считать себя христианином, а значит, – человеком, уже имеющим, якобы, некое преимущество перед «нехристиами» и гарантию спасения души, – всё это трагическое заблуждение. Такая формальная вера, не сочетающаяся со стремлением исполнению Воли Отца Небесного – не есть подлинная вера. Грешить и откупаться от грехов не добрыми делами, и исправлением своей души, а ритуалами или деньгами – это безумная и бессмысленная попытка обмануть Бога. Быть христианином означает – следовать за Христом, исполнять его заветы.

«Верить – не верить» означает: действовать или бездействовать в направлении созидания разума, справедливости и нравственности как внутри, так и вне себя. «Вера есть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей» (Л.Н.Толстой).

Бог вмешивается в этот процесс лишь с целью поощрить, поправить и направить верующего или уверовавшего. Поэтому Иисус Христос и сказал, как всегда в образной форме, что хозяину дома одинаково желанен и тот, кто первым пришел работать в его виноградник, и тот, кто пришел последним (Матф. 20: 1-16). Важно не время, а факт прозрения. Иными словами, заблуждающийся и ищущий человек небезнадежен. Безнадежны лишь неисправимые не-годяи, лицемеры и паразиты. Что им делать в прозрачном мире ноосферы (сферы разума и высокой нравственности)? Они и сами туда не захотят идти. Там им, как тараканам и клопам, слишком светло, а значит, – неуютно.

ЧИТАЯ ЕВАНГЕЛИЕ

Мне представляется, что учение Иисуса Христа глубоко диалектично. И в основе этого учения лежит Великая Идея – наладить, гармонизировать человеческие отношения на земле для создания необходимых условий движения к общечеловеческому спасению. Все люди едины, и единственный путь к спасению – путь Любви, то есть Единения. Поэтому я считаю глубоким заблуждением понимание учения Христа как учения об индивидуальном, и только индивидуальном, спасении.

Иисус – романтик и оптимист в своей божественной любви к людям. Ему очень хочется ускорить процесс становления человечества, но оно избрало другой – длительный, мучительный, а главное, до сих пор еще и проблематичный по своему исходу, путь Истории. Сам не обладая так называемыми «первичными позывами» (термин Фрейда), Иисус считал, что стать подобным ему, то есть богоподобным, не очень сложно. Надо только возлюбить Бога, самого себя и друг друга. Люди, в массе своей, не захотели и не смогли этого сделать.

А некоторые известные атеисты считали, что осуществление учения Иисуса вообще принципиально невозможно: дескать, уж больно высоко планка требований к человеку поставлена. Мне кажется, что данный упрек высказан не по адресу, его скорее следовало бы высказать той категории людей, которые чувствуют и называют себя революционерами. Вот они действительно подняли планку невысказанно высоко. Они кинулись искать всеобщего спасения на путях переделки общества, а не человеческой души. Однако они не учли «подземного», звериного компонента в природе людей, в том числе и в своих собственных, «революционных» рядах. Но главная ошибка здесь в другом: в непонимании того, что *метод спасения не может быть насильственным*.

Я думаю еще, беда в том, что многие люди ждали и ждут совсем другого Спасителя. Им нужен не Учитель, проповедующий

щий Любовь и Веру как путь к Спасению, а Могущественный Покровитель, Защитник, грозный царь, который быстро расправился бы со всеми тиранами, обманщиками и злодеями. Поэтому Спасителя-Учителя признают далеко не все, многих он только озлобляет, и они в злобе своей способны объявить его сумасшедшим, и даже – распять.

Бог и человек – это диалектическое тождество. Человек – это становящийся Бог, Бог – это Идеал совершенства для человека. Философ-диалектик эпохи Возрождения епископ Николай Кузанский очень много размышлял на эту тему.

Если исходить из такого диалектического тождества Бога и человека, то споры о том, кто такой Иисус, теряют всякий смысл. Ибо, в принципе, каждый отдельный человек может достигнуть очень высокой степени божественности. Не исключаю, что это может происходить только с Божьей помощью, но принижать волевые и духовные усилия самого человека тоже недопустимо. И в истории человечества было множество таких известных и неизвестных нам святых праведников. И в этом смысле Бог всегда с нами: рядом с нами и в нас. Но нам следует помнить о том, что и мы в помыслах своих и деяниях должны быть с Богом. Не мешало бы об этом помнить и в чисто «эгоистическом» плане: во избежание богооставленности.

Итак, каждый человек по своему призванию должен стремиться стать богоподобным. Но вот в какой мере он реально сможет приблизиться к этому Идеалу? – Вот вопрос! Иисус Христос смог это сделать в полной мере, показав всем людям великий Пример и Путь. И этим спасая их. Спасая от озверения, от совершения ими зла. Им было объяснено, что, человеку, оказывается, не только нужно, но и можно не грешить, то есть не предавать своей богоподобной сущности.

При этом, Спаситель не только объяснял все это людям, но и дал им «технологию» жизненного Пути – Любовь и Прощение. Кстати, настолько ли уж высока эта планка, о которой тол-

куют атеисты? Что же тут принципиально недоступного? Всего лишь – Любовь и Прощение!

Такое вот понимание сути спасающего подвига Иисуса Христа лишает, по-моему, смысла спор о том, кто Он – божественный Человек или Бог в человеческой плоти. Это – одно и то же!

Я не ожидал, что книга Ренана «Жизнь Иисуса» произведет на меня такое сильное впечатление. Передо мною возник образ настоящего Богочеловека, хотя он, по Ренану, является на свет и живет, как все люди, без всякой мистики. Человек, который всегда чувствует постоянное мощное, непосредственное общение с Богом, и есть сын Божий. И он ведет себя, как Бог: он нежен и добр к людям и стремится всё отдать для того, чтобы и они все поняли, что они тоже сыновья божьи. Царство Божье внутри вас и среди вас, – постоянно напоминает он им. Он предвидит будущее бытие людей – блаженное и соборное. Это то, что вслед за Тейяром я называю Ноосферой.

У меня даже появляется мысль, что Бог прирастает и укрепляется (не знаю, как правильно выразить эту свою мысль) такими Великими Личностями, как Моисей, Иисус, Будда, Мухаммед, Франциск Ассизский, а также – Сократ, Платон, Спиноза, Шеллинг, Гегель, Махатма Ганди, мать Тереза: они непосредственно входят в высшую элиту Сверхноосферы. Иногда даже задаешь себе вопрос: а может быть, вся цель эволюции Вселенной и состоит во возвращении таких умов и душ?!

Заметно, что Иисус почти ничего не говорит о конкретном смысле цели жизни человеческой – Царстве Божьем. Почему он на вопросы на эту тему отвечает притчами: о неводе, полном рыбы, о зарытых в землю талантах и т.д.? Думаю, потому что перед ним люди с детским уровнем сознания, которым бесполезно всерьез говорить о сложном. Единственным исключением является разговор с Никодимом, да и то Иисус скорбит в конце беседы, что собеседник его столь непонятлив, Он как бы даже сожалеет о том, что поддержал навязанный ему разговор.

Так вот, перед Спасителем – дети, которым надо передать истину о пути спасения. И это хорошо, что они – дети, доверчивые и открытые (поэтому-то Он и призывает всех быть такими, как дети), потому что большинство взрослых людей – заскорузлые догматики, видящие в Библии только формальную, ритуальную часть ее содержания, а главного в этом содержании не принимающие.

Детям можно сказать: слушайтесь своего Отца и с любовью относитесь друг к другу. И этого послушания и любви было бы уже вполне достаточно, чтобы процесс человеческого развития заструился по нужному руслу. Люди бы в этом случае всегда помнили о духовном, искали бы именно в нем подлинные ценности, развивали бы свою нравственность. А со-весть даст человеку и со-знание. Это и означает – направить людей на подлинно человеческий (он же – и божественный) путь. Вот почему Иисус постоянно повторяет: верьте мне, идите за мной, даже если вы не понимаете чего-то. И вы спасетесь. Причем спасется даже очень поздно уверовавший.

Действительно, разве важно, какова в деталях была жизнь человека? И личная жизнь (онтогенез) и история человечества (филогенез) наполнены грехами. Важно другое – то, чтобы человек искренне (а не расчетливо и лицемерно) уверовал в смысл бытия и в свое предназначение и что-то сделал – словом и (или) делом для приближения Царства Божьего.

За полтысячи лет до Иисуса Гераклит был тѐмен для окружающих, и ему оставалось плакать от досады, что он не может быть полезен людям. Трагедия, горе от ума! Он может говорить только с некоторыми людьми из будущего (хорошо еще, что несколько десятков фрагментов его труда сохранились). А вот Иисус, создав учение и его тело – церковь, смог говорить и со своими современниками и с нами. Церковь воспитывала и воспитывает людей в духе идей Спасителя, хотя и сама порой забывает подлинную суть этого воспитания, заменяя ее, как некогда фарисеи, ритуалом. Иисус и воскрес-то (здесь, на земле) именно в церкви и в душах верующих. Родился снова уже идеально, а не материально,

хотя ученики очень хотели, чтобы это воскрешение было материальным (как раньше хотели они, чтобы он взял власть, стал царем здесь на земле, вполне тоже материально), и поэтому утверждали, что видели его живым после его погребения. Но все Евангелия, в основном убедительные в рассказах о жизни Иисуса до его смерти, становятся очень «бледными» и невыразительными при описании встреч с Ним после его смерти. Все рассказы о таких встречах напоминают образы сновидений или миражей: даже в лицо, оказывается, ученики своего Учителя не узнавали. А ведь говорил же Он Никодиму, что вновь родившийся будет веять, как дух, который увидеть нельзя. Выходит, что по-настоящему уверовали в него его ученики и апостолы только через определенное время после его распятия, и он воистину воскрес в их душах.

Читая в книге А.Меня «Сын человеческий» о том, что Благая Весть Иисуса говорит о высшем призвании человека и о радости, которую дарует ему единение с Творцом, я подумал: вот же оно подлинное счастье, состоящее в обладании высшим благом и в пребывании по этому поводу в радости!

Что значит – войти в Царство Небесное? Это значит внести туда самое лучшее, что ты сотворил в своей жизни. Вспомним притчу о жадном и не склонном к сочувствию человеке, который когда-то дал все же хлеба голодному и этим поддержал все-ленскую ценность – самоотверженность и общинность (соборность). И таким образом малая частица даже души негодяя оказалась годной для вечности.

«Блаженные нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Пока я не познакомился с работами А.Меня, я не понимал выражения «нищие духом», вернее понимал его превратно (как «бездуховные»), хотя в то же самое время прекрасно понимал К.Маркса, который, фактически, говорил, если не о том же самом, то на ту же самую тему: «*Богатый человек – это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда*».

Боюсь, что большинство людей, до сих пор не знает о том, что Иисус в этой великой фразе своей имеет в виду людей, подобных тем, кто в его времена состоял в некоем братстве, провозгласившем себя жаждущим (просящим как милостыни) духовного, а не материального, блага. А не зная этого, люди и не понимают, о чем здесь говорится. И более того, как некогда и я, понимают сказанное абсолютно превратно: чем меньше у тебя духовного, тем ты, якобы, угоднее Богу.

А всё как раз наоборот: любой духовно развитый человек, любая форма объединения людей, направленная на сохранение и повышение нравственности, разумности, творческой созидательности, а не на деструктивность, не на сатанизм, не на уголовщину, есть движение к Ноосфере. Вот почему Иисус так просил и требовал, чтобы люди исполняли Волю Отца Его Небесного! Наше время облегчает исполнение этой Верховной Воли, так как быстрыми темпами создается новейшая техника и технология массовой информации. Обуздание зла и разрушительства – разумом и техникой! Но только следует помнить, что техника – это не нечто самодовлеющее, это всего лишь костыли и протезы *нуждающимся* в движении. А направление движения избирает не тело, а душа.

В Евангелии как раз формулируется Воля Отца Небесного как требование к человеку не зарывать свои таланты, а также – не мешать проявлять свои таланты другим. Это и означает – возлюбить и себя и ближнего своего. Не в формальном, не в абстрактном, а в содержательном и конкретном смысле.

Бог – это любовь

В Евангелии есть повествование о том, как один из законников, искушая Иисуса, спросил его: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На

сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Матф. 22:35-40).

Воля Высшего Космического Разума проста и ограничена (определенна) в своих требованиях: человек «всего лишь» должен *возлюбить Бога, себя и ближнего своего*. Именно Любовью очерчивается та *граница*, переступить которую человеку возбраняется, ибо тогда он станет Нечеловеком. Однако внутри этой границы человек обнаруживает для себя безграничную возможность развития.

1. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим».

Поскольку чувство любви должно носить деятельностный характер, то в сказанном я слышу: исполняй свое божественное, космическое предназначение и люби Мир, как свой собственный Дом, постоянно способствуя наведению в нем порядка – гармонии.

2. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Самого себя человек должен любить, уважая и любя в себе всё подлинно человеческое, культивируя в своих действиях все то, что помогает развивать свою человеческую сущность. Любя ближнего твоего, как самого себя, способствуй тому, чтобы и он, как ты, всеми делами своими доказывал свою любовь к Господу Богу, к другим людям и ко всему хорошему в самом себе. Кроме того, любя ближнего твоего, как самого себя, ты должен позаботиться и о земном его благополучии, и поэтому правы те, кто считает, что реализовать эту заботу о земном бытии ближнего можно только через «совокупность всех общественных отношений» (Гегель полагал, что нравственность человека проявляется через семью, гражданское общество и государство).

Итак, еще раз: кроме заботы о теле своем и о теле ближнего своего, подлинная любовь – и это прежде всего – включает в себя заботу о своей душе и душе ближнего своего.

Соответствовать Логосу и служить ему, созидая разумную, справедливую жизнь. А как? – Посредством Любви. Вот в этом и состоит Воля Отца Небесного, нарушение которой чревато для человека богооставленностью. В этом – самый главный смысл

и главная ценность человеческой жизни. И это не трансцендентная ценность, а ценность, вполне имманентная человеку, его сущности.

Еще и еще раз: любить – это значит видеть во всех людях и во всем Мире – свое, родное и близкое. И не просто видеть, а и вести себя соответствующим образом: так, как ведет себя деятельностно любящий свою собственную, родную семью домочадец (великая истина, которую интуитивно чувствовали уже мифологически мыслящие люди, считая весь мир своей огромной семьей).

В заповедях Иисуса три объекта любви: Бог, я и ближний (а «дальних» быть не должно. Так надо понимать смысл – возлюбить врагов своих).

Любовь к себе. В древний призыв «познай самого себя» входит и присмотр за здоровьем своего тела. Одна из важнейших составляющих мудрости – гармония человека со своим организмом. Это особенно важно для молодежи. Девушка, берущая в рот сигарету, нарушает эту гармонию. Сиюминутная выгода: шикарно выгляжу, снимаю стресс, – оборачивается нелюбовью к себе и к своему будущему ребенку. Очень важно возвращать в себе волю. Однако волевые усилия должны быть направлены на главную цель жизни. Искусство быть **с-част-**ливом: **благо-дар-**но оценивать свою волю как дар, как соответствующую твоим силам «часть» Всеобщей Воли как целого.

Бог – это любовь. Но и к осознанию сути этой любви, и к ответной любви к Богу ведет длительный эволюционный путь. Диалектика любви – это высшая диалектика. Об этом хорошо пишет Г.С. Батищев.

Весь мир – это универсальные узы любви. Весь мир – это благое и разумное информационное поле. Жизнь в этом мире, по идее своей, – это жизнь «в одном ключе», умение понимать и любить друг друга. Мир – это живой мир. Неслучайно поэтому, что нарушение закона всеобщности любви приводит к болезням (С.Н.Лазарев объясняет это законом кармы). И наоборот, высшая,

да и, пожалуй, единственно возможная, награда человеку со стороны Бога – это наделение любовью: как умением любить, так и любовью со стороны других.

Чем больше объединялись, чем крупнее становились сообщества людей, тем труднее было соблюдать устарело понимаемый ими внутренний императив их существования. Понятие «ближние» исторически постоянно расширялось. И вот сейчас человечество глобализируется, становится одной большой семьей, одним родом-племенем. И тут стандарт должен быть един (двойные и тройные стандарты в наше время не годятся, макиавеллиевский тип политики должен безвозвратно исчезнуть). Иисус учил очень сложной для большинства людей необходимости: возлюбить врагов своих. И в этом учении содержится великая мудрость: врагов не должно быть вообще. Всеобщее, международное законодательство должно писаться для всех и по одному стандарту. Сильный не должен навязывать слабому свою волю и свое толкование закона. Категорический императив не может быть отменен, ибо – он формулирует суть человеческого бытия. Учение Канта о категорическом императиве и вечном мире способствует процессу становления ноосферы.

Любить Бога – значит любить Природу и ее законы, изучать их. Именно так понимает призыв Спинозы один из лучших исследователей его учения, добавляя, что в аспекте такого понимания любой школьник, прилежно штудирующий природоведение, больше любит Бога, нежели сам Папа Римский.

А мне хотелось бы возразить и уточнить: на мой взгляд, согласно Спинозе, любить Бога – это стремиться смотреть на всё не нашими слабыми и предвзятыми человеческими глазами, а глазами Абсолюта. И при этом чувствовать себя частью великого космоса, а не «пупом» вселенной. Как говорил Г.С.Батищев, – быть субъектным, а не субъективным!

То же, но по-другому, сказал в свое античное время Диоген Синопский, гордо называвший себя Космополитом. Разве, когда он с зажженным фонарем ходил по базару и кричал: «Ищу чело-

века!», он оценивал суть человечности по своему личному разумению, то есть так, как это предлагали делать софисты? Да нет! Он призывал человека стать наконец-то Истинным Человеком.

Любовь (и человека к Богу, и мужчины к женщине) – это *радостное сопричастие* (мысленное или – реальное, – неважно). Любовь всегда идеальна: я хочу стать самым собой в большей мере и поэтому стремлюсь к тому, чего у меня нет, но что является моим другим, моим лучшим.

Главное же это: Любовь – это *радостное стремление к ответственности*. Еще Гераклит уговаривал человека соответствовать Логосу, несущему человеку поток мудрости самого мироздания. Развивая эту, идущую от Гераклита классическую традицию, современный философ Г.С.Батищев говорит о необходимости следовать и служить беспредельной, неисчерпаемой объективной диалектике. Любовь к Богу активна, ибо она есть *стремление уподобиться Богу*. Она есть радостное и искреннее желание исполнить волю Отца Небесного.

Следуйте за мною!

Очень часто мне на ум приходит краткая, но чрезвычайно содержательная беседа Иисуса со скромным богатым юношей, жаждущим узнать, что следует ему сделать, чтобы иметь жизнь вечную. Вначале Иисус напомнил ему о необходимости соблюдения важнейших заповедей. Молодой человек, сказав, что он так поступает с ранней юности, пожелал узнать, чего еще недостает ему. Услышав, что, если он ищет большего совершенства, ему следует продать имение, раздать нищим и следовать за Христом, юноша с печалью отошел прочь (Матф. 19: 16-26).

Христос сразу же использовал этот разговор и это событие для того, чтобы обратить внимание своих учеников на то, как трудно богатому войти в Царство Небесное (легче верблюду пройти сквозь игольные уши). Весь тон и контекст этой беседы убеждает меня в том, что Христос говорил об этом с сочувствием, печалью и жалостью, а не с гневом: действительно очень труд-

но человеку поменять земные сокровища на небесные. Это, – во-первых.

Во-вторых же, Христос в этой беседе фактически провозгласил те две морали, о которых много говорит в своих сочинениях Ф.Ницше. Мораль слабых и мораль сильных. Первым, то есть слабым, достаточно исполнять Волю Отца Небесного в виде выполнения определенных заповедей. И уже этим самым создавать условия для правильного, доброго воспитания детей, среди которых когда-то рано или поздно, но обязательно появятся и Сильные Духом. Вторым, то есть тем, кто силен духом, надо идти уже на прямое исполнение Воли Отца Небесного. Раздай имущество бедным и следуй за Мною! В сферу Разума и Любви! На жизнь, насыщенную духовностью и желанием оказать помощь страдающим, и, в связи с этим, физически – очень нелегкую, полную опасности.

Но вот что принципиально важно: Иисус не отделяет эти две морали друг от друга как взаимоотрицающие. Они у него направлены в одну и ту же сторону. Они объединяются в одну и ту же систему: систему служения Богу, а не дьяволу. А вот Ницше с его Заратустрой решает это противоречие между двумя моральями явно не по-божески. Противопоставляя их друг другу!

При этом Ницше видит только снисходительность Иисуса Христа к таким людям, которые, как вышеуказанный юноша, не способны на героический подвиг. Призыв Спасителя к человеку стремиться к обладанию великой духовной силой ускользает от внимания богоборца Ницше. Причем надо видеть, что речь в указанной беседе идет не о какой-то абстрактной силе, а о силе воли следования в нужном направлении, следования за Ним, Спасителем.

Его часто не понимали и Его ученики. Им так хотелось побыстрее сесть ошую и одесную трона Иисуса, захватившего земную власть. У них была несомненная воля к власти. Но к какой?! Из воли к власти могут получиться апостолы, а могут получиться нероны и гитлеры. Это – сильные! Но эти сильные, увы, не знают, куда идти. Им что-то чудится, они что-то видят как бы в

тумане. И часто, получив желанную власть, они, как пилоты, потерявшие ориентир, врезаются с ведомым ими самолетом в горы и губят доверившихся им «пассажиров».

Не могу скрыть того, что лично для меня беседа Иисуса с фарисеем Никодимом остается одной из самых главных и поучительных.

На слова Иисуса: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Иоан. 3:3) озадаченный Никодим реагирует так, как и должен реагировать обиденно мыслящий человек: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Иоан. 3:4). Иисус настаивает: «Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (Иоан. 3:7) Одновременно он пытается помочь Никодиму избавиться от примитивного понимания второго рождения: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух» (Иоан. 3:6).

Никодим, однако, так ничего и не понимает. «Как все это может быть?» – озадаченно бормочет он. Иисус с горечью замечает, что, претендуя на то, чтобы зваться учителем Израиля, этот человек не способен ничего понять в затронутой в беседе серьезной теме.

Итак, первое рождение человека – это рождение от плоти, а второе – от духа.

Можно, конечно, слова эти трактовать в переносном смысле: человек, де, бессмертен своими делами, вкладом в культуру. Уходя из материальной жизни, человек не исчезает бесследно, а как бы переходит в идеальное состояние – в культурное наследие, в память о нем его детей и учеников. И таким образом человек приобщается к вечности, к бессмертию.

Некоторые философы говорят о том, что каждый человек, и причем уже *в этой* своей жизни, рождается дважды: первый раз материально: от матери и отца, а второй раз – духовно, приобщаясь к культуре.

По мнению же Н.Ф.Федорова, второе рождение человека – это его воскресение не в переносном, а в буквальном смысле. Иисус пришел к людям, чтобы словом и делом внушить им, что воскресение и воскрешение ушедших из жизни людей возможно. Только вот, по Н.Фёдорову, пассивно ждать в деле воскрешения чудесной помощи человеку не следует: воскрешение придет не извне, а сам человек должен научиться возвращать себе и своим предкам жизнь с помощью грандиозно развившейся науки и техники.

Однако можно видеть, что все названные трактовки абстрактны, так как слова Иисуса о двух рождениях произвольно отрываются авторами этих трактовок от Его же слов о том, что, «если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Авторы этих трактовок как бы забывают о том, что здесь речь идет не просто о рождении, а о рождении *«свыше»*, о рождении *духовном*.

Духовное возрождение! Герострат добился-таки своей цели: чтобы остаться вечным в памяти людей, он сжег прекрасный храм Артемиды. Но разве это его «второе» рождение, слелавшее его вечным в памяти людей – это рождение свыше, рождение духовное?

Мне кажется, что вольное или невольное сведение смысла идеи духовного рождения в Царстве Божиим к всего лишь к переносному или букальному переходу человека в вечность – это недопустимый софизм.

Принцип избранности

*Богу тоже нужно хорошее.
Армянская пословица*

Принцип избранности имеет рациональный, то есть вполне разумный, смысл. Не тот, конечно (опять не поняли Христа!), приписываемый Богу в ряде конфессий и сект произвол, которого на самом деле быть не может, ибо Бог есть любовь. Повторяю, принцип избранности имеет разумный характер: идет отбор (как всегда и везде), отбор «клеток», «ячеек» будущего Объединенного Разума – «материал» должен быть избран, собран из умных и порядочных людей.

Хочется еще раз повторить слова Евангелия, которые каждому из нас почаще надо бы читать и обдумывать: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Матф. 7: 21), «... ибо много званых, а мало избранных» (Матф. 20:16).

«Избранное – 2000». Передачу именно с таким названием вел в свое время известный публицист Лев Николаев. Меня вдруг поразило своим глубоким смыслом казалось бы очевидное: в культуре, в исторической памяти сохраняется, отбирается только действительно выдающееся. Недаром «избранное» – синоним «лучшего, выдающегося». Так и в Объединенный Разум войдет все избранное – выдающееся. Отсюда и ясен путь, указанный Создателем – свобода. Насильно лучшим не станешь. Насильно избранным не станешь. Говоря «насильно», я имею в виду – насилью свою добрую волю, нравственность и ум. И уж, конечно, Бог не может быть насильником. Сам-то Путь открыт, свободен, и он есть путь Любви. И второе рождение (то, о чем сказал Иисус Никодиму) – свыше, – от духа, от культуры. Вот, наверно, в каком контексте надо понимать евангельское: «Много званых, а мало избранных».

Н.Фёдоров, как и Ориген, считал, что Бог настолько всепрощающ, что в будущем воскреснут и будут прощены буквально все, кто когда либо жил. Даже Сатана. Не нам решать, будет ли иметь место всеобщее воскрешение. Но нам приходится решать противоречие между идеей всеобщего воскрешения и идеей избранничества. Потому что от этого решения зависит наше прижизненное поведение.

Так в какой же форме следует понимать идею избранничества? Только так: сам человек свободно избирает свой путь. И путь деградации, и путь развития. Человек (вспомним беседу Спасителя с богатым юношей) – через осознание своей греховности, через раскаяние и формирование себя как свободного,

творческого, нравственного человека сам выбирает путь к вечной жизни. Божья помощь оказывается тому, кто свободно ищет путь к Богу. Насильно человека ни научишь, ни вылечишь, ни спасешь. То есть можно, конечно, спасти человека против его воли, спасти сегодня, сейчас, например, – от самоубийства, но вот от самого себя насильно никого не спасешь.

Тейяр де Шарден говорит: «В каждой отдельной душе Бог любит и спасает целиком весь мир...»[35, 28].. С одной стороны, в данном высказывании я усматриваю для себя то, что *Богу человек нужен для того, чтобы посредством его души спасти мир!* Спасение мира осуществляется через человеческие души, как бы перерабатывающие материальное в духовное. Но, с другой стороны, мы знаем, что души эти неравноценны, они представляют собой разные уровни отражения Общего в единичном. А следовательно, и результаты позитивного воздействия каждой отдельной души на мир чрезвычайно различны.

У Ф. Достоевского есть такой интересный термин – «тварь дрожащая». Родион Раскольников очень хотел доказать, что он не относится к этой презренной категории людей. Но какой путь он выбрал для своего доказательства? Дьявольский – через убийство. Он по-нищенски возомнил себя способным судить, каким человеку – быть и какому человеку – жить.

А я вот иногда думаю, что «тварь дрожащая» сама может стать на истинный путь, причем даже скорее, чем непоколебимые супермены, не допускающие к своему сознанию «проклятые вопросы» о смерти и о смысле жизни. Не суди, да судим не будешь! Бог дает *любому* человеку свободу самому для себя решить вопрос, каким ему следует быть и имеет ли он шанс для жизни вечной.

Спасти душу человека насильно нельзя. Зачем Небесам толпы рабов, трусов и глупцов, которых можно было бы пригнать туда насильно!? Например, – с помощью Страх перед адским наказанием или же с помощью некоего постоянно повторяющегося, грандиозного Чуда! Свобода – вот орудие Отбора наи-

лучших и Отсева наихудших душ. Небеса для сохранения Бытия должны быть чистыми, сильными и мудрыми. Только искренне и свободно исполнивший волю Отца Небесного может попасть в эту сферу высшей формы жизни и мышления.

Субъектность (а не субъективность, как уточнял Г.С. Батищев) есть отражение Бытия (Истины), а отнюдь не произвол. Далеко не все это понимают. Избранные – это понимающие или хотя бы ощущающие присутствие в своей душе – Бога. Но, говоря так, я имею в виду субъективное самоощущение избранного. Что же касается действительного избрания того или иного человека – это, как говорится, всецело в руках Божьих. Я думаю, и говорил уже о том, что даже считающий себя неверующим, но честный и способный к любви и состраданию человек вполне может оказаться избранником Божиим.

Молитва Иисуса Христа «Отче наш...» должна, по-моему, пониматься буквально, а не с уточнениями, которые неоднократно я встречал в современных переводах. Так, странно для современного человека выглядящая фраза «И не введи нас во искушение», содержит в себе большой смысл. Человеку страшно, что он не справится с этим испытанием: ведь он не обладает такими силами, которыми обладал Иисус, искушаемый дьяволом. Однако человек предполагает, а Бог располагает. И часто получается так, что Бог не внемлет детской просьбе не делать «больно» и вводит-таки людей в искушение, причем даже – избранных своих, дабы они смогли либо найти в себе силы справиться с испытанием, либо, испачкавшись и раскаявшись, тверже стать на свой истинный путь. Грех – это одна из экстремальных возможностей познать самого себя.

Богоизбранность я понимаю только как поощрение ищущего Истинный Путь. И поощрение, спонукание часто происходит через искушение мнимой сладостью запретного плода. А что же такое – Богооставленность? Наверное, это результат полной

разочарованности Высших Сил в способности данного человека искать и обретать истинный смысл своего бытия.

Действие Высшей Воли – избрание. Ощущение избранного: избранник Божий. Ощущение отверженного, забракованного: богооставленность. И мне кажется, что именно из этой категории людей и рекрутируются толпы атеистов и богоборцев: раз я не чувствую присутствие Бога, то его и нет. Логика эзоповской лисы, не дотянувшейся до гроздьев винограда.

Итак, действие Высшей Воли – избрание. В самом широком смысле – это Избрание Космоса, а не хаоса, Бытия, а не небытия. И избрание космоса, гармонии (а значит, – бытия) требует *твердости волеия*, ибо нельзя, чтобы за счет милости к негодьям (не грешникам, а именно к негодьям, то есть абсолютно несправедливым, не-годным для царства божия) страдали души, исполняющие Волю Отца Небесного.

Вот об этом, как мне кажется, и следует озаботиться и отдельным личностям и группам людей, претендующим на избранность.

КАК Я ЧУВСТВУЮ И ПОНИМАЮ БОГА

*Спустите мне, спустите сходни,
Пойду искать пути Господни.*

*Введенский А.И.
(поэт-абсурдист)*

Как-то ночью встал, зажег свет и записал следующее.

Люди видят, чувствуют Бога по-разному. Одни – как господина, другие – как равнодушного гиганта, третьи – как личного и единственно настоящего друга. Я чувствую свою слитность с Богом, чувствую Его в себе, чувствую свою тождественность с Богом. Разумеется, Бог во мне – это то лучшее и высшее, возвышенное (и в то же время, указующее и ведущее), что есть во мне. Поэтому это – тождество различного, тождество капельки и океана Вселенной, тождество, предполагающее и содержащее

в себе различие. И это – не только и не столько количественное, но – качественное различие. Это, прежде всего, различие моего знания и божественного Всезнания, различие моего мировидения и божественного Всевидения. Может быть, в этом и состоит главный аспект Объективной Диалектики, обязательно предполагающей в себе присутствие субъектов и их развитие?

И Диалектика эта проявляется и в том, что каждый субъект, то есть каждое Я при правильном настрое души способно чувствовать свое единство с Богом, непосредственно «ощущать» Его присутствие.

Про себя могу сказать, что я верю (уверен) в то, что способен слышать Божье Слово (Логос). И эта вера моя укрепляется и доказывается моим знанием. Путь эволюции к Богу есть одновременно путь непосредственной связи меня с Ним. Я-малое стремлюсь стать Я-большим. Взгляд же Бога на меня я могу только чувствовать, не понимая сути этой «обратной» связи. Это взгляд миллионноглазого Шивы. Он зовёт меня и я ползу, карабкаюсь, в меру своих слабых сил. Зовёт..! Чувство при-звания во мне с раннего детства. Хотя, надо признаться, это чувство нередко вызывало во мне приступы настоящего отчаяния, так как в чем состоит это призвание я, как следует, не понимал, а главное, не ощущал себя достойным такого внимания Свыше. Самое же непереносимое отчаяние возникало у меня тогда, когда я временно утрачивал эту способность – чувствовать присутствие Отца Небесного. Со временем я понял, что такое состояние всегда возникало в моменты моего неверия и духовной слабости и ничтожности.

Я думаю, что нет больше награды для верующего человека, нежели радость от обладания самим состоянием верования, несущим в себе чувство абсолютной защищенности. Главное, понял я, – это стремление к спасению чистоты своей души. Только чистые души – идеальное содержание будущих преображенных тел. Не сам по себе грех – препятствие на пути в Царство Божие, а невозможность души преодолеть грех, искренне раскаяться. Настолько искренне, чтобы исправиться, я уж не говорю – преобразиться.

Бог – это мое Идеальное Я.

Я всегда советуюсь с ним, беседую, со-мыслю.... И очень часто эти беседы связаны с ощущением несоответствия между я и Я.

Бог есть идеальное в этом мире. В двойном смысле этого слова: и как недоступный человеческим чувствам смысл, сущность Бытия, и как Высшая степень совершенства. Онтологически Бог – это Идеал (Цель) развития и целостности Бытия. Бытия мира и бытия личности. А поскольку реально Бытие есть целостная развивающаяся система, то и этот Идеал есть тоже Реальность. И не только потенциально, но и актуально существующая реальность. При этом, повторяю: я уверен в наличие контакта между человеком и Богом. И не только верю в Него, но и чувствую Его присутствие.

Эволюция мировых религий говорит о том, что человек сам создает своего Бога, но создает не просто в воображении своем, но в своих вполне реальных коллективных действиях, в действиях Истории, в действиях, хоть сколь-либо направленных на конструирование сверхразума и сверхобщества (ноосфера). Парадоксально, а для атеиста – неприемлемо, но практика созидания Бога это то же, что и шествие к Нему, слияние с Ним.

Будучи Образом и Подобием Божьим, человек и свое понимание Бога создает в виде образа и подобия человека. Вспомним гениальные интуиции Ксенофана Колофонского по этому поводу. Но вспомним об этом не односторонне, лишь фиксируя факт антропоморфизма в понимании человеком Бога, вспомним и иное – то, что Ксенофан в то же время говорит, что на самом-то деле: «Единое – вот что такое Бог».

Важнейший для меня момент: понимание Бога Спинозой я воспринимаю не так, как это делает ученый Эйнштейн, а как человек, верующий в возможность личного контакта человека с Богом. И в этом случае я соединяю идею всюдности и верховности Бога с идеей его личности, причем, нахожу удивительные факты (позитивист уверенно и надменно скажет – это всего

лишь «совпадения») в своей собственной биографии и укрепляюсь в вере в свое персональное предназначение.

В отличие от тех ученых и философов, которые считают, что могут обойтись без идеи Бога или даже не нуждаются в ней, я говорю, что для моей картины Мира идея Бога совершенно необходима. Возможно, Кант и прав в том, что идея бытия Божия не может быть доказана с помощью логики формальной, но я уверен в том, что эта идея доказывается (обязательно, с неизбежностью доказывается) с помощью логики содержательной, являющейся отражением логики самого бытия.

Этическое же доказательство бытия Бога, и тут Кант безусловно прав, состоит в том, что индивидуальное нравственное развитие человека невозможно без внутренней беседы с Высшим Разумом как с Судьёй.

Бог всегда с нами. И не только как идеал. Он воплощается в тех избранных немногих людях, которые целью своей жизни ставят служение высшим задачам (высшим человеческим ценностям) Бытия, наглядно подтверждая тем самым тот факт, что сущность человека есть образ и подобие Божие. А в миру эти избранные выступают через свою деятельность живым ферментом, «близким» и реальным идеалом для нас – обычных (негероических) людей, отвращая их ото зла и подвигая на то, чтобы и они смогли сделать хотя бы небольшой шаг к обретению ими своей человеческой сущности. В качестве литературного примера я часто вспоминаю образ, казалось бы обыкновенного, чудаковатого человека (потому что всегда говорит правду и ждет этого и от других) Авдея в «Плахе» Чингиза Айтматова.

Явление Христа народу – это и уникальное, и перманентное явление. Уникальное – потому, что основные, *истинные* принципы подлинно человеческого бытия провозгласил раз и навсегда именно Иисус Христос (я так говорю как христианин, не отрицая право представителей иной конфессии на иное толкование поисков пути к Богу). Перманентное – потому, что праведники и пророчествующие всегда живут среди нас, героически уподобляя свою деятельность деяниям Спасителя. У Тейяра де Шардена

есть такое замечательное выражение: «Всегда неизменный и вечно новый Христос» [35, 11].

Кант говорит о том, что онтологическое (логическое) доказательство бытия Бога – пустая трата времени.

Однако невозможность чисто логически доказать бытие Бога это ведь тоже результат. Значит, нужно это делать не только логически, но и фактологически, с помощью науки. Как это делает Тейяр де Шарден.

Не надо противопоставлять процесс самовыражения процессу служения (Богу, идее). Очень хорошо это выразил не помню, к большому моему сожалению, какой-то священник, говоря о Ван-Клиберне и вообще – о музыкантах. Подлинное самовыражение есть выражение моего большого (наибольшего) Я, то есть Бога. Вот она – субъектность как объективность!

Бог есть Всеобщее. И оно, в истории становления и развития общества проявляет себя по-разному: сначала оно, действительно, есть грозный восточный деспот, а позднее – некий Личный Бог как Со-весть (со-вещание) с Космосом. Такая же картина ожидается и в связи со становлением Объединенного Разума (высшей формы мышления развитого состояния Ноосферы): сначала категоричное осуждение грехов каждого индивида, затем (когда всё тайное станет явным) – прощение, понимание, доброжелательность, ласковость.

Можно, как это кое-кто предлагает, и атеизм считать своеобразной верой? Однако, вера эта непрочна и ненадежна, так как для массы человеческой, к сожалению, действителен лозунг: если Бога нет, то всё позволено. Да и для верующего именно мгновения сомнения и неверия оказываются временем совершения гре-

ха. Поэтому искренне верующему дьявол не страшен. Как было бы хорошо, думаешь порой, если бы вдруг все люди стали верующими. Это означало бы конец мучениям человеческим. Но тут же спохватываешься и уточняешь: не просто верующими, а – истинно верующими. Вспомним крестовые походы, инквизицию, религиозные войны... Ведь все эти действия были либо бестолковыми, либо лицемерными, но в любом случае, очень грубыми отклонениями от той Истины, которую принес человечеству Спаситель.

Ведь, как это ни парадоксально, но именно такое, в принципе, желание (положить конец мучениям человеческим) руководит даже и всеми искренними революционерами, в том числе – атеистами (Кто против счастья народа? – выходи, расстреляю!)

«Бога выдумали, чтобы спасти мир от пустоты». Эти слова Мигеля де Унамуно звучат как парафраз темы, сформулированной Вольгером: «Случись, что Бога нет, его б пришлось создать». У Вольтера это стихотворная строчка, в которой «создать» означает «выдумать».

Мне кажется, что в этих высказываниях незримо присутствует и Ф.М.Достоевский со своим более четким пониманием проблемы: «Если Бога нет, то всё дозволено». В общем, в любом из приведенных вариантов фиксируется тот факт, что мир без Бога – пуст и бессмыслен.

И что же тогда у нас остается? Вынужденное признание бессмысленности обезбоженной человеческой жизни и обезбоженного бытия вообще. Признающий Бога материализм (деизм) искать этот смысл предоставляет религии, а сам, как Понтий Пилат, умывает руки. Атеистический же материализм, напротив, пытается энергично доказывать, что подлинный смысл жизни только и появляется с отказом от «иллюзорной» формы общественного сознания – религии. И что же, спрашивается, могут предложить человеку атеисты? Наиболее циничные предлагают выдумать несуществующего бога. Ну, хотя бы для обуздания черни. Наиболее

честные из них предлагают создать бога из человека. И что от этого произойдет: мир наполнится смыслом? А как же Достоевский, за всемирно известной фразой которого – огромный исторический опыт? Поведение горстки героев Альбера Камю в его романе «Чума» не является для меня аргументом для доказательства того, что человек способен создать в пустом, абсурдном мире свою собственную благодать. Да, ведь, к тому же, благополучие человека не спасает его от бессмысленности бытия. И аргументы для этого суждения есть: наличие и даже нарастание суицида во вполне благополучных странах.

Так что, на мой взгляд, ничего у материалистов-атеистов не получается. Особенно четко, и, наверное, все-таки против своей воли, это доказал Э.В.Ильенков в своей «Космологии духа». К этому произведению я вернусь еще не раз, а пока что сформулирую свою идею-фикс: смысл бытия обеспечивается только вечностью Высшего Разума, которому человек нужен для исполнения функции со-творца и помощника в борьбе с хаосом небытия. Создатели других вариантов мировоззрения, по моему глубокому убеждению, либо не озабочены поисками смысла жизни человека и даже – смысла бытия мира в целом, либо ищут его не там, где следовало бы искать.

Мне кажется, что мысль Ф.Тютчева («Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...») сопоставима с выводом А.Тойнби о том, что высшие точки религиозного опыта совпадают с низшими точками истории секулярного общества. Философия, религия, наука и искусство в «минуты роковые» получают мощный стимул для своего развития и окрыляют человека и сохраняют в его душе веру в смысл жизни. Думаю, что концепция ноосферы есть новый максимум в духовном опыте человечества. И она даст человеку силы справиться с роковыми угрозами тьмы глобальных проблем.

Я часто задаю себе вопрос: почему совершенство Бога мы должны видеть в неподвижности и абсолютной его завершенности? Мне кажется, что наоборот, одно из проявлений совершенства Бога должно бы состоять в его способности к постоянному обновлению и развитию. Но прямо скажу, в данном вопросе у меня нет твердой уверенности.

Философские метания пессимистов имеют одну основу: обиду на Бога за то, что он не устроил мир так, как им хотелось бы. Им нужно чудо и немедленно. Иначе, дескать, и Бог не всемогущ. По сути дела, они, образно говоря, требуют от министра путей сообщения, чтобы он проявил свое могущество, нарушил установленные им же правила движения и тем самым совершил умышленную аварию. Однако, с другой стороны, и смирение верующего не в том состоит, чтобы тупо терпеть, как собачка, удары судьбы, а – в том, чтобы знать: всё может повториться и исправиться, если не в настоящем, то в будущем времени, если не в современном пространстве, то в системе Объединенного Разума.

И потом: разговоры о том, что наличие «зла» природы должно, якобы, быть достаточным основанием для того, чтобы философу отвергать Добро человека, логически совершенно неверны. Ведь именно в этом-то и состоит призвание человека, чтобы перейти из царства необходимости в царство свободы, а это означает переход от диалектики вражды к диалектике сотрудничества и любви.

Предустановленная гармония требует вмешательства Бога в критические моменты эволюции (А.С.Арсеньев), иначе – хаос. Очень странной выглядит уверенность (Э.В.Ильенков) в том, что, «взорвав» мир и возвратив его к «старту», человек тем самым обречет его и в дальнейшем на «правильный» путь (само)развития.

Любимые современными материалистами создатели и сторонники синергетики не поддержали бы эту идею: ведь случайность, якобы царящая во всем, не гарантирует какого-либо повторения.

ВЕРУЮ И ЗНАЮ

«Верую, ибо разумно!». Именно так хотел я когда-то назвать задуманную мною статью, (которую уже, наверное, так никогда и не напишу) в журнал «Наука и религия». Логика понимания Мира и понимания Бога – своеобразная логика. Когда-то, еще в молодости, я тщился соединить вечное и неизменное с временным и развивающимся. Вечное и неизменное, то есть Бог, может существовать только через свое развитие. Мне кажется, что Божественное совершенство должно включать в себя и способность вечного обновления и постоянного совершенствования.

И тут как бы два измерения: вечное и временное. Бог находится сразу в обоих измерениях. С одной стороны, он планирует жизнь Мира и руководит им, он есть его (Мира) Разум, Память и Воля, он живет в нас посредством нашей совести (Со-весть), а с другой стороны к нему (в царство Божие) постоянно приходят все новые и новые Гении, Герои и Святые, а также – просто порядочные люди (и им тоже уготована немаловажная функция в «Великом Компьютере»). С другой же стороны, Бог присутствует и в восходящем эволюционном процессе бытия природы, а именно: как нарастающая идеальность.

Тейяр де Шарден постоянно призывал своих читателей к воспитанию зрения. Внутреннего зрения! Многие из нас слепы. Давайте же, наконец, видеть! Увидеть означает – осознать опасность и отразить беду, изъять хаос из космоса нашей жизни. Эволюция направлена на то, чтобы до максимума развить способность форм движения видеть и гармонизировать.

Для того, чтобы видеть, надо иметь качественные приборы слежения. Подслушивать, подсматривать: кругом злодеи, сею-

• Часть 1. О БОГЕ

щие в мироустройстве – хаос разного рода. Все науки и техника созданы именно для этого, для решения задачи сохранения бытия человечества, а по большому счету – бытия вообще. .

Но главное, невидимое подслеповатым глазам человека, выразил в определении Воли Отца Небесного Иисус Христос: увидьте, наконец-то, что главное – это **возлюбить**. И в этом – путь к гармонии и сама гармония. То есть – Космос вне и внутри души человека.

Неужели человеку нужны какие-то чувственно-конкретные, сиюминутные чудеса, чтобы он уверовал? Ему недостаточно таких великих чудес, как жизнь, сознание, эволюция, цефализация, человеческий прогресс?!

Высказываю парадоксальную мысль: мыслю Бога, следовательно, он существует. Я имею здесь в виду то, что чувство может быть обманчиво, а вот разум есть погружение в мир идей, в мир, недоступный для чувств.

Не чужая, а только своя для каждого человека интуиция может дать ему знание о Боге. Результаты же интуиции других людей, в том числе и пророков (ведь среди них могут быть и псевдопророки, как предупреждал своих учеников Христос) я могу и даже обязан подвергнуть сомнению и ревизии. Весь вопрос состоит в том, а обладает ли для такой ревизии данный конкретный человек достаточным уровнем разумного, диалектического мышления.

Вот два противоположных мнения известных в свое время писателей Анатолия Мариенгофа и Бориса Зайцева о Боге и его деяниях:

1. «Послушайте, господин чудак,
Иже еси на небеси,
Ведь этот сотворили вы Б.....?
Мерси!»[22, 417- 418].

2. «Ничто в мире зря не делается. Всё имеет смысл. Страдания, несчастья, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшем созерцании могут открыться как бесполезные. День и ночь, радость и горе, достижения и падения – всегда научают. Б е с – с м ы с л е н н о г о н е т» [11, 15].

Возможен ли синтез таких противоположных, даже антагонистичных, суждений? Первое называет Бога, если он есть, бракоделом и подчеркивает абсурдность и бессмысленность бытия.

Второе призывает не брать на себя грех осуждения Творца, так как ум и чувства человека в силу их несовершенства не способны охватить целое и поэтому неспособны правильно судить и оценивать. Уверенность в том, что «всё имеет смысл», – вот самое главное, вот самое дорогое, что содержится в этом суждении!

Здесь, мне кажется, неявно сталкиваются два разных понимания творения: с точки зрения первого, творение понимается как «одноразовое» и окончательное, а с точки зрения второго, оно есть вечный процесс, длящийся и по сей день. Несомненно, что только второе (как кто-то из современных теологов сказал: «Бог создал процесс, а процесс создал Человека») есть подлинная теодицея. Милость Господня как раз и заключается в том, что он из Человека не сделал своей куклы-марионетки, а дал ему Свободу, пригласил в сотворцы.

Я часто повторяю то мысленно, то вслух великолепное четверостишие Игоря Губермана:

«Мне вдруг чудится –
страшно конкретно –
Что устроено всё очень попросту,
и что даже душа не бессмертна,
а тогда всё напрасно и попусту».

В этих строчках я вижу своеобразное доказательство бытия Божия, как в математике говорят, – от противного. Скаламбурим: от настолько противного, что душа не принимает.

Верующий человек скажет так: верю в то, что бесконечный и вечный мир, не «напрасен» и не «пуст», и поэтому, несомненно, что он уже нашел (или всегда имел и имеет) способ спасения души человека.

ВЕРА В РАЗУМНОСТЬ БЫТИЯ – ОСНОВА ВЕРЫ В БОГА

Ж.-П.Сартр критикует веру в разумность самого бытия. Из неё, говорит он, проистекают: деизм, пантеизм, Спинозизм, отождествляющий Бога и природу, гегелевский провиденциальный историзм и благодушная вера в неотвратимый социальный прогресс Конта и Спенсера. Отрицая «веру в разумность самого бытия» Сартр обосновывает свой атеизм. Он бьет в самую болевую точку религиозной веры. Думаю, что веру в Бога будут критиковать до тех пор, пока ее основные принципы (и прежде всего – принцип разумности Бытия) не будут доказаны научно. Многие отрицают саму такую возможность. Но Тейяр де Шарден, В.И.Вернадский, Н.Н.Моисеев, А.С.Арсеньев и др. уже начали это великое дело – доказательство разумности бытия. Пока еще в их доказательствах много эмпирического, выводы их носят характер индуктивного наведения. Моя задача (экзистенция, судьба-призвание) – приложить усилия к тому, чтобы способствовать доказательству этого принципа теоретически.

Компьютерная, информационная сущность бытия. Возможность и необходимость ангела-хранителя. Информационное поле. Не хотелось бы, чтобы «возражатели» прицепились ко всем этим терминам: это – лишь вспомогательные образы для придания наглядности тому, о чем думаю и говорю.

Следует принять идею «железной» необходимости информационного поля (Мировой души). В противном случае нет единства Мира. В материалистической схеме бытия Э.В.Ильенкова

нет не только бессмертия души индивида, но и бессмертия духовной культуры, то есть всего того, на что он соглашался распространить понятие идеального. Да и бессмертие материи у него очень уж странное, так как неизменными остаются только какие-то её исходные абстрактные свойства, а после каждого цикла жизни наступает смерть Мира и нарождается совершенно новый Мир, как некий Иван, собственного родства не помнящий. Не история Бытия, а какая-то суматоха! Жизнь человека и человечества, вся история и культура становятся при этом совершенно бессмысленными. Вот уж, действительно, абсурдный, бессмысленный мир!

Не исключаю того (и очень надеюсь на это), что Эвальд Васильевич, будучи не просто талантливым, но гениальным философом, все эти свои противоречия видел сам, но дать какого-то приемлемого варианта их решения не смог или же не решился, даже – в статье, написанной «в стол». Слишком хорошо он знал, что такое вездесущая советская инквизиция.

Не может мир *быть* в форме немой совокупности атомов. Быть – значит *знать*, как это – быть, и *уметь* – быть. И это касается и содержания мудрости Мира и содержания мудрости Человека. Вот это – факт! А не то, что «Мир *есть*». Факт в том, что любая ящерица бытийствует только потому, что умеет отражать свой мир – получать и использовать информацию (в частности, удирая от преследователя, отбрасывать хвост). А мир в целом что же, глупее ящерицы?

Бог знает, как избежать впадения мира в хаос. Бог знает, что такое – быть, и умеет быть создателем и содержанием мира.

«Божественный Платон» – совсем в другом масштабе и с другой степенью удачности – также пытался найти идеальный рецепт сохранения греческой цивилизации, недопущения впадения ее в варварство. И каждый из нас поступает точно так же, стремясь сохранить бытие самых главных своих ценностей.

Иногда в отчаянии кого-то убедить, говорю: ладно, именуйте Абсолютом всё, что вам будет угодно! Бог, материя, сознание, — главное, чтобы вы при этом признавали, что этот Абсолют содержит Мир так, что каждой вещи соответствует логика ее бытия и развития. Мне кажется, что «Космология духа» Э.В.Ильенкова дает читателю возможность переосмыслить категорию «материя» в аспекте признания Абсолюта. У Ильенкова сама материя рождает из себя человека как мыслящее могущественное существо, способное в критический момент «возвратить всё на круги своя». Невольно задумаешься о том, что здесь, в «Космологии духа», либо материя, либо человек усеченно и «засекреченно» выполняют функцию Бога. В «Космологии духа», во-первых, сама неживая и немыслящая материя оказывается каким-то образом чревата человеком и мышлением (очень похоже на генетическую программу), а во-вторых, естественное (натура) на определенном этапе, согласно этой программе, порождает неестественное, искусственное (культуру). Из природы вырастает бог, но только, в отличие от Бога религий, он оказывается богом смертным (в мифологии и такие боги имеются), оставляющим (оставляющим ли?) после себя только программу и зародыши, вырастающие из этой программы.

Неужели компьютер будущих энных поколений (и это — вполне серьезные и обоснованные планы ученых) способен будет уловить и понять мой сигнал-чувство, а Бог не способен этого сделать?! Неудобно даже как-то задавать такой вопрос! Общая связь всех уровней идеального должна существовать обязательно. Лейбниц не во всем прав со своими абсолютно замкнутыми монадами. Бог необходимо есть Абсолютная Личность, связанная со мною и с другими людьми. Сообщение и обращение. Низшие формы идеальностей «снимаются» в Боге как в идеале идеального. И опять: прежде всего Бытие есть Мысль, Бытие есть Идеальное. Потому что все прочее — это пустяк, наподобие

тех атомов, которые в течение семи лет все до одного покидают живой организм, сменяясь другими атомами, а форма организма при этом остаётся.

Спиноза: «...Только познание есть причина уничтожения невежества...», «...Без руководства разума все ведет к гибели..» [33, 103].

Сказано: или ты правильно мыслишь, или ты погиб! Но ведь так можно сказать в первую очередь не о человеке, а о подлинном, с точки зрения Спинозы, субъекте мышления – о Природе-Богe?! То есть, если бы не было у бытия руководства разума, то оно бы погибло, всё стало бы небытием.

Далее: «Так как мы находим, что, стремясь к чувственным наслаждениям, сладострастию и мирским благам, мы не достигаем в них нашего спасения, а, напротив [достигаем] нашей гибели, то мы избираем руководство нашего разума. А так как последнее не может иметь успеха, пока мы не достигли познания и любви к богу, то оказалось в высшей степени необходимым искать его (бога)»[33, 104]..

Без признания Всеобщего, Абсолюта, человек будет близорук и запутается в ничтожнейших мелочах. Запутается и погибнет, как муха в паутине. Человек не соответствует своей сущности, своей идее, если не способен посмотреть на себя, на свою жизнь «глазами Бога».

Но ведь можно сказать и наоборот: без любви Бога к своим творениям руководство Бытием «не может иметь успеха».

С точки зрения Спинозы и даже Шеллинга, – и материю не следует противопоставлять Богу.

Бог присутствует во всём, но – идеально, то есть как Логос. Причем это не образное определение, а самое непосредственное присутствие Бога. Он – видит, чувствует. Непосредственное видение, без заблуждений. Интуиция – это способ обозревания

Создателем и Вседержителем Бытия. Интуитивное, непосредственное видение – через эти самые зеркальца-монады, о существовании которых гениально догадался Лейбниц. Самоотражение, самопонимание Бога (то есть Логоса, Истины Бытия [Ср.: Иисус: «Я есть Истина»]). И мы, люди, способны воспринимать это присутствие Бога.

Невоспринимающим же Бога всегда хочется задать такой вопрос: любая вещь имеет свой эйдос, а что же – Мир в целом такого эйдоса не имеет? Этого никак не может быть! И вот этот эйдос, Идея Мира и есть Бог!

Мы взрослеем, развиваемся и все яснее видим **идею мира**. Так что вновь повторю: создание Бога и движение к Богу – это одно и то же.

Итак, моя мысль заключается в том, что человек способен (я – способен) интуитивно осмысливать (видеть, чувствовать) постоянное присутствие в себе как в психологическом субъекте – Субъекта трансцендентального и Субъекта Абсолютного, трансцендентного (в позднеантичном, средневековом, но не в кантианском, понимании).

Когда философы в качестве аргумента в доказательстве бытия Божия приводят факт сложности и гармоничности бытия природы, то в этом есть большой резон: единство бытия, его эволюционность доказывается Отбором соответствующих друг другу, гармонизированных друг с другом систем. Мир – не хаос, а закономерно развивающееся целое. И человек занимает в этом процессе вполне определенное, можно сказать, – почетное, место.

Постоянно подчеркиваю, что для доказательства бытия Божия нужна не формальная логика, а содержательная. Ищем Логикку Бытия и через нее (отражая ее) начинаем постепенно все лучше и лучше понимать Бога. Спокойно и смиренно восходим

к Нему, опираясь на всю историю формирования диалектической логики. Именно и только правильное понимание диалектики способно выработать «философскую веру», то есть веру, основанную на знании.

Что же выходит? Свои заметки я начал с того, что Вера должна предшествовать Знанию, а теперь говорю противоположное? Да – это два противоположных и поэтому еще абстрактных утверждения. Это тезис и антитезис. Далее должен следовать синтез.

В чем же этот синтез, в чем основа единства знания и веры? А в том, о чем я уже говорил выше: создание человеком своего образа Бога и реальное движение человека к Богу – это одно и то же.

Очень важно понять и почувствовать: создание человеком Бога по образу и подобию своему и создание Богом человека по образу и подобию Своему – это одно и то же, две половинки сводящегося моста. *Строя Бога, человек познаёт себя. Строя себя, человек познаёт Бога.*

Истинное понимание Бога возможно только посредством мысли. Это – гегелевская идея. Моя точка зрения отличается от гегелевской тем, что искусство, религия и философия – не самостоятельные ступеньки к истинному пониманию Бога, а формы подготовки подлинной формы, которую «озвучивает» философия. Искусство учит человека творческому воображению, а религия – интуиции, которую она называет откровением. Творческое воображение позволяет человеку иметь дело с Прекрасным. Откровение дает возможность человеку приобщиться к Благу, Добру. Высшее содержит предыдущее в «снятой форме». Прекрасное и Доброе входят в состав Истинного.

Откровение есть интуиция, а интуиция – это элемент рационального познания (содержательной логики). Бога я могу познать только через познание логики бытия, то есть через познание Логоса, который, в соединении его с Деянием, тоже есть единство Истины, Добра и Красоты.

Критика Фрейдом не только религиозного, но и философского, понимания Бога, не кажется мне убедительной. Мне хочется возразить ему, показав Бога именно как Всемогущественную Личность, связанную со мной, с любым человеком, а также – с любым живым существом. И сделать это хотелось бы по возможности убедительно.

Иногда мне кажется это таким простым и очевидным делом, а иногда, наоборот, неподъемным камнем, который не сдвинуть с места.

Непостижимость Бога... Что это такое? «Непостижимое» – такое я могу сказать о каком-нибудь апейроне, хаосе, мультимирах – давно исчезнувших или находящихся бог знает где, в каких-то чуждых мне пространстве и времени. А Бог-то как раз постижим. Постижим! И более того, Он требует от нас Его постижения! Во-первых, я чувствую, что Мысль и Чувство через призму Совести уже дают нам контакт со Всевышним. Во-вторых, Бог открывается нам как Истина, Добро и Красота. Именно поэтому Гегель (и это – гениально!) и называет искусство, религию и философию формами Абсолютного Духа.

Я знаю, потому что чувствую, я чувствую, потому что знаю. Такое чувственное знание и разумное чувство характерно для состояния интуиции, откровения. Это, наверно, и есть Вера?! *Любая* вера, в том числе и вера в Бога.

Отношение «Бог – Человек». Прав Николай Кузанский: это – единение, это неразделимая система, как, например, в наше время мы могли бы сказать: как мозг и отдельная клетка организма. Позже Хайдеггер скажет: *Sein und Dasein*.

Это и есть «Бытие и иное Бытия», «Бытие и сущее», «Вечность и время» и все прочие двойные категории диалектики. И Богочеловек есть идеальное воплощение этого единства. И поэтому не важно, откуда идет нарастание этого единства – Сверху,

от Максимума, или Снизу, от минимума. Ведь и Человек есть Творец, ибо он – Образ и Подobie Божие. И он тоже участвует в сотворении этого единства, этого Союза. И на Иисуса можно смотреть и сверху (Сын Божий) и снизу (Сын Человеческий). Причем взгляд «снизу» являет нам величайшее свидетельство и благую весть о том, что человек способен стать и воистину стал Богочеловеком! Пусть не сам, пусть по воле Божией, но если тут одна лишь воля Божия, а усилий со стороны человека нет никаких, то тогда человек – это говорящее животное и марионетка, а вовсе не образ и подобие Божие.

Снова о чуде и о всемогуществе Бога. Есть такая байка: некий сообразительный мальчик спросил своего отца: «Может ли Бог создать такой камень, который Он сам бы не мог поднять?». На что отец ответил: «Он уже создал такой камень. Это человек». Неплохо и спрошено и отвечено. Но если серьезно, то те, кто признаёт чудо как способ действий Бога, на мой взгляд, не уважают Бога: он ими изображается как не умеющий раз и навсегда (или на продолжительное время? – не знаю) продумать свод законов (Логос) бытия Космоса и поэтому постоянно эти законы нарушающий, отменяющий.

Да, Бог – Абсолют. И значит, Он – абсолютно могуществен. Но свое всемогущество Он осуществляет не напоказ человеку, который хотел бы, чтобы Бог оказывал ему помощь постоянно, да еще и мгновенно, да еще и в разных пакостных его делах. Человек преимущественно (особенно неверующий) живет во временном мире, Бог же – в Вечности. Поэтому человек видит крохотный момент всей полноты действий Бога. Чтобы увидеть Всемогущество (а также – Всезнание, Вездесущность и т.д.) Бога, надо уметь встать на Его точку зрения и пребывания. Ну хотя бы в какой-то ничтожной степени, хотя бы – в принципе. То есть освободиться в себе от, как говорил Ницше, «слишком человеческого» и стать Человеком с большой буквы, то есть образом и подобием Бога.

Добавление: однако, пребывая в Вечности, Бог одновременно пребывает и в душе каждого человека.

Всемогущество Бога проявляется в форме эволюции, завершающейся как огромный (с точки зрения человека) и бесконечно вновь повторяющийся цикл. Уже то, что я высказываю такую мысль, говорит о том, что в принципе на точку зрения (мышления и деяния) Бога человеку встать можно. Даже более того, человек обязан это уметь постоянно делать. Хватит уж проявлять раболепие своего мышления! И – оскорблять Бога тем, что мы видим в нем неумолимого рабовладельца.

Каждый уровень объективного восхождения форм движения есть своеобразное самозамыкание Вселенной. Даже литосфера как низший слой форм движения, с ее плотностью и немотой – это самозамкнутая Вселенная. Пользуясь терминологией Лейбница, формы движения – это абсолютно замкнутые монады, точнее – супермонады.

Однако отдельная сфера не есть природа в целом. Только все формы, сосуществующие в пространстве и взаимопереходящие друг в друга во времени, с постоянно возрастающей из этой эволюции Верховной Мыслью и Верховной Волей и есть вся Природа, или Бог.

Религия говорит, что Бог находится вне созданного им Мира. Однако это самое «вне» мы не должны понимать чисто пространственно, геометрически. Это «вне» подобно «местоположению» души в теле: ведь клетки организма и процессы организма не есть ни Мысль ни Чувство. Кстати, душа человеческая находится и в теле и вне тела. Это видел уже Аристотель. И в этом одно из важнейших проявлений тождества человека и Бога. Образ и подобие!

Деятельность человека есть единство чувственно-предметной (материальной) и мыслительной (идеальной) отражательной деятельности.

В деянии – начало бытия. Всё сущее, любая монада, способны отстаивать свое «Я» с помощью механизмов присущих им уровней и способов отражения (идеальный отпечаток и материальное отражение неприятеля). И то, и другое – и материально (телесно) и идеально (незримо). И именно вот это всё Ницше и обозначает своим странным термином «воля к власти».

Но как же быть с монадами? С одной стороны, я постоянно подчеркивал, что идеальное чувствами уловить нельзя. А с другой стороны, я доказываю, что идеальное всюдно. И отсюда выходит, что животное, которому не присуще мышление, но которое пользуется доступным ему идеальным отражением, получает его с помощью своих органов чувств. И тем более непонятно, чем же улавливает «свое» идеальное – растение, а тем более – неживая система? Противоречие, как говорится, налицо. Может быть, мне следовало бы возвратиться к старому своему выражению «материально-идеальное», «как бы идеальное», «предпосылка идеального»?

Нет, все же думаю, указанное противоречие разрешимо, но – только с помощью признания Абсолюта. Условно я эту форму деяния Абсолюта называю «глаза Бога».

То, что материально для пчелы, идеально для Бога. Без замыкания каждой ничтожнейшей вещи на Космос, ничего не получится. Мы, таким образом, благополучно возвращаемся к Джеймсу Беркли: существовать – значит быть воспринимаемым. И в том числе – Богом. Но я уточняю и дополняю Беркли: существовать – это не только быть воспринимаемым, но и – воспринимать (причем, для неживого – как чужое тело своим телом, а для живого – как информацию, а для живого и мыслящего как слово – материальный носитель идеального смысла).

Восприятие мира животными определяется потребностями. Например, мир летучей мыши – это мир ультразвуковых волн, мир насекомых и темноты. Для собаки – это, в первую очередь, – мир запахов, мир хозяина, мир условных рефлексов.

Мы в этом случае имеем тот феномен, который Гуссерль назвал интенциональностью.

Ошибка Гуссерля в том, что человек им абсолютизируется и объявляется единственным субъектом. А на самом деле весь Космос – это большой Субъект. У Спинозы – этот субъект называется субстанцией – Природой, или Богом.

Таким образом, интенциональность следует понимать в самом широком смысле. Мир в таком случае предстаёт перед нами как материально-идеальный.

Лейбниц с его понятиями «монада» и «Бог». Аристотель с его иерархией душ и Формой форм. Это всё об одном и том же – о множестве и единстве субъектов. Замкнутость монад Лейбница зачастую понимается неверно. Дело не в том, что мы в них не можем проникнуть. И наш, человеческий мир для них доступен. Но доступность эта носит своеобразный характер. Замкнутость их в том, что монада может успешно реагировать только на то, что доступно для присущей ей формы отражения, создающей её специфический мир. Это все равно, как глаз может реагировать только на свет, но не на звук. В этом смысле для звука он непроницаем.

Мы не можем представить себе Бога без творимого и содержимого им Мира. Мышление Бога (оно же – и Деяние) тоже интенционально. Именно поэтому мир изначально материально-идеален (мышление и деяние Бога – одно и то же). Правда, согласно Спинозе, Природа-Бог имеет бесконечное множество атрибутов, а не только те два, которые известны нам. Не забудем, что Спиноза подчеркивал, что подлинной субстанцией, носительницей мышления является именно Природа-Бог, а отнюдь не человек. Гегель высказывал сожаление о том, что у Спинозы субстанция еще не есть Субъект. Но я считаю, что у Спинозы Природа-Бог уже является субъектом. Что означает *causa sui*? Может быть, это – немыслящая материя, являющаяся причиной самой себя (материализм)? Да нет, Спиноза мышление считает неотъемлемым свойством субстанции. Что же это как не Субъект

с большой буквы? Это и есть Форма всех форм. И можно говорить о душе Природы, о душе Мира и т.д.

Но, разумеется, в понимании отношения между человеком и Субстанцией-Субъектом мы должны идти гораздо дальше Спинозы. Мы должны не только признавать, но и культивировать таинственную еще для нас во многом связь души и тела с могущественнейшими силами Бытия! Без Абсолюта же эти, а также – все другие связи оказываются оборванными. Интенциональность...

Абсолютная объективность Абсолютного Субъекта! Нам же, людям дана благая возможность подражать Абсолютному Субъекту, превращая свою субъективность во все большую и большую субъектность.

Ницше, критикуя христианство, говорит, что оно всё основано на внутреннем мире, на стиле жизни. Всё остальное – не достойно, дескать, внимания.

Вот оно – догматическое разделение и противопоставление внутреннего и внешнего миров! На самом же деле внешнее бытие неразрывно связано с бытием внутренним. И не слабость и недостаток, а, наоборот, огромная сила и достоинство христианства в том, что оно призывает созидать царство справедливости, то есть царство Божие, созидая его именно и прежде всего – каждому в своей душе.

Отсюда афоризм: Ничто божественное мне не чуждо!

Воля к власти. Вечная воля к власти над бытием! Пророки иногда недостаточно хорошо видят, иногда недостаточно хорошо говорят (слабый глаз и и слабый глас).

Время пророков не прошло. Их сменили философы, научившиеся лучше слышать, видеть и говорить. Эйдетический мир. Платон его отделил от плоти из-за восторга перед ним.

Ницше – плохой пророк, иногда даже – лжепророк. Но всегда следующий (то есть идущий по следу) пророк поправляет предыдущего, расшифровывая, как следопыт Дерсу Узала, эти,

• Часть 1. О БОГЕ

иногда еле заметные, следы. Моисей, Будда, Иисус, Мухамед: глаза и голоса Божии. Будда понял, что людям свойственно обожествлять пророков. Просил этого по отношению к нему не делать. Не послушали. Творят и творят – кумиров.

Не только каждая личность, но и каждая частица живой и неживой природы в какой-то мере – богоподобны. В этом и заключается Божественный «механизм» созидания и содержания мира: в его (мира) богоподобности. В каждой, образно говоря, букашке – присутствует и идеальный ее план и реальное её состояние. И между ними постоянно существует и функционирует диалектическое противоречие, которое разрешается с помощью процесса отбора таким образом, что он либо сохраняет эту букашку, либо уничтожает ее.

Афоризм: Когда Бог смотрит на Мир моими глазами, тогда я могу посмотреть на Мир глазами Бога.

По этому поводу хочу высказать содержание одной своей ночной интуиции. Я тогда отчетливо понял, что Бог понимает язык, вырабатываемый любой конфессией верующих. Что же касается церковных ритуалов, молитв, таинств, то я не разделяю мнения Льва Толстого о том, что это своеобразное язычество, обман верующих со стороны священнослужителей и т.д. Я уверен в том, что воцерковленный человек с помощью этих действий настраивает свой мозг и свои органы чувств таким образом, что становится способным к контакту с божественной Мыслью и Волей. И это очень важно, так как церковная деятельность вовлекает в «разговор с Богом» огромное количество людей. Церковь своей функцией имеет настрой умов на способность получения информации Свыше.

«Мой путь к Богу». Книгу с таким названием мог бы написать каждый достаточно образованный верующий человек. Многоконфессиональность – дело понятное и даже необходимое. Бог

говорит с каждым идущим к нему. И говорит с ним на том языке, который ищущий создаёт и понимает.

Суть гераклитовского мировидения я понимаю так: соединение единства Космоса и его вечного становления невозможно без наличия вечного Логоса, Абсолюта. Если бы его не было, то абсолютотом стал бы Хаос. И тогда живой и мыслящий мир мог бы возникнуть только благодаря бессмысленному случаю, в результате неких недоступных нашему пониманию, произвольных процессов в этом самом хаосе. Кстати, чем, в принципе, Хаос – это не непознаваемый Бог? Вот куда он, оказывается, переселился, но уже не усилиями религии, а усилиями науки синергетики. И в таком случае, конечно, творение мира – это произвол. А мы, люди, для способствования продлению и улучшению своего бытия можем только славить Бога и заискивать перед ним, а не искать путей исполнения воли Творца и осознанного участия в сотворчестве с ним.

Думаю, однако, что Апейрон не может быть хаосом. Возможно, Апейрон – это и есть Бог-Отец, Бог-Творец. И Он не только трансцендентен созданному Им миру, но и идеально присутствует в любой вещи. Содержится в ней как ее «душа», как ее объективный особенный смысл. Аристотель: форма, энтелехия.

Где-то атом *есть*, а где-то его нет, он превращается в плазму.

Таким образом апейрон – не в том смысле безграничен, что не оформлен, а в том, что ничем не ограничен, то есть бесконечно многообразно оформлен – созданным им Миром-Космосом.

Карл Ясперс в своем произведении «Философская вера» говорит так:

«Объемлющее есть либо *бытие само по себе*, которое нас объемлет, либо оно бытие, *которое есть мы*. Бытие, объемлющее нас, называется миром и трансценденцией.

Бытие, которое есть мы, называется существованием, сознанием вообще, духом или же называется экзистенцией» [46, 425].

Я же уверен в том, что трансценденция и экзистенция – это то же самое, что и Sein и Dasein Хайдеггера, и их надо не противопоставлять друг другу, а – соединять, диалектически отождествлять.

То, что Ясперс называет философской верой, есть цель любой философии (метафизики). Поэтому Гегель и говорит: философия есть теология. Такая «философская вера» или же «философия как теология», в отличие от той или иной из многообразных религиозных конфессий, должна иметь целью общезначимость и необходимость (то, что, по Канту и есть объективность), то есть объединять всех людей.

В отличие от футуролога И.Бестужева-Лады я оптимист. Почему? Потому, что стремлюсь понять Волю Отца Небесного. Это – закон (логос) бытия. Закон единства материального и идеального. Бестужев думает, что решает что-то человек, а на самом деле решает Бог (Бог располагает, а человек только предполагает): противоречие между получаемой информацией и ее использованием должно постоянно и на всех уровнях решаться. Иначе нет Бытия, а не только Тут-бытия. Впереди как Великая Возможность – Ноосфера, а не какая-то новая цивилизация. Впереди – Истинный Человек, а не просто человек.

Нить Ариадны: внутри эволюции незримо присутствует стремление (воля) к созданию наиболее идеального (совершенного) гармоничного единства материального и идеального.

Важно правильно понимать содержание «Абсолюта». Термин Ницше: «Могущественнейший» – это самый могущественный, но все-таки не Всемогущий. «Подхалимаж» перед Богом вызывает множество противоречий и, в связи с этим, необходимость разного рода апологий и теодицей, а главное – ставит процесс познания мира в тупиковое положение. Впрочем, можно Бога назвать и Всемогущим. Во-первых, потому, что он актуально Вездесущий и Всевидящий, Всепонимающий. Во-вторых, по-

тому, что Всемогущим Бог проявляется в вечном Творении Мира, как Субъект и Идеал процесса этого творения.

«Бог-то – Бог, да и сам не будь плох!» «Под лежащий камень вода не течет». Очень знаменательные и мудрые пословицы! Бог приходит только к идущему к нему.

Вот слова Альберта Эйнштейна, полно выражающие его понимание того, что такое Бог: «Религия будущего будет космической религией. Она должна будет преодолеть представление о Боге как личности, а также избежать догм и теологии. Охватывая и природу и дух, она будет основываться на религиозном чувстве, возникающем из переживания осмысляемого единства всех вещей – и природных, и духовных. Такому описанию соответствует буддизм. Если и есть религия, которая сможет удовлетворять современным научным потребностям, – это буддизм»

Я же, читая подобные мысли, остаюсь в недоумении: почему религия будущего «должна будет» преодолеть представление о Боге как о личности? И почему именно такое понимание Бога может удовлетворять новейшие потребности науки?

Учение о том, что человек не есть последняя инстанция в восхождении, возрастании Разума, предполагает как раз все большее «уплотнение» отдельных искорок мысли в единый мощный луч. Я считаю, что Ноосфера – это и Высшее бытие Разума и промежуточное положение Разума на его эволюционной траектории. Так сказать, Большая и Малая ноосферы, определяемые актуальной (Божественной) и потенциальной (человеческой) бесконечностью. В пределах человеческой ноосферы предусматривается дальнейшая эволюция, заключающаяся в возможности объединения многообразия личностных мировоззрений в единое мировидение. Я такое состояние называю *Объединенным Разумом*.

Таким образом, разум человека, подобно электрону в атоме, одновременно присутствует на всем протяжении «ор-

биты» своего восхождения от исходного пункта ноосферы к Объединенному Разуму.

Если Бог и имманентен природе (имманентен, трансцендентен, – это для меня не так важно), то это Природа-Космос, включающая в себя бесконечное многообразие ноосфер, к которым мы восходим и которые нас ждут, чтобы принять в свой союз. Обновление бытия – условие его самоуправляемости. Прав Гегель, говоря о том, что Бог (абсолютная идея) есть объект, но содержащий субъективность внутри себя как выражение своей творческой силы. Однако даже и в этих замечательных словах великого философа мне чудится абстрактность, недооценка сути личностного характера Бога.

Если уже в ноосфере с помощью Объединенного Разума каждый человек сможет взглянуть на мир глазами другого человека и всего целого, то Бог – эта высшая способность всегда находиться в каждой мудрой мысли, в каждом возвышенном чувстве *всех и всего*. Таково великое свойство Высшего Разума! И приобщаясь к нему, человек замещает свою субъективность субъектностью, то есть начинает мыслить объективно, с позиций Абсолютного Субъекта.

Мой «философский» Бог – это не «якобы Бог», не просто Абсолют, а истинный Бог, объясненный мною для себя (я никому не навязываю свою точку зрения) рационально. Я стараюсь также рационально, то есть с помощью учения о ноосфере, объяснить чувственно воспринимаемый мною контакт человека со Всевышним.

Бог – это мировой Разум. И лишь в этом смысле Он трансцендентен Миру. Но Мировой Разум не есть Великое Молчание, Он есть постоянно общающийся с человеком Высший Собеседник. Только одни люди слышат и исполняют Его Волю (и таким Он помогает), а другие – нет. И мне всегда, как некогда Гераклиту, хочется крикнуть этим «другим»: одумайтесь, задумайтесь, услышьте Логос! Он зовет вас в свои объятия!

ЧАСТЬ 2. О ЧЕЛОВЕКЕ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Подобно тому, как хороший скульптор для создания прекрасного изваяния берет глыбу мрамора и удаляет из нее всё лишнее, так и Творец берет «глыбу» всей литосферы, то есть твердой оболочки земли, и создает в ней и из нее сначала всё живое, а затем и мыслящее – человека. И творение это осуществляется в форме продолжительного естественного процесса эволюции.

В религиозных книгах сказано, что Бог вдохнул душу в тело человека. И, если хорошенько подумать, то это действительно так! Во-первых, судя по опыту работы со слепоглыми детьми, человеческой, разумной души у них нет. Для того, чтобы она появилась, необходимо, чтобы её вдохнули в их живое тело человеческая культура, человеческое общество. А откуда родом человеческое общество? Оно – результат эволюции Природы. И в конечном итоге, получается, что мы действительно сотворены (только не в течение одного дня, а в течение миллионов лет) буквально из «глины». Сначала был мертвый камень, затем из него возникли живые, а затем – мыслящие существа. Этого чуда почему-то никто не хочет видеть. Оно – привычно. И странно, что теологи выступают против теории эволюции: ведь она вполне может быть истолкована с позиций теории творения. Впрочем, не все теологи отрицают идею эволюции, в конце концов, ведь и великий Тейяр был не только ученым и философом, но и католическим священником. А Иен Грэм Барбур, получая в 1999 году в Грановитой палате Московского кремля темплатоновскую премию, сказал, что всю свою жизнь посвятил тому, чтобы доказать

правильность формулы «Бог создал процесс, а процесс создал человека». Синтез эволюционизма и креационизма – возможен и даже необходим!

Итак, творение человека – это чрезвычайно затянутый во времени процесс. Человек – это становящийся феномен, истина (идея) которого – ноосфера, Объединенный Разум. Смешно было бы слышать претензии Буратино, которого папа Карло еще только выстругивает из дерева: «Почему мой облик так груб и примитивен, почему у меня всего одна нога, почему я такой шершавый?».

Какая, собственно, разница между библейской моделью творения человека, где всё его творение по времени укладывается в один день, и научной моделью, где скорость творения гораздо меньше, а срок творения гораздо больше? Причем тут количество? Чему равен день Бога, если у бесконечности времени нет вообще? При этом надо учитывать и тот факт, что способ творения человека очень специфичен и сложен. Программа возникновения и становления человека исключительно гениальна, но в то же время она требует колоссальных усилий для своего выполнения. Так, например, Бог творит нас с нашей же помощью, делегируя, так сказать, нам свои полномочия.

Ах, если бы вся задача состояла в создании внешней формы «вылепливания» этакое физического красавца! Дело-то – в создании души! Дело-то – в создании нравственного содержания! А это все вырастает только в сфере социума, в сфере взаимоотношений людей, и с помощью свободной воли каждого из них. Вот процесс и длителен, вот процесс и болезнен, да еще как! Ведь из животного надо сделать богоподобное существо. Материал же пищит и сопротивляется.

Для образца и укрепления веры Бог «посылает» на землю святых и пророков. Для наглядности! Практика как критерий истинности и возможности любого замысла и знания показывает нам в лице этих ушедших вперед, по сравнению с нами, людей, что цель становления Истинного Человека как вида в принципе достижима.

Размышляя о происхождении и становлении человека, Карл Ясперс наткнулся на странную, с его точки зрения, гипотезу Даке [46, 28-29] А мне эта гипотеза странной не показалась: знакомясь с ней (в изложении её Ясперсом: работ самого Даке я так и не нашел), я снова как бы увидел перед собой упомянутую выше модель «Папа Карло выстругивает из полена человечка Буратино». Так что в нижеследующем изложении гипотезы Даке столяр и стружки со щепками – мои.

Итак, согласно Даке, человек существовал испокон веку, присутствуя во всех многообразных формах животного мира как некая их подлинная форма жизни, как их идея. И всякий новый этап эволюционного процесса все больше и больше проявлял, «выстругивал» эту подлинную форму, оставляя отпадающие от неё неподлинные формы в виде неких «стружек», самыми исторически последними из которых оказались... обезьяны. Так что, скорее, не человек произошел от обезьяны, а наоборот, – обезьяна от человека. Но, что интересно, Даке предполагает, что обезьяны – это еще не последние «стружки», не последние отходы творения человека упорным Папой Карло, то есть, извините, – эволюционным процессом. Впереди – длительный процесс последнего «отпадения», результатом которого станет «новый человек», а отпавшая от него в очередной раз куча стружек и щепок останется на историческом повороте эволюции как некий новый тип животных «на пути застывшей техники в качестве формы его наличного бытия».

Мысли Даке Ясперс называет абсурдными, видя их ценность только в том, что «они своей игрой высветляют в любом случае незнание». Я же уверен в том, что мысли эти являются своеобразной формой выражения важнейшей закономерности любого процесса развития, которую можно назвать так: *детерминация прошлого и настоящего – будущим*.

Эйдос, или идея, любой вещи всегда стремится «развернуть» себя, развиться. Таким образом, идеальное начало содержит в себе возможность при наличии необходимых условий претво-

риться в финале в свою высшую форму. И не только идеальное, но и воплощающее его – материальное начало той или иной вещи тоже достигает в процессе её развития все более и более совершенного состояния.

Уже самая низшая форма монады, являясь примитивным, *элементарным отражением* окружающего ее мира, «стремится» достигнуть способности стать *более высокой формой отражения*. Так можно сказать, конечно, если монадологию Лейбница соединить с идеей «ортогенеза сознания» П.Тейяра де Шардена. Вот это самое «стремление» и лежит на самом деле в основе того свойства всего сущего, которое было названо Ф.Ницше «волей к власти».

Таким образом, действительно, человек есть и идея, и идеал всего сущего или, по крайней мере, по К.Ясперсу, – всего живого. А поскольку процесс становления человека не завершен, то таким идеей-идеалом на восходящей линии эволюции является отнюдь не современный «массовый» человек, а Истинный, Идеальный Человек – Человек Ноосферы.

Так что ноосфера как качественно новое состояние бытия совокупности разумных существ есть окончательная «кузница» по выковыванию, созданию настоящего «*Homo sapiens*», Истинного человека. Современный социум в принципе не способен этого сделать, ибо не может создать идеальных условий для формирования истинно человеческих качеств. И даже в Сфере Разума процесс формирования Человека с большой буквы не сможет быть осуществлен мгновенно, но важно то, что он там будет носить не чисто личностный, как было раньше, а массовый, коллективный характер.

Таким образом, и заключительная мысль гипотезы Даке, данной нам в изложении Ясперса, также содержит в себе рациональное зерно: действительно, переход в ноосферу, скорей всего, по крайней мере – на какой-то исторический период, будет сопровождаться расслоением человечества на две неравных части, меньшая из которых, более духовная, материально укрепляя свое идеальное предназначение новейшей (в первую очередь инфор-

мационной) техникой, уже сможет осуществить переход в сферу Разума, тогда как *большая* часть сделать этого не сможет или не захочет. Я не могу согласиться с Даке в том, что эту «отставшую» и оставшуюся за пределами ноосферы часть современного человечества следует именовать новым типом животных, но то, что из нее может сформироваться самостоятельная социальная, низшая по отношению к ноосфере, форма бытия человека – это вполне вероятно. Однако в отличие от животных, которые из биосферы в социосферу могут переходить только в качестве домашних и дрессированных животных, люди социосферы будут иметь возможность в любой момент стать полноправными гражданами ноосферы, однако – лишь при наличии соответствующих умственных и нравственных свойств, сформировавшихся у них в процессе самовоспитания и самообразования.

В связи со сказанным, фразу К.Ясперса «Человек не может быть понят как «развившийся из животных» я бы развернул и отредактировал таким образом: при самом широком взгляде на процесс эволюции человек может быть понят как развившийся отнюдь не из обезьяны и даже не из животного мира в целом, а из универсальнейшего, всепроникающего свойства (интегрального атрибута) Природы – *отражения*. Так что креационисты могут не волноваться: *создателем программы процесса эволюционного развития, а также идеалом, ориентиром развития* любой вещи является даже не человек, а сам Господь-Бог.

Таким образом, любая развивающаяся вещь, любой отдельно взятый факт развития являются необходимой частью саморазвития Космоса, или, в терминологии Спинозы, – Природы-Бога.

Итак, то, что в религиозной терминологии называется творением человека Богом, в научной называется возникновением человека в результате длительного природного эволюционного процесса. Зачастую и в наше просвещенное время эти два языка – религиозный и научный все еще не понимаются как языки, хотя и различные, но говорящие об одном и том же. Философия

важнейшей функцией своей имеет задачу объединить эти две формы общественного сознания.

В совсем недалеком историческом прошлом было признано как абсолютная истина то, что долгое время отрицалось как постыдное заблуждение. Я имею в виду всеобщее признание великого открытия XX века, согласно которому существует генетическая программа, руководящая развитием зародыша и поведением уже родившегося любого живого существа. Я уверен в том, что, рано или поздно, но мы все обязательно признаем, что и развитие форм движения материи проходит по программе, которую в свое время еще «узрела» гениальная интуиция Гераклита, назвавшего эту программу Логосом. В религиозной опять же терминологии Логос именуется Словом Божиим и, соответственно, – Волей Божьей. Таким образом, это недалекое время будет важнейшим моментом в сближении науки и религии и, в том числе, – в объединении их языков и терминов.

Универсальность человека изначальна и вечна. Человек принципиально, сущностно универсален, то есть диалектически тождествен с Универсумом. По идее мы – человек и космос – одна и та же система. Поэтому развиваемся мы не как попало, а по направлению к своей идее. Наш канал эволюции – *путь к ноосфере, развитое состояние которой – Объединенный Разум*. Человек, изучая общество, изучает себя, а, изучая Универсум, космос, мир, – тем более, изучает себя. Вот как широко надо современному философу понимать сократовский девиз «Познай самого себя».

Идея Истинного Человека в философии Ницше получила наименование идеи Сверхчеловека. Вряд ли это наименование удачно, так как достаточно двусмысленно и поэтому, как говорится, понимается каждым «в меру его собственной испорченности». Мы хорошо помним в каком контексте эту идею взяли на вооружение нацисты!

Но если постараться увидеть в этой идее Ницше главное, то окажется, что оно состоит в том, что существующий человек объ-

является Ницше неким несовершенным, переходным звеном. И это очень важно. Я не побоюсь этих слов: это революционное открытие. Говорить о том, что массовый человек далек от осуществления идеи человека, это гораздо лучше, а главное – правильнее, нежели «глубокомысленно» заявлять: «человек – греховное существо, человек – это зверь» и т.д. Итак, главное в идее Ницше о сверхчеловеке то, что человек у него способен к эволюции. Но я тут же добавил и уточнил бы: не только отдельный человеческий индивид, но и человечество в целом.

И тут же оживает старая дилемма персонального и коллективного спасения. По отношению к человечеству эта идея высказывается не одним Фридрихом Ницше, но и Огюстом Конттом, Тейяром де Шарденом и др.

Впрочем, дилемма ли это? Возможно ли создание Коллективного Сверхчеловека, некоего Объединенного Разума понимать как некий стихийный процесс, не требующий никаких персональных усилий? Я об этом раньше не очень-то думал. Во мне преобладал некий тоталитарный оптимизм: мы, люди, все неуклонно движемся к Ноосфере. Очень похоже на понимание коммунистического движения с точки зрения экономического детерминизма.

На самом же деле, требуются колоссальные усилия индивида, чтобы история отобрала его в качестве составного «элемента» ноосферы. Однако еще раз подчеркнем это: надо понимать, что далеко не каждый из людей пожелает себе такого будущего. Ведь жизнь в составе ноосферы предполагает соборную открытость. Не каждый захочет воссоединить с другими свои знания и побуждения, отдать в общее информационное поле свою личную, в том числе – потаенную информацию. Как можно видеть, решающую роль в данном случае играет моральный фактор.

Размышление о том, что Объединенный Разум – удел не всех людей, может привести нас к более сложным и неоднозначным, то есть к более конкретным, выводам, чем тот, когда я выше назвал тех людей, которые не смогут или не захотят перейти в ноосферу, не-годяями. Я хочу подчеркнуть, что этот термин про-

исходит от слова «негодный», но негодность эта вряд ли может носить только негативную окраску и как бы ставить на человека клеймо неполноценности. Более широкий и конкретный смысл здесь состоит в том, что такие люди не только не-избранные, но и не-избирающие. Не только они не годятся для вечной жизни, но и вечная жизнь не годится им, не устраивает их по той или иной причине. Они выбирают принципиально иной путь существования. Ну, что же, и такую возможность допускает дарованная человеку полная свобода выбора. Возможно, у большинства людей воспреобладает некий гедонистский вариант жизни, где на первом месте не коллективизм, а индивидуализм. Не каждый, если даже предоставится такая возможность, захочет быть (стать) бессмертным. И даже возможен обратный переход – из вечности в мир смертных. Такой парадоксальный для современного человека вариант Айзек Азимов в своей гениальной книге «Конец вечности» рассматривает с пониманием и глубоким сочувствием.

Думаю, что главная предпосылка возникновения Сверхчеловечества – в развитии и преобразении Культуры. Это она, культура, взятая во всей своей совокупности, будет становиться и оживать в форме Объединенного Разума. Отсюда, каждый вклад в культуру есть труд, направленный на создание исторически следующего за человеком и более совершенного мыслящего существа, которое я здесь называю Объединенным Разумом. Поэтому понятными становятся призывы Ницше к сверхчеловеку (а любой, кто выдается из массовой среды, имеет к Сверхчеловеку причастность) возненавидеть своих ближних и возлюбить своих дальних. На первый взгляд – абсурдный призыв, но этот «первый взгляд», как всегда – взгляд обыденного сознания. Призыв этот становится понятен, стоит лишь вспомнить таких выдающихся творцов, как Пушкин и Лермонтов, презревших свое Призвание и позволивших сиюминутным страстям (опять оно: это человеческое, слишком человеческое!) сбить их с пути служения Человечеству, а следовательно, – и Сверхчеловечеству!

Так или иначе, но и в этом грядущем переходе, качественном скачке важнейшую роль будет играть Отбор! И я думаю, что, несмотря на наличие свободной миграции из низших слоев человечества в высшие, в конечном итоге только часть человечества войдет в ноосферу, и еще меньшая часть придет к высшей стадии ноосферы – Объединенному Разуму. Возможно ли общее, массовое (а, значит, насильственное) спасение? По-моему, насильственное спасение – это нонсенс. Как всегда, в недрах эволюционного канала должно появиться единичное, в силу своей особенности выполняющее функцию всеобщего. Как подчеркивал Г.С.Батищев, суть универсального – в уникальном. Именно такая диалектика знаменует собой сущность и начало любой качественно новой системы. В данном случае это – единичные гении и праведники, своим примером создающие особенную группу людей. Вот это действительно есть и будет Сверхчеловек, или Истинный человек! Это – некий протуберанец из общей массы жизни, подобно тому, как человек образовался из очень малой группы троплодитов.

Всё твердят: «Человек – самоцель развития!» Хорошо, но что такое человек? Если это осознающее себя существо, то переход его в Объединенный Разум и есть развитие сознания, то есть становление (вечное движение становления) человека. Неужели то, чем мы являемся ныне, в массе своей, это – подлинный человек? Нет, говорил К.Маркс: пока что мы живем в прединдустриальной истории, а не в настоящей человеческой истории.

И все же истинные люди (в терминологии Ницше – сверхлюди) – они среди нас, они уже были и в далекой истории и есть сейчас. И все это хорошо знают. Вся задача заключается в том, чтобы соединить эти акцессорные минералы человеческой породы в огромный, чистой воды кристалл. И сделать это возможно только в благоприятных условиях ноосферы.

Призывы к объединению «хороших» людей раздавались всегда. Вспомним озарение Пьера Безухова, а точнее – самого Л.Н.Толстого, с которым он потом так и шел по жизни: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и

составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

Да, как всё гениальное, эта мысль проста, но, как и всё гениальное, её очень трудно осуществить. Я радуюсь тому, что этот призыв провозглашается в наше время все сильнее и чаще. И радуюсь тому, что этот призыв ныне звучит более конкретно, чем у героя «Войны и мира»: сейчас это призыв к объединению разумных и высоконравственных, то есть мудрых, людей. Но все дело в том, что этот прекрасный призыв совершенно необходимо обосновать, причем, обосновать, возвысившись до космических аргументов. Ибо только теоретическое обоснование может сделать практику преодоления современного критического состояния – практикой не хаотической, а зрячей. Все содержание моих публикаций посвящено именно доказательству того, что будущее человечества (или же его отсутствие) связано исключительно лишь с возможностью того, сумеет ли человек осуществить свое предназначение (свой эйдос) – быть разумным (*Homo sapiens*). А начаться этот процесс может только с перемен в сфере «человеческого фактора»: с «захвата» власти в обществе умными и высоконравственными людьми, с замещения современной хитрой правящей элиты – элитой мудрой. Хитрость и мудрость – антагонисты. Надо хорошенько понять как абсолютную истину: пока мы миримся с властью хитрых, мы не имеем право даже надеяться на решение тех проблем, которые приобрели статус глобальных и угрожают здоровью людей и вообще – существованию человечества. Хитрые глобальными проблемами заниматься не хотят, ибо их девиз: «После нас хоть потоп!» У хитрых много своих локальных «неотложных» дел. Поэтому они с серьезным выражением лица будут продолжать пилить сук дерева, на котором сами и сидят.

И вот еще что надо хорошо понять. Когда мы произносим или пишем слово «разум», мы должны вспомнить, что оно органично входит в состав слова «ноосфера» (сфера разума), которое и у Тейяра де Шардена и у В.И.Вернадского обозначало цель природной эволюции. Поэтому целью любой социальной рево-

люции не может быть лишь улучшение жизни трудящихся и человеческих отношений. Это всё прекрасно, но это – не самоцель, а лишь начало и условие реализации космического предназначения человечества. Осознание же своего высокого предназначения совершенно необходимо человеку. Я часто с горечью думаю: разве могли бы множиться самоубийства молодых людей или их уход в хиппи и зловредные секты, если бы юные верили с детства в смысл бытия и в свое личное космическое предназначение?! Ведь это предназначение и есть то самое Благо, знание которого и, следовательно, обладание которым, как полагал Сократ, и даёт человеку подлинное счастье. Не верьте тем, кто говорит, что Сократ был наивным моралистом, не знающим действительной жизни. Он был единственно трезвым и зрячим среди пьяных и слепых. Ибо суть человека – не потребление, а творчество, а дом человека – не «грешная земля», а Вечный Космос.

Да, Фрейд прав: в начале философствования присутствует стремление человека к счастью, но Фрейд смотрит на человека как на биологический организм, разве что отличающийся от животного организма тем, что это еще и думающий организм. Такое Я – всего лишь исходный пункт философии, частично совпадающий с предметом психологии. Его надо расширить до Я-Человечества и до Я-Универсума. Иначе – вульгарный материализм (и я считаю Фрейда его ярким представителем) или же – не менее вульгарный идеализм. Стремление к счастью, совпадающее с «расширением Я», приобретает, таким образом, форму поиска Смысла своей жизни и соответственно – Смысла Бытия – Логоса.

Образец такой программы формулирует в своей философии Спиноза. Он говорит нам так: сначала Благо воспринимается человеком просто как существование, затем – как существование по законам разума, то есть – как познание, а далее – не просто как познание, но как познание Бога. Такая последовательность демонстрирует не догматический редуccionизм, как у Фрейда, а движение от абстрактного к конкретному.

Возражая Ромену Роллану, называя при этом его своим другом, З.Фрейд объясняет «чувство вечности», ощущение безграничного, беспредельного, чего-то «океанического» (Ромен Роллан именно это считает основанием Веры) исторически исходной инфантильностью человека, которая вызывает влечение к отцу, стремление к его покровительству. А если шире взглянуть, то, дескать, всё то, что вызывает восхищение Ромена Роллана, это – не более чем атавистическое ощущение единства с Миром, а Я – не дано изначально, а постепенно вычленяется у младенца и т.д., и т.п.

На мой взгляд, это фрейдовское объяснение не является аргументом в пользу атеизма. Человек – это природа, ставшая «Я», но это становление неслучайно, оно «запрограммировано» (естественнонаучный телеологизм). Ощущение каждым мыслящим субъектом своего единства с Бытием – великое чувство, оно как бы заложено в Бытии еще до рождения этого субъекта. Мы рождаемся уже в канале эволюционного роста сознания, в канале, детерминирующем становление нашего Я.

В принципе я согласен с Н.Трубниковым: человек и есть синтез прошлого, настоящего и будущего. Я бы только рассмотрел при этом человека в аспекте ноосферы, которая, в известном смысле, уже существует. Она существует так же, как, в понимании Дарвина, существовал человек в животном царстве, то есть – в своем становлении. Становление ноосферы осуществляется и по горизонтали (совершенствование со-общения) и по вертикали (впитывание в себя современным человеком духовного наследия Сократа, Пушкина и других гениев глубокой мысли и возвышенного чувства).

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Бенджамин Франклин среди множества оригинальных своих афоризмов (например, «Время – деньги») оставил и такой: «Человек есть животное, изготавливающее орудия». Маркс выразил свое несогласие с содержанием этого афоризма и ирониче-

ски заметил, что, дескать, это высказывание характерно для века янки, в том смысле, что это «точка зрения обособленного одиночки». И в качестве противовеса пишет не менее знаменитое: «Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже вначале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [23, 189].

Что же не понравилось Марксу в афоризме Франклина? Думаю, то, что он назвал человека животным и тем самым, с точки зрения Маркса, объединил труд животного и труд человека. А Маркса интересовал труд только «в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека».

Мне же кажется, что Франклин своим высказыванием не объединил, а как раз разъединил человека и животного. Ведь действительно, порой жизнедеятельность животного очень напоминает трудовые операции, но ни одно животное не способно создать орудия труда. И преподаватели диамата с удовольствием брали на свое вооружение этот афоризм янки Франклина. Ибо в нем очень отчетливо проводится черта между человеком и животным – по результату их труда. Интересно, что Э.В.Ильенков для доказательства того, что абстрактно-общее (одинаковость) не имеет никакого отношения к сущности предмета, говорит о том, что сущность современного человека нужно искать не в том, что присуще всем людям, а – в том особенном и сравнительно небольшом круге людей, которые производят орудия труда.

Что же касается того, что Франклин назвал человека животным, то, во-первых, это объясняется тем, что в афоризме (это же не научное определение) всегда присутствует некая парадоксальность, некий эпатаж. Во-вторых же, если посмотреть на человека в той точке его возникновения, когда от других живых существ

его отличало только что изобретенное им грубое орудие труда, то он, действительно, был чем-то, находящимся на границе животного и человеческого бытия.

Далее. Главное отличие между «инстинктивным» (термин Маркса и Энгельса) трудом животного и человеческим трудом Маркс усматривает в наличии идеального бытия результата труда уже в самом начале реального процесса труда человека.

Однако отличие «труда» бобра, морской выдры и птицы, вьющей гнезда, – от труда человека не в том, что у человека есть идеальное, а у них, его, якобы, нет. Идеальное есть всегда и всюду, ибо оно есть способ восприятия мира данным существом и даже – веществом. Волки, организующие засаду на свою жертву, тоже в идеальной форме имеют результат своего инстинктивного труда в его начале. И не только волки или другие высшие животные, но и – рыба, идущая на нерест, и даже растение и даже (многие не поверят) кристалл льда или кварца. Но только надо иметь в виду, что всё это – и разные формы и разные уровни «идеального», которое не может рассматриваться абстрактно, вне истории своей эволюции.

Для Маркса «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Но, если идеальное взять не в его уже развитом, а в самом его глубинном, исходном смысле, то оно предстанет не чем иным, как способом восприятия вещью (*res*) – ее мыслью, чувством, или просто всем ее телом – окружающего мира. Идеальное – это эйдос, чтойность, монада любой живой и даже неживой вещи, это тот способ ее бытия, который зависит от специфики способности отражения ею окружающей ее действительности. У человека же идеальное – это высшая из непосредственно известных нам форм идеального отражения – мысль, созидаемая и выражаемая в слове.

Мышление как идеальное, как эйдос, для своего существования требует ряда материальных преобразований в теле становящегося человека. Поэтому известный исследователь истории возникновения человека Б.Ф.Поршнев человека раннего и сред-

него палеолита еще не считает человеком. Он называет его троглодитом, то есть обезьяно-человеком, несмотря на то, что тот уже способен изготавливать примитивное орудие труда из кремня, пользоваться огнем, использовать предварительно обожженную для прочности палку в качестве рычага, раздвигающего ребра убитого мамонта, и ее же – в качестве коромысла для транспортировки вдвоем кусков мяса и других тяжестей. Б.Ф.Поршнев также красочно описывает способность этих «троглодитов» в своей коллективной жизни тонко приспосабливаться к поведению различных животных и т.д. [31]

Поэтому мне кажется, что в данном случае мы все же имеем дело с началом человеческой истории. Какая-то примитивная речь жестов и звуков здесь уже несомненно присутствовала и позволяла осуществлять столь же примитивную трудовую деятельность. Другое дело, (и тут Б.Ф.Поршнев, несомненно, прав), что без овладения человеком членораздельной речью дальнейшее развитие человека было бы невысказано, ибо идеальное моделирование в мозгу становящегося человека предстоящей ему деятельности без участия настоящего Слова невозможно.

Новый, не свойственный животным, способ идеального отражения – *сознание* в качестве эталона и предписания требовал для своего подлинного воплощения соответствующую материальную плоть – специфически развитую гортань и возникновение передних долей мозга. И эти материальные органы человеческого тела сделали возможным появление на свет божий Слова – материального носителя и хранителя человеческой мысли. Потребность нового, высшего в природе эйдоса под названием Мысль вызвала к жизни способность человеческого материального тела эту мысль производить, хранить и передавать себе подобным. Идеальная сторона человеческой деятельности (человеческая монада) нашла свое материальное тело.

Но – не наоборот! Нельзя представлять себе ход эволюции в качестве самодовлеющих случайных материальных изменений, порождающих мышление как свой случайный же продукт. Это было давно, но у меня до сих пор перед глазами стоит академик

В.В.Парин, который, держа в руках многократно увеличенную модель рибосомы, убежденно заявляет с экрана телевизора, что такое чудесное, сложное образование, как рибосома, никак не могло бы стать реальностью без предварительного плана ее возникновения. Думать иначе, добавил он, равносильно тому, чтобы вообразить, что разобранный на части телевизор, может снова собраться воедино, если его детали положить в кожаный мешок и бесконечно долго трясти.

Точно то же самое мы должны сказать и о создании еще более сложной, чем рибосома, системы – человеческого организма и человеческого сообщества. Их возникновение и функционирование невозможно понять и объяснить без учета канала эволюции и программы отбраковки и предпочтений тех изменений в материальных телах, которые либо мешают, либо способствуют созданию запрограммированного свойства. И данное запрограммированное свойство – это мышление как закономерный этап в восхождении способов идеального и материального отражения от точки «альфа» к точке «омега» – конечной цели, к которой ведет данный канал (аттрактор) эволюции.

Поэтому человеческий труд отличается от «труда» животного не тем, что обеспечивается идеальной формой труда, которой, якобы, нет у животного, а тем, что у человека это – высшая форма идеального, выражаемая в Слове и Мысли и в качестве своего результата имеющая не только орудия труда, но и всю, получаемую с помощью этих орудий систему материальной и духовной культуры. Суть человеческого труда – коллективное творчество, творение, выражающееся в превращении «натуры» в «культуру», естественной природы – в природу искусственную.

Очень важно подчеркнуть коллективный и разумный характер человеческого творчества. Советскими учеными в природных условиях был проведен интересный эксперимент с группой шимпанзе, состоявший в следующем. Под тяжелый камень на виду у всех обезьян был положен банан. Отвалить, а точнее даже – лишь слегка приподнять этот камень и обнажить положенное под него лакомство мог лишь присутствующий в этой группе обезьян

самец. Самкам только оставалось забрать этот банан. Но не тут-то было: видя, как они это делают, самец с негодованием отпущал поддерживаемый им камень и тот падал на лапки бедным обезьянкам. Опыт повторялся в различных вариантах, менялись «актеры» этой пьесы, но результат неизменно оказывался одним и тем же: договориться, объединиться в процессе достижения общей цели шимпанзе не смогли. Их идеальная модель конечного результата была примитивной в силу своей эгоистичности.

Слово же, на котором базируется человеческое идеальное, изначально было не только со-общением, но и со-знанием, а значит и со-вестью. Знание и этика настолько изначально были переплетены в человеческом сообществе – в роду-племени, что интимное единство отдельной человеческой особи с группой родственных ей особей не только позволяло эффективно трудиться, но и дало начало зарождению важнейшего свойства человеческой души – способности творческого, продуктивного воображения, не будь которого не было бы ни рационального мышления, ни понимания прекрасного и возвышенного, ни умения отличать добро от зла (Ф.Т.Михайлов).

Коллективная сущность человека очень хорошо выражена в следующих словах Н.Н.Моисеева: «Во времена палеолита человек принял однажды заповедь «не убий» и некоторые другие зачатки нравственности (табу). В результате стадо антропоидов стало постепенно превращаться в человеческое общество. Утверждение норм нравственности практически прекратило естественный отбор на уровне организмов – морфологически мы не отличаемся от охотников за мамонтами. Отбор, конечно, сохранился, но он перешел главным образом на надорганизменный уровень – на уровень племен, народов, цивилизаций»[26, 9].

Вот почему ноосфера как итог исторического развития человечества должна являть собой не только сферу, так сказать, чистого разума, но и сферу нравственности. Ноосфера есть этосфера.

Фейербах считает, что сущность человека – разум, воля, чувства. Цель разума? – разум. Цель любви? – Любовь. Цель

воли? – свобода воли. То существо, которое существует ради себя самого – совершенно, божественно. Отсюда – обожествление человека у Фейербаха.

Здесь есть рациональное зерно, но, правда, только при одном условии: если понимать человека во всем историческом объеме его становления и, соответственно, понимать обожжение человека не как чувство одного человека к другому, а как реальный исторический процесс. При принятии такого условия и Бог появляется в человеке и для человека как цель. Но тогда неправильно будет говорить о том, что разум и другие человеческие совершенства существуют сами для себя. На самом же деле, разум дан человеку для осознания смысла его пути, Логоса. Любовь дана человеку не для любви (это – абстрактно), а как способ гармоничного бытия и как конкретный путь к Объединенному Разуму.

Фейербах считает, что собственная сущность человека и есть его абсолютная сущность, его бог. Какой бы объект мы ни познавали, мы познаём в нем нашу собственную сущность, что бы мы ни осуществляли, мы в этом проявляем самих себя. И к этой мысли Фейербаха можно было бы серьезно прислушаться, но дело в том, что для Фейербаха человек, это высшая форма биологического. Высшая форма, но – биологическая. Даже не социальная, а тем более – не космическая.

Сейчас распространено определение человека как биосоциального существа. Что по этому поводу можно сказать? В аспекте информационных процессов и проблем человек действительно – биолого-социальное существо. Но это надо правильно понимать (не по Н.М.Амосову: 40% , дескать, в человеке – биологического, а 60% – социального). Это верно лишь в том случае, если на социум посмотреть только как на подсистему живой природы. Основной закон жизни – закон соответствия между производимой и используемой информацией – должен соблюдаться не только в биологической, но и в социальной форме движения.

Таким образом, родовой эйдос жизни у всего живого одинаков. Только так мы должны понимать биологичность человека. А по-другому – нельзя, ибо это будет уже грубой ошибкой, ре-

дукционизмом. И прав Хайдеггер, замечая, что человек гораздо ближе к божественному, нежели к животному. Даже тело человека, утверждает Хайдеггер, принципиально отличается от тела животного.

Отдавая должное всем составляющим человеческой сущности, на первое место при исследовании проблем общественного прогресса следует ставить, конечно же, *уровень человеческой свободы и творчества*. Ведь, осваивая труд как способ своего формирования, даже только что возникший и становящийся человек уже сразу резко отличает себя от генетически запрограммированной и шаблонизированной жизнедеятельности животных. В отличие от них человек *свободно* выбирает варианты своего развития. Поэтому свобода – это *творчество*. И в то же время она остается познанной и реализуемой необходимостью.

Но можно ли говорить о том, что отличие человека от животного состоит в том, что он способен двигаться по логике своего предмета, а животное – не способно? Нет, животное тоже движется по логике окружающих его предметов, но только не знает этого (и об этом уже говорил Гегель и об этом позже сказал Тейяр де Шарден). А вот человек, кстати говоря, слишком уж загордился, думая, что запросто движется по логике предмета, а на самом деле предмет этот им воспринимается очень узко и близоруко. Критерий истинности сказанного – практика. А практика XX и XXI века – это мировые войны и глобальные проблемы. Считать, что современное человечество мыслит и действует правильно – это все равно, что человека, который, как говорится, «дышит на ладан», считать абсолютно здоровым и бессмертным. Вот он – первородный грех – гордыня. Действительно, Сократ самый мудрый, сказав, что он знает, что ничего не знает. Стидно ему было находиться в компании со всезнайками.

Заменяя идею коммунизма идеей ноосферы, следует подчеркнуть, что по принципу отрицания отрицания человек возвратится в ноосфере к своему коллективистскому, соборному состоянию, причем – на новом уровне: это будет настоящий человек, соответствующий своей сущности. С этого и начнется отсчет времени его подлинного существования.

Обострение глобальных проблем и финансовых проблем капиталистической формации – это вынуждающий толчок к переходу в качественно новое состояние.

Слушая ответы на вопросы В.В.Познера со стороны моего ровесника, космонавта Игоря Волка, я понял, что тот в большей степени имеет право говорить (потому что говорит со знанием дела) о том, о чем я лишь читаю, слышу и догадываюсь, а именно: человек истребляет себя как часть земной природы. И ничего не может сделать с собой, с этой своей внутренней природой. Ведет себя как наркоман или алкоголик: знает, что того-то и того-то делать нельзя и – делает, мерзавец!

Но, в отличие от И.Волка, я знаю, что у человека есть еще последний шанс одуматься – это переход в ноосферу. Одуматься и тем самым спасти и земную природу и свою культуру. И еще космонавт сказал, что человечество не выполнило своего предназначения, не оправдало надежд и доверия Творца. Я не могу согласиться с такой категоричностью: точнее было бы сказать, что человечество переживает период своего глобального отчуждения от своей сущности. Это, конечно, ужасно, но пока еще не безнадежно.

Развитие наук и печальные последствия игнорирующей их выводы практики позволяет с полной определенностью сказать, что эгоизм, взращенный философией софизма, не является сущностной природой человека. Напротив: человек – это сугубо коллективистское создание. Он отнюдь не является самоценностью. Но в то же время очень глупо думать, что суть его жизни – это смиренное служение земной природе: всем живым существам и даже – неживым, как это писала, вернее – переписала откуда-

то, одна моя аспирантка. Говорить и думать таким образом означает уходить от решения назревших губительных для человека проблем. Служить надо не природе как совокупности существ, а Природе-Богу. Функция человека – уготовить себя к переходу на более высокий уровень сознания и деяния.

И.Шафаревич, анализируя идеи социализма, поражается их древности и неистребимости, но делает из этого фрейдистский вывод о том, что они суть проявление стремления к смерти, самоуничтожению. Это, конечно, очень абстрактный, поверхностный вывод. Это всё равно, как, увидев, к чему приводит ранний секс и неумелое обращение детей с огнем, объявить о вреде половых отношений и огня.

Да, идеи социализма и, в частности, идея отрицания частной собственности, в головах и в руках становящегося человечества – это довольно опасная игрушка. И здесь, кстати, доля вины падает на пророков и проповедников, опережавших свое время и заражавших незрелых людей своими призывами к воплощению казарменного коммунизма, общности жён и т.д. Чем не мудрый змий перед наивными Адамом и Евой?! Незрелые, наивные люди очень часто видят внешнюю форму, или за главное принимают второстепенное, но за всем этим теряют подлинное содержание.

Основное же содержание идеи социализма основано на стремлении людей к единству и справедливости. Это – святая идея. Но нам надо оставить всякие надежды вернуться к старым, в том числе и советским, формам осуществления социализма. Думаю, что истинный социализм будет начальной формой вступления человечества в эпоху ноосферы и нахождением (достижением) подлинного тождества содержания коллективизма и формы его воплощения. Это дело ближайшего будущего.

Воля Отца Небесного! Глупо стремиться исполнять ее с помощью одних лишь ритуалов. Это – хитрость, а не мудрость. Нужны реальные дела.

Человек, если он хитрость принимает за мудрость, не соответствует своему имени «*Homo sapiens*», не соответствует своей сущности. В современном своем образе жизни человек не способен оправдать возлагаемые на него надежды Абсолюта. Поэтому необходимо всерьез строить Сверхчеловека! Ноосфера – это принципиально иной образ жизни, иная среда бытия, где нельзя хитрить. Ноосфера, в отличие от биосферы и социосферы, не подразумевает эгоизма вообще.

Послушаемся Хайдеггера и обратим свое пристальное внимание к Бытию. Мы про него, оказывается, просто и запросто забываем.

Sein действителен только вместе с Dasein. По Спинозе, не человек автономный субъект мышления, а Природа-Бог. Человек не выдумывает, а принимает как познанную необходимость уже существующий в природе канал эволюции всего сущего и цель этой эволюции. Я всегда подчеркиваю необходимость вернуть в состав диалектики телеологию и признание Абсолюта. И только тогда, когда человек поймет, познает свою подлинную роль в жизни Бытия как необходимость, и, мало того, – примет эту необходимость как свою собственную, только тогда он станет настоящему свободным.

Поэтому Спинозовское определение свободы должно звучать так: ***Свобода человека есть познанная и принятая им как руководство к действию космическая необходимость.***

Волю Отца Небесного человек дерзко заменил своей собственной эгоистической волей. Грех гордыни и самодовольства. Сказано: возлюбите Бога, возлюбите ближнего своего, как самого себя и даже постараться возлюбите и врага своего, ибо врагов между людьми вообще быть не должно. Не лебедь, рак и щука, а сообщество единомышленников. Соборность! Вот образ идеального, должного общества. И это – нам пора понять эту важную истину – не благое пожелание, а **императив**, данный человеку Спасителем.

Маркс ушел от традиции уважительного отношения к природе, наиболее ярко проявленной в философии Шеллинга, «обрубил» закономерности развития Природы и решил, что человек будет развиваться в категориях стоимости, прибыли и прибавочной стоимости, потом выйдет за пределы экономики, за пределы производства, и начнет исключительно творчески управлять им. И вот спрашивается, для чего же вообще, с какой целью таким, или каким-то иным, способом освобождается человек? Для того, чтобы «жить-поживать и добра наживать»? Да нет же, у человека есть историческая миссия, он – важнейший момент на траектории ортогенеза сознания. И нечего замыкаться в свой эгоистический социальный кокон! Бремя мое легко, – убеждал Иисус Христос своих слушателей. Ибо на самом-то деле оно вовсе и не его внешнее, а внутренние усилия, направляемые на подлинное Благо самого человека. Но слушатели, хоть и слушали, но в большинстве своем – не понимали сути слышимого. Им нужен был не Спаситель-Учитель, поворачивающий их на путь истинный, а Спаситель-Покровитель, который потакал бы их гедонистским интересам, воле-к-жизни и воле-к-власти самим по себе, как самоцели. Тогда как на самом-то деле и то и другое – всего лишь орудия для осуществления человеческой миссии. Они должны стать и быть *волей-к-любви и волей-к-власти над хаосом во внутренней и во внешней по отношению к человеку природе. Интегрируя сказанное, все это можно назвать Волей-к-гармонии Бытия.*

Почему-то В.И.Вернадский, вряд ли верующий человек, скорее – ученый-скептик, сумел понять направленность человеческой деятельности – в ноосферу. А многие из верующих людей этой направленности в «царство божье» не видят. Надо прислушиваться к науке, причем, в первую очередь – естественной, к науке о Природе. Тейяр умолял всех «видеть» то, что для него было очевидным. Нет же, стараются забыть и Тейяра, и Вернад-

ского. Ну неужели еще не понятно, что Маркс и Ленин, хотя и желали блага человеку, но смотрели на мир только по-человечески, слишком по-человечески. А человек не есть мера всех вещей. Он не может диктовать сущему, как ему себя следует вести. Он должен внимать Логосу (Гераклит), следовать и служить Объективной Диалектике (Г.С. Батищев). Быть пастухом, а не хозяином бытия (Хайдеггер).

Советский социализм, кстати, очень хотел вывести «нового человека». Советское правительство, как известно, проявляло даже какое-то время большой интерес к евгенике. Но ничего из этой затеи не получилось. В лаборатории новый человек не выводится, он создаётся самой жизнью и ее потребностями. А жизнь в Советском Союзе была создана не такой, которая способствовала бы созданию нового – свободно мыслящего, творческого, смело и активно борющегося с несправедливостью – человека. Жизнь была устроена так, что большинство людей принуждено было мириться с резким расхождением слова и дела, постоянно осторожничать и скрывать свои истинные мысли и предпочтения. И поэтому история в который раз обернулась фарсом: на все уровни и в том числе и на самые вершины советской и партийной власти прочно и массово вошел не новый, а очень даже старый человек, даже не вошел, захватил эту власть. Причем, это был старый человек и в буквальном и в переносном смысле этого слова, то есть и физически старый, и – равнодушный, а то и враждебно относящийся ко всему новому, передовому, человек с неумело скрываемым мелкобуржуазным сознанием. И одного этого было уже вполне достаточно, чтобы эксперимент построения коммунизма в нашей стране оказался обреченным на неудачу, безнадежно испорчен, что, в свою очередь, надолго, если не навсегда, дискредитировало всю великую идею коммунизма.

БЕССМЫСЛЕННОСТЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

*Горе людям, не знающим
смысла своей жизни*

Паскаль Б.

Читая А.Камю, остро чувствуешь, как одинок человек, как иррациональна и отвратительна (несправедлива) жизнь!

Но выводы из этого наблюдения у разных людей могут быть радикально противоположными. Одни говорят: это факт, от которого никуда не уйдешь (позитивистский подход). Другие говорят: это – факт, это действительно так, но этого, однако, не должно быть!

Чем, спрашивается, правда Б.Рассела, которая кажется ему непрекаемой истиной, лучше истины религии, которую он критикует? Нисколько не лучше, а, наоборот, – хуже. Безбожие людей в их массе рано или поздно делает их нечеловеками.

Хотят они этого или не хотят, но подлая мыслишка постоянно шевелится и всегда будет шевелиться в их сознании: к чему эти аскетизм, дисциплина и порядок, если дальше все-равно нас ждет сокрушительное поражение от слепой материи?! Идти вместе с тонущим кораблем ко дну, сохраняя достоинство (так, кажется, эту расселовскую проповедь развил Н.Винер?)? Кто же такими мужественными и порядочными воспитает людей? И главное в чем смысл и цель такого воспитания? А Э.В.Ильенков предлагал еще не только сохранять достоинство, а чувствовать гордость от факта спасения материи людьми ценой своей гибели. Да уж...

Как странно, как калейдоскопично мыслит человек! Соединить кусочки мыслей в целостную систему не каждому удастся. Очень хороший термин – «коротенькие мысли!». Как у Достоевского в «Бесах» Кириллов уцепился за одну, показавшуюся ему единственно-верной, мыслишку: «Убьешь себя и ты – Бог». Мысли же должны быть не короткими, а длинными, объединенными в доказательную систему.

Или вот у А.Камю: повседневный труд – это то, что дает человеку уверенность. Тоже – короткая, незавершенная мысль. Уверенность... Если труд понимать как путь к Богу, то он соединяется с Верой и тогда, действительно, возникает уверенность. А если труд производится просто как некая непонятная, но общепринятая, самоценность, тогда он – наоборот, есть отвлечение от смысла жизни. Суррогат жизни!

Без веры в то, что мир имеет смысл (у Камю же мир абсурден для человека) труд тоже становится бессмысленным. Абсурдность самоценности любого труда выражена в издевательской надписи на воротах фашистского концлагеря: «Arbeit macht frei»

Н.Фёдоров говорил о том, что, если исследования земли и космоса еще не привели человека «к сознанию, что не земля только, но и весь мир требует внесения в него целесообразности, что весь он должен стать поприщем деятельности человека – если все это еще не осознано и не совершилось, то благодаря лишь тому, что и мысль и деятельность отделились одна от другой и воплотились, так сказать, в особые сословия»

Да, действительно, нельзя отделять мысль от деятельности. Это грубая и гносеологическая, и практическая ошибка. В этом вопросе я с Фёдоровым полностью соглашаюсь. Но вот дальше... Как это понять: весь мир требует внесения в него целесообразности? Выходит, что целесообразность Мира не актуальна, а потенциальна, и только человек, появившийся в мире, лишенном смысла и цели, способен сделать его целесообразным. Чем не Камю? Откуда у Н.Фёдорова такая уверенность в том, что такой нецелесообразный мир способен вообще чего-то «требовать», а тем более – требовать целесообразности?

Как можно было бы интерпретировать слова Маркса о том, что свобода каждого есть необходимое условие свободы всех? Из сказанного, естественно, следует вывод, что только свобода каждого индивида создает подлинный, свободный коллектив. Но как

добиться такого, обозначаемого столь благозвучно, но кажущегося практически невыполнимым, состояния? Сначала создадим общество, обеспечивающее свободу каждому и всем? Или же сначала перевоспитаем всех и каждого с целью создания свободного общества? Но ведь свобода личности немыслима без свободы мысли и действия этой личности! А если учесть еще то, что многие люди не хотят свободы и даже, как выразился Э.Фромм, бегут от нее?

Мне кажется, без обращения к Абсолюту совершенно невозможно прояснить смысл генезиса свободы воли и свободы совести. Важнейший момент устройства мироздания состоит в том, что Бог «отпускает» человеческую душу на свободу, на ее собственное свободное усмотрение, волеизъявление. В противном случае, какая же может быть соборность?! Ведь соборность – это свободное, добровольное сообщество единомышленников и единоверцев. Принуждением, даже божественным, свободного коллектива не создашь.

Вот она – познанная необходимость с большой буквы! Познай необходимость и прими ее в качестве своей судьбы! Причем, сам пойми и сам признай своею!

Диалектика свободы и насилия... Эта проблема всегда волновала человека. Свобода есть познанная необходимость. Подчинение необходимости не всем по душе, но именно в нем зачастую кроется путь к освобождению. И здесь в все зависит от того, о какой необходимости и о каком подчинении идет речь.

Иисус Христос говорил:

«Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас;

Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим;

Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матф. 11:28-30).

Эти слова Иисуса говорят о том, что, исполняя Волю Божию, человек исполняет свою собственную, правильно понятую волю. Вот что важно!

Сатана же – это символический бог произвола и своеволия. Призывая к пониманию свободы именно как произвола и своеволия, верные «агенты» «царя тьмы», смущают, увлекают людей призраком свободы как некоей абсолютной противоположности любой необходимости, как освобождения их от любого ига и бременя.

Я помню, как один из студентов, получивший краткое «философское образование» от модных в лихие 90-е постмодернистов, спорил со мной, категорически отменяя формулу «Свобода есть познанная необходимость». И на мой вопрос о том, а как же он лично понимает свободу, он отвечал: «Это же и ежу понятно: свобода – это когда я могу пойти или поехать куда мне угодно и делать всё то, что мне угодно». Думаю, что ни один ёж не согласился бы с этим замороченным, но самоуверенным юношей.

М.Лифшиц о счастье: «Оно состоит в достижении полноты существования». Не очень-то понятный термин «полнота», как и все количественные термины.

«Другими словами, счастье – еще одна сторона «абсолютной истины», высшей действительности и полноты».

Дальше у Лифшица – рассуждения о том, что счастлив тот, кто может жить будущим: «Несчастлив тот, кто не имеет будущего, кто знает, что он уже не увидит его – каковы бы ни были утешения» [16. 105]

В принципе, по-моему, правильные слова. Просто, всё дело в том, как тот или иной человек понимает будущее и признаёт ли он его для себя уже после своей физической смерти. Очень важно у Михаила Александровича выражение «не увидит». Главное – не «не имеет будущего», а «не увидит его». Вот в чем проблема!

Впрочем, повторяю, слова мудрые. Особенно по отношению к счастью не изолированно взятого отдельного человека, а человека в составе всего человечества. Эти слова, по-моему, перекликаются с философской сутью «Палаты №6» А.П.Чехова: как можно быть счастливым человеку с развитым воображением,

зная, что будущего у человечества впереди нет как нет, сколько бы ни длилось его существование. Это, правда, – с точки зрения материализма-атеизма.

Вижу некую аналогию между скопчеством и фанатическим коммунизмом: в первом случае «исправляется» организм одного или нескольких людей, во втором, – организм человечества. Хотя сторонники первого тоже с удовольствием распространили бы свое намерение и дело на всех людей.

И в том и в другом случае безжалостно уничтожается все, что какой-то части людей кажется зловредным, мешающим счастьем и спасению.

Читая Ильенковскую «Космологию духа».

Принципиальной разницы между сверхчеловеческим гегелевским Разумом и ильенковским наивысшим состоянием мышления человека – нет! Главный вывод и там, и там: мир, в котором мы сейчас живем, некогда порожден Духом, мыслящим Духом, направившим бесчувственную и глупую материю по правильному руслу.

Абсолютная первичность материи предполагает «слепую» материю в начале. А вот начала-то в Космосе – и нет! Поэтому вопрос о первичности (не только исторической первичности, но и даже первичности логической) материального над идеальным – ложно поставлен. Ведь у кольца нет конца и вместо той части, где существует только элементарная материя, началом в ильенковской картине мира можно было бы назвать противоположную часть «кольца» – деятельность человека по спасению мира. И тогда разум оказывается первичен.

И другое: хоть я и не принимаю философии небытия, но может возникнуть и возникает и такой вопрос: чем Бытие лучше Небытия? Почему должен будет Разум пожертвовать собой для того, чтобы всё «закрутилось» вновь и повторились неисчислимые страдания живого и мыслящего существа? Почему же чело-

вечество не изберет иного пути, пути в Небытие? Особенно здесь будут недоумевать буддисты и другие представители восточной философии с их Нирваной. Вот уж воистину здесь, используя выражение Л.Шестова, этика обуславливает причинность.

Всю эту схему Ильенкова можно лишь в том случае наполнить содержанием, если каким-то образом при катаклизмах Вселенной сохранялась бы информация о предыдущем этапе бытия. А точнее – сохранялась бы Культура! А для этого следует вслед за Тейяром де Шарденом признать вечность и всюдность «точки омега», а значит и Бога. Иначе, как объяснить следующую фразу Эвальда Васильевича? – «Мышление предстает в этом свете как не только самый высший и прекрасный цвет мироздания, но и как цвет бесплодный, как цвет, который своей смертью порождает абсолютно необходимый с точки зрения всеобщего круговорота плод, результат» [14, 435].

Что это за «точка зрения всеобщего круговорота»? Иначе, нежели точкой зрения Бога её и не назовешь. В противном случае, почему человек должен считаться с этой точкой зрения, переходить на эту точку зрения? Еще раз скажу: гибель мышления (и всей информации с ним) означает и гибель мира. И всякий раз вновь возникшее мышление – это вновь возникшее мышление в новом мире. Утверждение физической преемственности в качестве единственно возможной преемственности – это утверждение отсутствия всякой преемственности.

Э.В. Ильенков сделал важный шаг в правильном направлении, попытавшись объяснить функциональную, логическую необходимость мышления в природе, но без признания Бога этот шаг повисает над пропастью.

Начитался на ночь Иосифа Бродского. Напитался его настроением, его обидой на конечность и бессмысленность мира.

Вспомнился сразу же и кинофильм Карена Шахназарова «Палата №6». Главный герой этого фильма как оскорбление воспринимал то, что ему «здоровые люди» предлагали спокойно и радостно жить в этом вонючем, несправедливом мире, который

рано или поздно, но обязательно погибнет. Причем без надежды на воскрешение. Герой не захотел ни писать, ни читать свой «жизненный роман» в составе человечества с безжалостно вырванными в конце его страницами: какая разница – несколько лет или несколько миллионов лет? От увеличения количества качество бессмыслицы не исчезает.

Синергетика также освящает бессмысленную пунктирность бытия, как и выдающийся философ XX века Э.В.Ильенков. Приняв решение уйти из этого невыносимого для него мира, он до этого всю свою жизнь доказывал возможность и необходимость мира иного: справедливого, доброго, радостного и призывал и людей становиться все более и более хорошими. Но если жизнь человека и человечества конечна, то даже самое замечательное качество жизни не может компенсировать этого безобразия. А безобразие конечной жизни состоит в том, что она бессмысленна. И это относится как к отдельному человеку, так и к человечеству. Э.В.Ильенков, правда, пытался доказать, что смысл есть. Он состоит в том, что разумное существо и создано-то природой для того, чтобы как-то заставить умирающий, расплзающийся в разные стороны космос снова сконцентрироваться для того, чтобы потом в эволюционных муках вновь рожать и рожать Жизнь и Мысль. Однако ведь жизнь этого нового человека будет устроена так, что он и знать-то ничего не будет об этом гордом самопожертвовании создавшего его Человека-Бога. Он будет думать, что это он сам развивается, как хочет. Что это – его собственная заслуга. И будет говорить не о том Великом Человеке, который создал условия для его возникновения (в такую «чертовщину и мистику» очередной новый человек не поверит), а о себе-родном: «Человек – это звучит гордо!», «Человек – мера всех вещей» и т.д. И не известно, дойдет ли он до мысли о необходимости и самому повторить подобный подвиг самопожертвования.

Каков же здесь выход? ...Альтернатива такова: либо верить в Бога и в Вечность Мира, либо самому человеку стать богом, но не временным и жертвенным, а настоящим. И даже о такой возможности упоминает А.П.Чехов: Иван Дмитрич Громов, один из паци-

ентов чеховской «Палаты № 6», замечает: «У Достоевского или у Вольтера кто-то говорит, что если бы не было Бога, то его выдумали бы люди». Но оттенок мысли у этого «сумасшедшего мыслителя» иной, чем у Мигеля Унамуно: «выдумали бы» не для обмана и самообмана, а выдумали-создали бы – для того, чтобы он реально и успешно функционировал в должности Бога. Вот как! А так, без Бога, жить страшно и тоскливо: ведь без него, как сказал Достоевский, всё позволено, и вряд ли человек, оставаясь наедине с самим собой в этом абсурдном мире (мы это хорошо видим), вдохновится идеей Э.В.Ильенкова дорасти до приятия благородной (?) цели самому стать одновременно и жертвой и богом.

Нет, этот обезбоженный ныне человек в массе своей будет думать лишь об удобствах и изобилии, ища смысл жизни именно в них. И такой обезбоженный человек главной ценностью будет даже считать вот эту самую возможность за свои безобразия и своеволия, при определенных ловкости и везении (если по-ве-зет чуть-чуть!) не получить никакого наказания. Об этом саркастически и рассказывает нам Иосиф Бродский в своем философском (впрочем, других у него и нет) стихотворении «Речь о пролитом молоке»:

Важно многим создать удобства.
(Это можно найти у Гоббса.)
Я сижу на стуле, считаю до ста.
Чистка – грязная процедура.
Не принято плясать на могиле.
Создать изобилие в тесном мире
это по-христиански. Или:
в этом и состоит Культура.
Нынче поклонники оборота
«Религия – опиум для народа»
поняли, что им дана свобода,
дожили до золотого века.
Но в таком реестре (издержки слога)
свобода не выбрать – весьма убога.
Обычно тот, кто плюет на Бога,

плюет сначала на человека.
«Бога нет. А земля в ухабах».
«Да, не видать. Отключусь на бабах».
Творец, творящий в таких масштабах,
делает слишком большие рейды
между объектами. Так что то, что
там Его царствие, – это точно.
Оно от мира сего заочно.
Сядьте на свои табуреты.

Хорошо могу понять ощущения героя романа Ж.-П.Сартра «Тошнота»: никчемность, абсурдность всего окружающего, собственная ненужность. Многие люди переживают такое в молодости. Я еще эту картину, созерцаемую сидящим на скамье человеком, глядящим с ужасом и тошнотой на корень стоящего перед ним дерева, перевел бы из статического состояние в динамическое. Тогда все люди и корни начнут в нашем воображении появляться, расти, исчезать. Появляться, расти, исчезать... Младенец – мальчик – юноша – мужчина – старик – мертвец, – и всё это прокрутить со скоростью 1 год за секунду. И вот, если во всем этом мельтешении не видеть смысла, тогда остается, действительно, одно лишь ощущение абсурда. Если же во всем этом есть нечто сохраняющееся и нарастающее, есть – результат, цель и ее достижение, то вот тогда и только тогда жизнь имеет смысл. Для себя жить человек не может. Без смысла и веры он – несчастен и абсурден. Хорошо, что финал произведения Сартра все-таки светел и оптимистичен! Но ведь это – случайность. И потом: что дальше-то, за этим финалом? Будем, как в сказке, жить-поживать и добра наживать? Но жизнь – не сказка и требует недетского размышления над смыслом и финалом человеческой жизни.

И философ Жан-Поль Сартр, и, скажем, революционер Андрей Желябов, да все люди, – озабочены одним и тем же жгучим вопросом – «Не зря ли?» и опасением – «Не зря бы!». Откуда

эта целеустремленность, смыслоискание? Присуще ли оно непосредственно личности (как думает, например, А.Арсеньев) или же это ей – дар социума (Б.Поршнев)?

Человечество обязательно выработает «из себя» цель, новую значительную, вдохновляющую цель. Именно об этом мечтал Ауреллио Печчеи. И эта цель – я абсолютно уверен в этом – совпадёт с целью Универсума и привнесет смысл в бессмысленное. Ведь так, собственно, и происходит с любой философской категорией: она служит нам в качестве универсальной формы нашего мышления только потому, что одновременно является универсальной формой Бытия! .

Только, спрашивается, что делать с потерянными, «обесмысленными» поколениями? Довольствоваться ли им ролью удобрения для произрастания Сверхчеловека (Ницше, Маркс) или же и они вправе предъявить свой счет к счастливым, знающим смысл своей жизни потомкам?

После того, как посмотрел пьесу Артура Миллера «После грехопадения»:

Вот именно – не унывать и не отчаиваться, а с новым личным опытом (после очередного грехопадения!) начинать новую, праведную жизнь. Каждое утро, как главный герой пьесы, просыпаться с настроением мальчишки (сразу вспоминаются слова Иисуса о детстве как о билете в царство Божье), ждущего чего-то нового и интересного, настоящего (в смысле, – подлинного) от наступающего дня!

Впрочем, уточним: А.Миллер говорит не о детях, а о взрослых грешниках. Но вывод все-таки тот же самый: после грехопадения всякий раз начинать жизнь сначала. Вот ведь в чем, подумал я, суть образа Сизифа. Миллер, по-моему, этот образ понял гораздо глубже, чем Камю.

Размышляя о фильмах Луиса Бунюэля, вижу, как эфемерна грань между мерзкой мыслью и мерзким поступком. Поэтому Л.Толстой и повторял, что человек должен стремиться к тому, чтобы, в принципе, у него таких мыслей не было. Но есть должное, а есть сущее. И Л.Бунюэль как подлинный реалист (хотя все называют его сюрреалистом) блестяще изображает двойственный, даже – множественный, характер реального человека.

Отстранение (и остранение одновременно): смотреть на себя, свои поступки «свысока», с позиции Всеобщего. Это отнюдь не всепрощение (я, мол, – это всего лишь некий «он». Вроде бы, я – не я и хата не моя). Нет, такое отстранение не должно исключать, а, наоборот, должно предполагать и раскаяние и порождаемую им коррекцию дальнейшего движения и образа жизни.

Вспоминается размышление Достоевского о «широкости», но у него это – вопрос о дозволенности мелких гадостей для гения.

Я убежден, что единственно возможная антропология это – естественно-эволюционная антропология. Но естественная – это не означает стихийная и самодвижущаяся. Через естественную эволюцию передается Воля Всевышнего. **Всемогущество Бога проявляется в эволюционном процессе.**

Идея саморазвития способна дезориентировать ученых, которые могут при этом придать статус бога случаю.

Но, с другой стороны, и руководящее начало немислимо без руководимых процессов и сфер бытия. Начальников без подчиненных не бывает.

К сожалению, догматизм мешает и науке, и религии правильно воспринимать научные факты и обобщения.

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

*Сущность всякой веры состоит в том,
что она придает жизни такой смысл,
который не уничтожается смертью.*

Толстой Л. Н.

С.Хоружий пишет о «неприятии смерти», о «негативной реакции на собственное небытие». Полностью соглашаясь с тем, что это очень существенные характеристики человека, добавлю: в основании этих форм неприятия находится ещё более глубокое неприятие – неприятие бессмысленности мира, непричастности его к Мысли.

Н.Федоров говорит о природе как о «силе смертоносной». Считает, что изучение и управление этой силой – «долг священный наш». Он явно говорит не о той Природе, о которой говорит Спиноза.

Может быть, эта сила смертоносная и есть то, что в религии именуется дьяволом? Природа (животность) в нас и толкает нас к греху. Природа = животность = сила смертоносная = дьявол (недаром его изображают как животное). Задача человека – переход от одной формы диалектики к другой. От диалектики вражды к диалектике любви и сотрудничества (Г.С.Батищев).

Н.Фёдоров не любит И.Канта и говорит о его философии так: «Критика практического разума не знает объединенного человечества, не дает правила для общего действия всего рода человеческого». Да, человек без рода человеческого – ничто.

Смерть, по Федорову, есть высшая мера наказания, смертная казнь. Вот какой, на первый взгляд, максимализм! А по сути дела – единственный зрячий среди слепцов. Не глупость ли как раз – глубокомысленно принимать смерть как должное?! Человек не достоин смерти. Но почему Н. Фёдоров не задумывается о недопустимости смерти всего рода человеческого? Потому что не

видит этой возможности? Кто же будет воскрешать «отцов», если погибнут все «дети»?

Читая дневник К.Чуковского, а именно – предисловие к нему публикатора (М.Петровского), я отметил, что последний, возможно, даже не понимает всей глубины своей мысли (полагая, что это – просто удачное, образное парадоксальное сравнение): сравнивая хорошего свидетеля, историка, воспоминателя – с воплотителем идеи Н.Федорова о воскрешении отцов детьми. Я-то вижу здесь непосредственную технологию этого будущего процесса: воссоздание, фокусирование в единую точку информации – души человека. Лишь бы изобрести не только «мертвую воду», но и «живую», то есть научиться воссоздавать личную чувственную информацию!

Вспоминаю мои давние мысли о том, что для перехода в вечность человек в течение своей земной жизни должен хорошенько «наследить» (оставить наследство, наследие). Однако следы и наследие могут быть добрыми и могут быть и злыми. Наследие Герострата и наследие Гераклита.

Узнав о смерти человека мы говорим: «Вечная память!» и «Царство Небесное!». Это – одно и то же. Но, в независимости от наших слов, произнесенных в адрес умершего, в реальности может оказаться и так: вечная память и царство мрака. Нет, нельзя быть таким глупым человеком, каким был Герострат!

Сейчас наш мир ничтожен, – восклицает Н.Фёдоров. Однако это односторонний взгляд. Есть иной мир! Но расположен он не в некоем «плоском» пространстве, а во всем бесконечном богатстве пространства-времени. Изменение перспективы приводит к тому, что мы становимся способными увидеть: ничтожное становится великим. Но не надо пренебрегать и налично данной жизнью. Только через нее мы придем к подлинному Миру и подлинному Человеку.

Несколько раздраженный мой вопрос к Н.Фёдорову: до какого же поколения будут оживляться (воскресать) предки наши? До питекантропов? До моллюсков? Та же неразрешимая проблема, что и описанная в книге Веркора «Люди и животные». Это вопрос, поставленный в историческом плане. А сколько вопросов к воскрешению можно задать, и уже задано, – в логическом плане! Что здесь возможно, что невозможно?

Впрочем, вопрос мой не по адресу: Н.Фёдоров наверняка не разделял идеи эволюционного происхождения человека.

Думаю, что вопрос этот со временем решится, как и все схоластические и мистические вопросы, – практически. Именно такую мысль выразил К.Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе».

Фёдоров, исходя из того, что Бог – всемилостивый, считает, что все будут прощены и оживлены, даже Сатана. Впрочем, это идея впервые была высказана «еретиком» Оригеном.

И все-таки подумаем: может быть, воскрешается не всё, а только всё лучшее? А все худшее – нет. Вспомним притчу о некоем негодяе и скупердяе, которому «зачлось» то, что однажды он все же дал хлеба умирающему с голоду. Или вспомним песню на стихи Н.А.Некрасова об атамане Кудеяре, который со своими разбойниками много пролили крови «честных христиан». А в конце жизни Кудеяр искренне раскаялся и все грехи ему были прощены. С каким трепетом и сочувствием к этому «герою» пел эту песню Фёдор Шаляпин! Ведь в ней воплотилось мировоззрение народное! А что? И Гитлера можно простить: умел же он неплохо рисовать. Значит, было же у него в душе что-то возвышенное? Да и, вообще, весь свой «проект» он задумал и взялся осуществлять, по его мнению, «с добрыми намерениями». Ну, ладно, добрые намерения Гитлера превратились в камни мостовой, ведущей в ад, и в вечности сохранится только рисующий Гитлер, а куда девать его другие качества? – в ад все-таки? Ну, а что касается Сатаны, то, можно, например, согласиться с тем, что какого-то уважения, и значит сохранения, заслуживают его гордость, своеволие, критицизм (им бы да лучшее, конечно, применение!).

Нет, не так-то всё просто и прямолинейно. В мир вложен механизм, сохраняющий и развивающий его (мир) – это Отбор. Без него нельзя. Если же этот «механизм» всеобщ, то, наверное, существует и отбор душ и тогда не каждая душа бессмертна.

Вообще, я удивляюсь, я просто изумляюсь тому, что и в данном важнейшем вопросе преобладает навязывание всем без исключения некой своей собственной точки зрения. Так, Э.В.Ильенков, как известно, призывает людей настраиваться на миссию смерти человечества с благой целью спасения материи (о личной смерти здесь и речи нет: она для атеиста-материалиста – аксиома). А вот Н.Фёдоров и многие современные его последователи на полном, что называется, серьёзе, обсуждают детали предстоящего «поголовного» воскрешения, будучи уверенными, что любой человек примет их намерения и предстоящие на этой ниве труды с полным одобрением и благодарностью.

И больше всего меня в таких подходах изумляет и возмущает игнорирование Воли Отца нашего Небесного! Проектировщики, футурологи, одумайтесь, будьте скромнее и объективнее!

Б.Рассел: «... Сегодняшнее состояние психологии и физиологии не допускает веры в бессмертие, а те аргументы, которые здесь возможны, доказывают, что личность, скорее всего, исчезает вместе со смертью тела».

Для меня уже эти два слова («скорее всего») – дорогого стоят, ибо в них заключено некое внутреннее сомнение говорящего. Но еще более четко это сомнение высказано Расселом перед приведенной выше цитатой: «Я не стану утверждать, что мои доводы окончательны. Невозможно предвидеть будущее науки, особенно психологии, которая только начинает становиться наукой. Возможно, психологическая причинность и не будет связана с телом». Вот эту принципиальную оговорку Рассела атеисты обычно «не замечают».

Думается, что нельзя вообще вмешиваться в вопросы о вечном с позиций преходящего, а именно, – с позиций сегодняшнего состояния науки.

Точно так же следует относиться к высказыванию Рассела о том, что сознание для природы – это что-то случайное и не имеющее принципиального значения. Очень важно постоянно доказывать, что это не так. Ибо, если сознание не является чем-то случайным и мизерным, а является атрибутом субстанции, то тогда оно не имеет никаких извне поставленных, непреодолимых границ и пределов (Гегель).

Рай и Ад актуальны. Сейчас и здесь реально кто-то (а это – внутреннее состояние некоего микромира) испытывает величайшее блаженство или наоборот – нестерпимое страдание. Коллективное и индивидуальное спасение от ада современной жизни – вот наше Общее Дело!

Гераклит – великолепен! «Бессмертные – смертны, смертные бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают». Объединенный Разум живет нами, а мы – им. Умирая, мы оживаем в Объединенном Разуме. Совершенствуя себя, Объединенный разум вновь возвращается в историю. См. об этом пророческий роман Айзека Азимова «Конец вечности». Различие между «сейчас» и «всегда» – относительно.

Вот что писал М.Мамардашвили о бессмертии: «Так, вот, бессмертие – это слово, речь; это искра воскресения мертвого человека, это факт и акт, длящийся по сей день. Речь есть вечный акт, в котором мы участвуем постольку, поскольку мы люди. Что значит «поскольку мы люди»? Я пытаюсь показать, что человек – существо, не являющееся продуктом природы; природа не производит людей. По-настоящему мы рождаемся только во втором рождении. Второе рождение происходит там, где потенциальный человек сочетается с символом, и энергия этого сочетания, т.е. усилия над самим собой, порождает в человеке человека. У Данте

есть прекрасные слова о том, что рожденное как таковое не имеет души» [20, 72].

Позволю себе прокомментировать сказанное Мерабом Константиновичем. В принципе здесь всё сказано правильно. Человек рождается только в сфере символа, слова, речи, мысли. Здесь, в культуре, его подлинное бытие. Здесь он рождается, умирает телом и все больше и больше воскресает духом. Однако сразу вспоминается произнесенная в свое время Аркадием Райкиным, играющим роль резонёра – любителя дефицита, казалось бы, бессмысленная, но на самом-то деле имеющая глубокий смысл фраза : «В принципе ты прав, в принципе... Но по существу – глубоко заблуждаешься». Выше всё у М. К. Мамардашвили хорошо сказано, но... недосказано, а значит, увы, и неистинно. В тексте этом нет ничего о будущем качественном скачке внутри самой этой словесной, символической системы, о переходе ее в ноосферу. Всё же, я уверен, что не о таком, или не только о таком, бессмертии говорил Никодиму Иисус Христос?!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО Я НАЗЫВАЮ Я

*То, что я существую, –
для меня постоянное чудо:
это и есть жизнь*

Рабиндранат Тагор

Я – философ и этим интересен

Начну со своего рода экзистенциальной исповеди о том, как я стал и пребываю философом. Перефразировав Маяковского, я говорю о себе: я философ и *этим* интересен.

Итак, мой родной уральский городок, светлое время дня. Мне шесть или семь лет. Точно помню лишь, что время было еще военное. Я один дома. Лежу на кухне родного дома на застеленной кровати и, пристально глядя в пол, начинаю вдруг – то молча, то

вслух – задавать себе один и тот же вопрос «Неужели это – я?», «Неужели это – я?». «Неужели я – есть?» И его же, этот вопрос, но в других вариациях: «А что такое – я?», «Почему именно вот это – я?», «Почему я – именно я?», «Как это – удивительно! Может, это какая-то ошибка, и я – это вовсе не я?» И – с примесью страха, безнадежное: «Никакой ошибки нет, и я всю свою жизнь буду вот этим самым, а не другим «Я» и буду ответствен за все, что это «Я» сделает»!

Именно так: состояние души моей во время такого экзистенциального вопрошания было одновременно и восторженное и ужасно испуганное. Ужасный восторг! Восторженный ужас!

Когда я, уже будучи зрелым человеком, прочитал слова Платона о том, что только философ способен изумляться очевидным для всех вещам, о том, что философствование начинается с удивления, я сразу подумал об этом эпизоде из моего детства. Именно подумал, а не вспомнил, потому что этот вопрос так и продолжал оставаться во мне, я его никогда и не забывал. Я просто долгое время не знал, что мое детское изумление – это признак способности стать и быть философом. Наверно, в детстве многие проявляют эту способность, но потом большинство людей ее теряет. Я же – не потерял и до сих пор задаю себе тот же самый вопрос, иногда в виде своеобразной молитвы: «Господи! Вразуми меня, что такое я, зачем я появился на свет? В чем мое призвание? На верном ли я пути?»

Читая «Автобиографию» Гилберта Честертона, я понял, что человеку непременно надо вс-помнить и за-помнить некоторые совершенно особенные события и чувства своего детства. Ведь это – особенная память. Не память о событиях, а *память о совершившемся процессе формирования содержания и качества души.*

Мне, например, доставляло огромную, щемящую радость рассматривание-любование, ощупывание-поглаживание некоторых обыкновенных вещей.

Любование-поглаживание бревен сооружения для выращивания рассады в нашем огороде. Радостное ощущение сырости и невыразимого словами пронзительно-свежего запаха воды колод-

ца в садике перед нашим домом. Поглаживание огромной глыбы камня-доломита, что долго валялась за речкой Сарайкой. Поверхность этого осколка породы из горной выработки запомнилась горячей от солнца, серо-голубой, терпко пахнущей и посверкивающей золотинками пирита. И я не мог никак оторваться от этого камня и готов был даже обнимать и целовать его, если бы не боялся, что кто-то увидит меня за этим занятием.

Это всё были самые близко расположенные ко мне вещи моего мира и они были очень милы мне. Эти вещи наглядно подтверждали мне то чудо, что я – есть, я живу.

Или вот: та яркая лилового цвета ракета, кем-то пущенная в новогодние праздники в черное зимнее небо. вспыхнувшая там и затем тихо и небывало долго висевшая, странно волнуя меня: как будто это был какой-то судьбоносный знак для меня, для меня одного. И если я хочу и сейчас представить себе что-то волшебное и возвышенное, я стараюсь «увидеть» эту завораживающую, что-то обещающую мне лиловую звезду в черном небе.

Помню я и свои чувства-страхи. Некоторые из них сейчас кажутся довольно забавными. Так, например, физически невыносимым для меня был тогдашний гимн Советского союза – Интернационал. Я его, в силу своей малости, называл «Рицанал». Услышав самые первые, торжественно-страшные его звуки, я кричал, чтобы его немедленно выключили (если взрослые забывали сами это вовремя сделать): «Рицанал, рицанал!..»

То же самое я могу сказать о портрете Чарльза Дарвина. Зная, что он где-то здесь, приближается в перелистываемой мною книге, я жертвовал несколькими страницами перед ним и, дрожа от омерзения, чувствуя, как волосики волной поднимаются на коже, торопливо перелистывал их вместе с ненавистным мне портретом.

Кому-то покажется странным, что в свои 75 лет человек в самом начале рассказа о своей научной деятельности заговорил о детстве. Но я делаю это сознательно, так как детство мое всегда со мной. Я счастлив, что и в пожилом возрасте я продолжаю относиться к жизни по-детски искренне и радостно. И я полно-

стью согласен с содержанием размышлений известного философа Г.С.Батищева о «непреходящих ценностях сокровенного детства». По Батищеву, детство – это вовсе не беспомощное и неполноценное состояние, и не может пониматься как «всего лишь подготовка к последующим периодам, всего лишь *средство*, подлежащее полному отбрасыванию после его использования» [2, 38].

«Недаром, – пишет Г.С.Батищев, – издревле считается, что человек в моменты наивысшего подъема и расцвета своих созидательных сил бывает лишь настолько творчески одаренным субъектом, сколько в нем, в недрах его души сохранилось живительных начал детства» [2, 38].

Поэтому я и других людей всегда призываю не расставаться со своим детством. Это не означает – впасть в детство, быть ребячливым (хотя я и на это способен), это означает – сохранять детство в душе, как способность удивляться, казалось бы простым вещам, стремиться к самосовершенствованию своего Я, всегда надеяться на лучшее и верить в смысл жизни.

И еще в детстве хорошо потому, что ребенок не верит в суждение «Все люди смертны». Вот одно из ярчайших детских впечатлений (я не говорю – «одно из воспоминаний»: экзистенциальные ужасы и восторги вообще никогда не забываются). Так вот. Я просыпаюсь в ужасе от сновидения, сюжет которого прост и абсурден. Я нахожусь в нашем городском кинотеатре. Только что закончился фильм, но свет еще не включен. Лязгают засовы, двери на улицу открываются, люди толпятся и медленно выходят. И вдруг выясняется, что там, за распахнутой дверью, каждого выходящего из дверей кинотеатра... вешают. Да, надевают петлю на шею и вешают, как немцы – партизан. И самое ужасное не в том, что людей, только что посмотревших фильм, вешают, а в том, что все, кроме меня, считают, что это – правильно, так и надо, так заведено.

А я, проснувшийся перепуганный мальчик, твердил шепотом другое: «Нет, так не должно быть!» И вот, после этого я всю дальнейшую жизнь твержу себе это: «Так не должно быть!» Наверное, это страстное отрицание общепринятого «Все люди смертны» и

привело меня через много лет к предчувствию и открытию для себя того, что я называю «Объединенным Разумом».

А намного позже я узнал, что примерно за сто лет до этого моего экзистенциального видения по Французскому бульвару Одессы шагал другой подросток, потрясенный своим озарением. Шел и шептал: «Смерть и человек – несовместны! Так, как есть, не должно быть!». Это был ученик Ришельевского лицея Николай Фёдоров, один из зачинателей того философского течения, которое принято называть «русским космизмом».

Как-то мой товарищ по комнате в общежитии во время нашего с ним долгого ночного разговора «о жизни» заметил: «У тебя философский стиль мышления». Мне это польстило, но всерьез я в это не поверил. Подобно мольеровскому персонажу Журдену, не знавшему, что он говорит прозой, я не понимал того, что постоянно философствую.

Понял это я уже довольно поздно, лет в 27. И только тогда стал брать в библиотеках философские труды. Помню, что читал Демокрита, но из того, что я читал у него, запомнил только какие-то, показавшиеся мне глупыми, рассуждения о том, почему у быка растут рога. Помню, что читал Гоббса и что читать его было тяжело и скучно. Еще чего-то читал... Но когда я раскрыл «Этику» Спинозы, написанную каким-то странным, формализованным языком, я понял – вот оно, это – моё! Я довольно быстро уловил спинозовскую мысль о том, что сознание – это не свойство материи, которое, как учил нас Энгельс, хотя и с «железной необходимостью» возникает то тут, то там в безграничном океане вселенной, но с такой же железной необходимостью и исчезает потом бесследно. Нет, по Спинозе, сознание (мышление) – это важнейший и вечный атрибут (то есть неотъемлемая форма существования) Природы, которую он именовал еще и Богом. И подлинным субъектом мышления является не человек, а именно Природа-Бог. Человек – это только модус (то есть частное проявление) Природы-Бога, а его мышление – модус вечного мышления этой самой Природы-Бога. Сознание укорено в Природе, оно вечно. Если это всё так, то есть ли смысл бояться смерти? Ведь,

потеряв свое тело, ты все равно тем или иным образом останешься мыслящей капелькой в океане космического Разума?!

И еще: раз человек – это всего лишь самое низшее из мыслящих существ, то обязательно должны быть и более развитые формы таких существ. А что, если все эти формы – низшие и высшие – это точки на эволюционной линии, и точно так же, как обезьяна превратилась в человека, так же и человек может превратиться во что-то более совершенным образом отображающее действительность? И это «что-то», согласно моей интуиции, должно быть «Объединенным Разумом» – могучим единством отдельных «клеточек-людей», единым мыслящим океаном.

Позже, лет через десять, за опубликованную на эти темы статью меня чуть не вызвали на партбюро. Мои старшие коллеги говорили тогда: это еще хорошо, что наши республиканские журналы никто не читает, это – Ваше счастье, иначе Вам – не миновать было бы обсуждения и осуждения.

Вот ведь как: сказал, что может быть кто-то с более совершенным мышлением, нежели человек, и – всё, еретик! Ну, а как же – допустишь одну ступеньку, а там – и другую и вот он – путь к «боженьке». Ну, да ладно, вернемся к сути того, что не давало мне покоя.

Если, невзирая на все партийные запреты, человек все-таки может и даже должен рано или поздно превратиться в новое, более совершенное мыслящее существо, то спрашивается: в чем же *причина такого развития* и предстоящего скачка в новое качество? Диамат, надо отдать должное моим преподавателям, все-таки дал мне очень неплохие знания о диалектике мира и диалектике его познания! Ага, думал я: причиной развития может быть только некое исходное противоречие. В чем же оно? Надо думать, надо искать! И я, как мне показалось, нашел: это – противоречие не между производительными силами и производственными отношениями, а между получаемым и используемым человеком знанием. Если тождество, гармония между получаемым и используемым знанием нарушается, то мыслящее существо для своего спасения становится вынужденным искать новый способ полу-

чения, хранения, передачи и использования своих знаний. Да-да, это так, вот же они, главные следы человеческого развития: это не паровая машина, не порох и не пулемет, а письменность и книгопечатный станок Гутенберга, а далее – телеграф, телефон, радио, кино, телевизор, компьютер и другие информационные средства, появление которых означало маленькие и большие революции в развитии способа человека получать, хранить, передавать друг другу и использовать различные знания.

А что будет *после* того, как привычная нам форма человеческого мышления исчерпает все свои возможности? Какую новую форму изобретет Природа? Каков будет новый способ передачи мыслительной информации? Может, телепатия? Нет, его нам предоставит чудесным образом развившаяся информационная техника: ЭВМ, компьютеры...

Вскоре я понял, что существует более широкое поле действия открытого мною противоречия: это вся биосфера. Не только мыслящее, но и любое живое существо нуждается в гармонии между получением и использованием знания. Все живое подчиняется противоречию между получаемой и используемой *информацией*. Борьба за существование и развитие происходят через поиски и отбор наилучших, наиболее эффективных способов разрешения этого противоречия.

Не могу вспомнить точную дату моего озарения, но факт его я в деталях храню в своей памяти. Это мгновение – вот уж воистину «большое, как глоток»! Я его называю «Моё Ясное Раннее Утро». Утро, в которое превратилась бессонная ночь. Ранняя весна. От восторга, что я понял: вместо человечества впереди Объединенный разум и я знаю, в чем состоит причина его появления, я ушел бродить по роще рядом с нашими домами. Роща эта носила имя Баума, инженера, любовно озеленявшего Алма-Ату еще до революции, когда город имел название Верный. Чему же ты верен, город Верный? Позже я узнал, что именно здесь впервые была опубликована книга того самого Николая Фёдорова – «Философия общего дела». А в то утро я полной молодой грудью вдыхал холодный свежий воздух, гладил еще не распутившиеся

почки. Какое счастье: вся жизнь – впереди – и у меня, и у человечества! Причем – жизнь, имеющая перспективу, а значит – смысл!

Всё это увиденное мною в мое «Ясное утро» было настолько ясно, очевидно для меня, что я, как некогда Декарт, посчитал это обстоятельство критерием истинности и стал со своими идеями приставать к своим друзьям, а затем – начал всюду рассылать лаконичную рукопись, которая имела название «Может ли человек стать богом?». Ответ на множество моих писем пришел только один: Б.М.Кедров передал мою статью Ю.М.Шейнину и тот написал мне очень доброе письмо, смысл которого состоял в том, что в голове у меня что-то есть и мне обязательно надо учиться. Я был, действительно, девственно безграмотен. Работы Шейнина об Интегральном Интеллекте я прочитал уже после получения его письма, а о существовании Тейяра де Шардена узнал только в аспирантуре. Да и о Вернадском-то я знал лишь как о минералогe и геохимике, а не как об одном из «отцов» учения о ноосфере.

Письмо Ю.М.Шейнина я прочитал, будучи в последней в моей жизни геологической экспедиции, где в свободное время штудировал энгельсовские «Анти-Дюринг» и «Диалектику природы», готовясь к вступительным экзаменам в философскую аспирантуру. Дело в том, что своими вопросами я прошедшей весной так надоел всем, кто готовил меня (заочного аспиранта геологического института) к кандидатскому экзамену и принимал этот экзамен, что меня рекомендовали к поступлению в философскую аспирантуру института философии и права. Так что совет Ю.М.Шейнина, который был мне, конечно, приятен, немного опоздал.

Поступление в аспирантуру состоялось осенью 1967 года, накануне 50-летнего юбилея Октябрьской революции. Говоря об этом, сразу же вспоминаю запах столовой, находящейся как раз под теми несколькими комнатами, в которых и размещался тогда этот, совсем молодой еще, академический институт. Столовая в академии была очень хорошая, но запах её блюд был в это время для меня тошнотворным, ибо связан был с сильными волнения-

ми: недели две мне предстояло сдавать экзамены и не знать, примут ли меня в желанную аспирантуру или нет.

Итак, Институт философии и права АН Казахской ССР. Директор и создатель его – юрист Салык Зиманов. Храбрый офицер, известный из фронтовых газет тем, что в одном из боев для того, чтобы занять со своими солдатами некую «безымянную высоту», вынужден был вызвать огонь на себя. Он и в мирное время постоянно «вызывал на себя огонь» своих коллег и своего начальства. Этот неординарный, волевой и умный человек в конце пятидесятых дал «карт бланш» молодому талантливому философу Жабайхану Абдильдину, и тот со всей страны собрал небольшой, но совершенно замечательный коллектив философской части института. Сам Жабайхан Абдильдин, мой научный руководитель Герасим Югай, Лев Науменко, Мамия Баканидзе... Дорогие мои учителя, вы были старше меня всего на три-пять лет. Талантливые и убежденные диалектики, вы навсегда поселились в моем сердце! Какое счастье, что я попал именно в ваши руки, а не в руки каких-нибудь философов-догматиков, которых в стране тогда было хоть пруд-пруди!

Алма-атинские всесоюзные симпозиумы по диалектической логике. На них собирались лучшие философы со всей страны. Легендарный Ильенков! Нет, не зря мой ангел-хранитель привел меня именно в Алма-Ату.

Запах, (опять незабываемый запах!) старинных книг и старинной мебели в Ленинской библиотеке Москвы, в библиотеке Салтыкова-Щедрина в Ленинграде...

«Философия общего дела» Н.Фёдорова и «Феномен человека» Тейяра де Шардена. После «Этики» Спинозы – это две мои главные книги.

Длительное время мне пришлось работать над философскими вопросами геологии. Спасибо геологии: у меня как у становящегося философа (но, в то же время и специалиста-геолога) в полном распоряжении оказалось огромное непаханное поле для исследования важнейших методологических проблем геологии. Кандидатская диссертация «Принцип конкретного историзма в геологии»

была защищена в 1971 году, докторская диссертация «Роль принципов диалектики в геологическом познании» – в 1981-м.

Поскольку меня после окончания аспирантуры оставили работать в институте философии и права, я, прежде всего, работал над порученными мне разделами в плановых темах, имеющих цель исследовать отдельные диалектические принципы, а затем на основе этих исследований – написать многотомную «Диалектическую логику». И наш творческий коллектив, возглавляемый Ж.Абдильдиным, это сделал, и шестеро из него получили в 1984 году за свою работу звание лауреатов Государственной премии Казахской ССР в области науки и техники.

Меня стали приглашать как соавтора в творческие коллективы Москвы и Киева, и я оставил свой след в ряде коллективных книг.

Я бы, конечно, с удовольствием работал только как ученый, но так не было принято. Пришлось на несколько лет стать ученым секретарем Института. Вроде бы честь – третье лицо в институте, но только вот лицо-то довольно печальное: кроме планов и отчетов (непосредственная работа) это ответственное «лицо» должно было заниматься всем, чем угодно: колхозами, демонстрациями, субботниками, соцсоревнованием, учебой аспирантов. Сколько раз, не сумев послать требуемое для работы в колхозе или совхозе количество людей, слышал грозный окрик секретаря райкома: «Не можете послать двадцать человек на сельхозработы – закроем институт и пошлем вас туда *всех до одного!*» Как только возникла такая возможность, я с облегчением покинул эту «почетную» работу.

Однако, все равно оставалась еще и Общественная Работа. Главными разделами ее для меня были Методологические семинары и Философское общество. Слава богу, *эта* суета и беготня все же была хоть в какой-то мере связана с философией. Несколько лет на общественных началах проработал заместителем председателя ФО КазССР. К 50-летию моему юбилею меня за эту работу даже наградили почетным дипломом от ФО СССР. Председателем же ФО КазССР был Жабайхан Абдильдин,

наш формальный и неформальный лидер. Лидер во всём. Этот талантливый человек, столько сделавший для развития диалектической философии, сейчас – академик, сенатор, орденоносец, одним словом, – человек навеки вписавший себя золотыми буквами в историю советской и казахской культуры, был и остается для меня образцом человеческой доброты и справедливости, настоящим интеллигентом и, конечно, Философом с большой буквы. Спасибо, дорогой Жабайхан Мубаракович! Вы были посланы мне свыше!

Дальше была Алма-атинская партшкола, двухлетнее заведывание в ней кафедрой философии. Запомнилась продолжительная учеба (повышение квалификации) в Московской Академии общественных наук весной 1987 года. Это было время великих иллюзий. Все казалось новым и интересным. Внимательнейшим образом слушали Яковлева, Зюганова, Абалкина, Аганбегяна и многих других. Привез домой целую кипу тетрадей конспектов. Потом я их все выбросил: они, эти мои записи, возможно, и представляли бы какую-нибудь ценность, если бы советской политической элитой был действительно избран путь реформ, направленных на построение социализма.

Жизнь сложилась так, что в конце лета 1988 года я перевелся на работу в Одессу, во вновь создаваемую там партшколу.

Алексей Петрович Якубовский, мой будущий шеф. Ходим с ним по партийным инстанциям, меня осматривают как родители невесты осматривают предполагаемого жениха. Одна милая дама даже сказала: зря Вы решили приехать в Одессу, она плохо принимает чужаков, ей трудно угодить. В чем-то она была права, но я приехал не за тем, что она имела в виду. Мне нужен был благоприятный климат. Всего-то навсего! Для жены – мягкий морской и одновременно – степной, климат, в условиях которого она могла бы не страдать от своей бронхиальной астмы. Мне же был нужен благоприятный климат свободного города, где возможна свобода мысли и слова. Не знаю, чем бы я мог заниматься в Казахстане, после того, как мы завершили работу над диалектической логикой, которая вскоре вообще как предмет научного

исследования стала нежелательной для постсоветской духовности. К тому же, мне, честно говоря, совершенно необходимо было даже пространственно оторваться от своих учителей, которые мешали бы мне отходить от выработанных в алма-атинской школе канонов. Сейчас, по истечению почти четверти века жизни в Одессе, я с удовлетворением могу сказать: и моя жена, и я получили искомый благоприятный климат.

С 1 сентября 1988 года по 1 сентября 1996 года, то есть в течение 8-ми лет я – заведующий кафедрой философии Одесской высшей партийной школы, которая потом была последовательно была реорганизована и переименована в Одесский институт политологии и социального управления ИПСУ(1990), факультет социологии, экономики и политологии СЭП Одесского государственного университета им. И.И Мечникова, Институт социальных наук Одесского государственного университета.

И это выживание, реформирование, прежде всего, было связано с А. П. Якубовским – строителем, созидателем. Я ему многим обязан. Моя вина перед ним в том, что «прикладной», политической философией я так и не овладел. Не сумел я пробудить в своей душе интереса к событиям того времени, мельканиям партий и правительств, серьезных и забавных идей. Да и времени на это у меня не было. Фактически я сосредоточился на совершенствовании своего преподавания диалектики как теории познания и логики. Часов педагогической нагрузки сначала было много, потом становилось все меньше и меньше. Грустная тенденция...

Большое значение для моего развития имели тогда наши частые беседы – с Михаилом Оганисяном, Эдуардом Мартынюком, Виталием Лукашевичем. Навсегда в моей душе моменты творческого общения с Ириной Росколотько, Эммой Гансовой, Людмилой Кормич и другими замечательными людьми. Вновь организующаяся партшкола располагала тогда еще возможностью собрать под одной крышей таких вот духовно-богатых людей, таких умников и умниц.

Новый поворот в моей жизни совпал с наступлением моего пенсионного возраста. Философское отделение Института со-

циологии и политологии. Будущий философский факультет. Его создатель и руководитель – целеустремленный и энергичный человек – Чайковский Александр Владиславович. Я очень благодарен ему за доброе отношение ко мне. Благодарен я также Аверниру Ивановичу Уёмову. Интереснейшему во всех отношениях человеку. Я не принял его предложение провести с ним полемику о диалектике перед студентами. Я тогда был не готов к ней и наверняка проиграл бы её, а это было бы несправедливо. Всего полтора года (а потом – внешнее сотрудничество), но и этот этап был очень важен для моего развития. Непродолжительное время я преподавал историю немецкой классической и русской философии. И это тоже много дало мне в моем позднем, но, в качестве компенсации, слава богу, до сих пор продолжающемся, философском развитии.

И наконец, – моя работа в Одесской юридической академии. Она оказалась самой продуктивной для меня. Она удачно совпала по времени с той созидательной и удивительной по своей эффективности работой создателя и руководителя академии – Сергея Васильевича Кивалова, направленной на формирование и развитие всех сторон деятельности нашей академии, ныне – Национального университета «Одесская юридическая академия». Я бесконечно благодарен Сергею Васильевичу за то, что он своей талантливой деятельностью создал весьма благоприятные условия для развития нашей кафедры философии.

Благодарен я и дорогим и, можно даже сказать, родным, сотрудникам нашей кафедры, принявшим самое активное участие в совершенствовании педагогической работы, в создании монографий, учебных и учебно-методических пособий, в подготовке и защите диссертаций

На фоне этой важной и интересной работы я продолжал и продолжаю развивать свою философскую концепцию. Устно, письменно и интернетно я продолжаю доказывать, что материализм и идеализм – это крайние, односторонние и поэтому требующие синтеза, точки зрения на мир и человека, что диалектика – это единственно возможный способ философствования, что диалек-

тика беспартийна, что понимание ее требует конкретизации: порой диалектикой называют невесть что и что ни попадя. Прежде всего, диалектической картине мира необходимо вернуть утраченные ею принципы универсальности идеального, целенаправленности развития сущего (телеологизм) и принцип Абсолюта. Часто эти утраты произведены были без особых на то аргументов, чаще всего – по идеологическим соображениям и привели к тому, что диалектика стала подобна той печатной машинке, которой пользовались Остап Бендер и его команда в приснопамятном учреждении «Рога и копыта», с той лишь разницей, что в печатной машинке отсутствующие буквы лишь придавали забавный колорит отстуканным на ней посланиям, а в «общипанной» диалектике этот забавный колорит порой, к тому же, сопровождается невозможностью понять то, что она пытается выразить.

Без подлинной диалектики невозможно ни доказательство необходимости и сущности ноосферы, ни разработка путей и форм построения этой качественно новой формы бытия разума и эффективной деятельности его носителей.

Без подлинной диалектики невозможно и решение современных проблем философии права. Я, кстати, часто задумываюсь: а случайно ли то, что всю жизнь мне почему-то приходится работать бок о бок с юристами (и в Алма-Ате, и в Одессе)? Нет ли в этом какой-то подсказки мне? Уж не должен ли я что-то важное сказать в сфере проблем философии права?

Итак, мне 75. Менялись учреждения, мои коллеги, ученики, – шла обыкновенная, разнообразная, пестрая жизнь. Только мне, да моей жене, известно, что последние 45-50 лет из этих 75-ти я жил только одной идеей, шел только по одному пути, – к осознанию и доказательству безальтернативной необходимости ноосферы для человечества, и того, что только познав эту необходимость и приняв её как свое собственное, родное дело, человек станет подлинно свободным. Путь в ноосферу – это путь коллективного спасения. И мне кажется, что я существенно приблизился к поставленной перед собой цели. Много было сделано буквально за последние несколько лет. Быть философом – это

особый способ жизни, это – судьба. И судьба нелегкая. Внешне она напоминает труд Сизифа. Начинать вновь и вновь приходится и в строительстве своей концепции и в строительстве взаимопонимания с читателями и слушателями.

По поводу взаимопонимания... Странный и тревожный феномен: везде и всюду царит сплошное непонимание и тем не менее – бурно свершается действие, действие без понимания!

В массе своей люди так и не научились отличать пророков от псевдопророков, настоящую философию от ее подделок. Они слышат не Логос, а только то, что им в данный момент хочется слышать. И, действительно, бытие как некоторое событие зачастую оказывается первичным, а осознание его – вторичным. Как говорят в народе, «умная мысль приходит опосля».

Жизнь без четкого осознания людьми ее смысла порождает сначала долгое терпеливое бездействие, топтание на месте, а затем, – «бунт бессмысленный и беспощадный» (А.С.Пушкин). Вечное непонимание своего собственного бытия! Именно оно и может погубить человечество: нас со всех сторон обступают смертельно опасные глобальные проблемы, а люди продолжают тянуть этот воз проблем в разные стороны, как лебедь, рак и щука из басни дедушки Крылова. Слезы Гераклита, одновременно и от досады на непонимание, а, возможно, и от жалости к непонимающим, эти слёзы постоянно незримо катятся по щекам и современных философов. Но есть, есть все же Надежда, что человек успеет понять и принять свое Общее дело и мы доживем еще до того момента, когда наши слезы печали превратятся в слезы радости.

Старые и не очень старые дневниковые записи

Вновь вот он – я. Лежу на правом боку, в той же позе, что и в раннем своем детстве, когда я впервые удивился этому состоянию – «быть Я». Ничего не изменилось (трансцендентальное единство апперцепции – полное и абсолютное): я тот же мальчик, только очень поумневший, грешивший, каявшийся и обретший (истину и счастье).

Самое удивительное из того, что есть на свете, – это феномен Я (яйности). Сначала задаёшь себе вопрос, как могло возникнуть это чудо, а позже – как возможно, чтобы это чудо могло исчезнуть.

Сопоставляя мое мироощущение в разные возрастные этапы своей жизни, наблюдаю следующее. Мне уже не столь интересны мои «уникальные» переживания, как это было в детстве и в молодости. Мне сейчас интересно Всеобщее и моя причастность к нему. Известный психолог В.Э.Чудновский уверен в том, что: «Если в период взросления прибывающие жизненные силы, открывающиеся возможности настраивают на поиск перспективы и жизненного смысла, то «биология старости» неизбежно способствует развитию пессимизма, сосредоточивает внимание на ограниченности, смертности бытия человека». Скорей всего, данный ученый говорит о некоей среднестатистической закономерности, так как у меня, слава Богу, все было не так: к старости я смог сохранить детское восприятие жизни. И в этом – мое счастье.

Мышление и экзистенциально (рефлексивно), и трансцендентально. И это – в одно и то же время, и в одном и том же отношении. Я – маленький ручеек общечеловеческой мысли, впитываю в себя капли потоков мысли, текущих от Декарта, Канта, Гегеля, Маркса, Ильенкова, Мамардашвили, преломляю всё это богатство в своем сознании и теку дальше. Вот течь или не течь – это в моей воле. Но это и моя обязанность: ведь если я свою драгоценную сознательную жизнь заменю жизнью гедониста (и так вдруг поступят все люди), то ручьи и реки разума останутся и иссякнут.

Вся история бытия есть история формирования «Я» («ряд чудесных превращений милого лица»). Одна линия (своеобразный онтогенез «Я») – это расширение моего маленького «я» до понимания своего слияния с Богом, космосом. Вторая линия («филогенез») – это развитие «Я» от альфы до омеги (Тейяр де Шарден). То же обожение, но в самом широком смысле.

Слияние с Универсумом, с Богом. В человеке, во Мне Универсум самоосознаёт себя; при изучении человеком своего внутреннего и внешнего мира происходит то же самое.

Две жизни у меня и два дневника, описывающие события в каждой из них: один – хроника событий, другой – история находок души.

Вот, например, запись, сделанная в феврале 1994 года:

В первый дневник о сегодняшнем утре следует записать: встал в 6-50, видел сон о том, что захожу (легкой, молодой походкой) в какой-то спортзал и знакомый тренер записывает меня на плавание. Наяву же – собрался, оделся. Пошел на рынок. Большая очередь за молоком. Простоял более 40 минут. Люди очереди ропщут: мол, перепродают колхозное молоко каким-то торговцам, а те уже, в свою очередь, перепродают его нам по более высокой цене... Пришел, вскипятил молоко, выпил кофе ну и т.д.

Во второй дневник записываю: читаю письма В.И. Вернадского и как бы проникаю в его душу: как же тяжело ему было наблюдать безобразия власть предержащих и – молчать, беречь себя для «дальних» (Ницше), не вступать в спор и пререкания с теми, кто может запросто отнять у него его единственное оружие – мысль! Я говорю о воздержании Вернадского делать публичные заявления политического характера. Я знаю о том, что там, где он думал, что как-то может повлиять на ход событий, он все же не молчал и несколько раз заступался за своих безвинно репрессированных товарищей, коллег.

Дочитал последние страницы романа Ж.-П. Сартра «Тошнота»: прекрасный финал, где мысли героя совершенно конгениальны моему представлению о призвании человека. Жизнь без цели и без творчества может у мыслящего и способного к воображению человека вызвать только тошноту. И лишь создание чего-то хорошего, светлого оправдывает человеческую Жизнь. Что-то нужно оставить человеку, идущему за тобою вслед, что-то такое, что помогло бы ему жить, поддержало бы его. И он своей благодарностью к тебе спасет твою душу. На днях сказал жене, что Верди и Чайковскому за их прекрасную музыку безусловно следует простить все их прижизненные грехи, особенно, – если эти

грехи не очень повредили другим людям. Творчество их перевешивает их неблагоприятные поступки, если таковые у них и были.

И резюме прожитого дня. Декарт сказал: «Мыслью, следовательно, – существую». Однако, если я всего лишь существую, то такое существование – это темнота и бессмыслица. Это – существование, равное небытию (нет достойных со-бытий). Только мысль человека, только его творчество делает его жизнь полной и осмысленной. Насыщаю её постоянно смыслом, мыслью. Ухожу от тошноты. И только поэтому – существую!

Меня, моего самосознания и мироощущения не было бы, если бы я был не вечен. Я – вечный человек, принимающий эстафету и передающий её. Пусть даже лично моя душа больше не соберется в одно целое, все равно моё Я – предпосылка будущих Я. Я – факельщик, передающий огонь по цепочке. И я – Вечен в этой цепочке, в этом процессе. Это, так сказать, ближайший вывод. А отдаленный? Почему, спрашивается, мечта Н.Фёдорова неосуществима? Всемогуший Мировой Разум вполне может «об-индивидуальить» моё присутствие (Dasein) в будущем. Если, конечно, посчитает это необходимым. А остальное, как говорится, – дело техники! Пока еще кажущейся нам чудесной и даже – невозможной.

Проснувшись, отчетливо понял, что:

1. Философия (как и другие формы сознания) не есть самодовлеющая форма. Она не может без науки, без искусства, религии. Главное в этом единстве – проверка озарений, а это делает наука (через практику);

2. Истина – удел общечеловеческого движения. Глупо падать духом, терять веру, забывая, что кто-то до тебя, сейчас и после тебя решал, решает и будет решать мировые проблемы, понемногу вырывая из недр Бытия тайну смысла жизни. Надо лишь, помолвившись, смиренно присоединиться к этому общему и вечному труду. И как важно при этом услышать многомиллион-

ное дыхание и, образно говоря, – стук ломов и звон лопат, увидеть за внешней разобщенностью людей их глубинное единение, Общее Дело!

Вдруг понял-почувствовал, что всю свою жизнь я не мог наслаждаться ею потому, что не был её хозяином. Всегда кто-то заставлял меня заниматься неинтересным мне делом: посылал в колхоз, на скучную конференцию, заставлял читать глупые, пустые книги и диссертации. Для кого-то все это – пустяки, а для меня – главная моя несвобода! Это была ужасная для меня эксплуатация моего труда. Бессовестное покушение на мое драгоценное время! Не хочу обратно – в советский псевдосоциализм!

Лишний раз подтвердилось мое давнишнее наблюдение: у творческого человека ничегонеделание – особого рода, оно – не чета лени человека нетворческого. Ведь предмет его творчества всегда остается с ним, и человек-творец постоянно сравнивает, сопоставляет его с тем, что во время «ничегонеделания» видит, слышит, читает. В результате – взрыв, озарение и – появляется некая ведущая, выручающая идея.

Моя главная молитва – это мой вечный путь к Богу, постоянная мысль о Нём.

Я – верующий человек. Но религиозная форма связи с Богом через коллективные ритуалы не вызывает во мне особого умиления. Исключение составляют, пожалуй, только хорошие церковные песнопения. При необходимости я, конечно, участвую, например, – в ритуале отпевания умершего родного или близкого мне человека, но воспринимаю это, главным образом, как мое проявление любви и уважения к усопшему. Я предпочитаю связь

с Богом осуществлять таким образом, как учил Иисус Христос: непосредственно (без посредников) обращаясь к Богу со своими просьбами и благодарностями (Матф. 6: 5-8).

Я – верующий. Не каждому даётся такое благо, а я долго (такая уж была в стране установка!) боролся с этим благом, стыдился его. Теперь же меня смущает уже другая возможность: оказаться в компании лицемеров, которые, не веруя, пресмыкаются перед религией (поскольку это сейчас модно и есть проявление лояльности антикоммунистическому режиму).

Боже, как хорошо с Тобой!

Боже, как плохо без Тебя!

Да будет воля Твоя,

А не моя!

Это – молитва, которой я научился, слушая как-то выступающего на телевидении поэта Бориса Чичибабина. Эту молитву он придумал сам.

Верить в Бога! Любить Бога! Какое счастье!

В молитве Б.Чичибабина передачу личной Воли в руки Бога я понимаю не как тупую покорность, а как Великое Доверие, основанное на Уверенности в принципиальной тождественности моей и Божественной воли. Тождественность моего маленького «я» и моего большого «Я». Воля к Ноосфере и вечности!

Мне всегда казались странными персонажи литературных произведений, которые жаждали веры, мучаясь неверием. У меня с детства всё было наоборот. И иногда меня посещало сомнение: а может быть, неверующему жить проще: не надо постоянно задавать себе вопрос «для чего?» Как «для чего»? – удивится неверующий, – «Смысл жизни – в самой жизни».

Смысл жизни – в самой жизни. Так написал мне недавно и мой друг, с которым мы вместе провели все наше сознательное детство, отрочество и раннюю часть юности. И я подумал: а, может быть, в этом малосимпатичном для меня лозунге что-то и есть. Правда, здесь сразу возникает вопрос: если уж человек таким вот образом удаляет от себя проблему о смысле жизни

как решенную, то тогда все равно ведь перед ним должен возникнуть другой вопрос: а *как* надо при этом жить, чтобы сама твоя жизнь стала самоценностью. И я вспомнил, как в юности увлекался чтением книг о хатха-йоге и очень печалился, когда их выдавать в библиотеках для массового чтения у нас в стране запретили. О смысле жизни я тогда не то, что не задумывался, но считал его слишком трудным для себя и искал просто руководства для качественного образа жизни. Чтобы не болеть, быть сильным, спокойным и т.д. Но почему-то советские книги о здоровом образе жизни меня не прельщали. Позже я понял – почему. Потому, что не пропагандируемая в них формула «В здоровом теле здоровый дух» мне была близка, а противоположная формула – «Здоровый дух способен создать, поддержать и даже вернуть здоровье тела человека». И если посмотреть с этой точки зрения на соотношение духа и тела, то труды народного целителя В.В.Караваева, с которым я был лично и близко знаком, метод СОЭВУС Г.Н.Сытина, книги Джозефа Мерфи и другие системы самовоспитания и оздоровления тела с помощью духа имели в виду не просто задачу укрепления здоровья человеческого тела, а явно или неявно ставили перед своими читателями и слушателями великий Идеал: создание гигантской всепобеждающей силы духа и вытекающей из этой силы торжествующей радости благого бытия. Благая жизнь, наполненная заботой и любовью, даже без знания истинной направленности Пути этой жизни уже угодна Богу. И потому-то, наверно, все эти методы, которые на первое место ставили не зарядку, спортивные игры и закаливание, а работу Духа и силу Слова и оказываются эффективными, что у них существует поддержка Свыше.

И все же проживание своей жизни, осуществляемое даже, казалось бы, сообразно божественным заветам, но лишенное понимания Пути, нельзя назвать полноценным. Незнание того, куда и зачем ты идешь, делает тебя уязвимым для посторонних влияний и соблазнов и собственных ошибок. Паоло Коэльо пишет: «Жизнь – загадка, которую надо уметь принять и не мучить себя постоянным вопросом: «В чем смысл моей жизни?» Лучше

самим наполнить жизнь смыслом и важными для вас вещами». Мне почему-то в этих словах чувствуется некая усталость и безнадежность. Нельзя человеку перестать думать о смысле жизни и прекратить постоянные поиски его. Нельзя раз и навсегда довериться и покориться этим показавшимся вам «важным для вас вещам»: они могут на поверку оказаться не только не важными, но и пагубными для вашей души и вредными для других людей. Не может быть человек абсолютной мерой смысла своей жизни.

Александр Мень, с которым я, к великому сожалению, не был знаком лично, тем не менее для меня родной и близкий человек. Недаром наши мамы звали нас одинаково – Алик. Мы и ровесники, и школу заканчивали одновременно.

Слова А.Меня (цитирую по книге Ива Амана «Александр Мень – свидетель своего времени»): «...Мне никогда не был свойствен пантеизм как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался личностью, как Тот, Кто обращен ко мне».

Мне же представляется, что философское мировоззрение Спинозы (а точнее – учение о единстве материального и идеального) вполне можно совместить с признанием «личностного» Бога, Бога, всегда обращенного к каждой человеческой душе. Необходим синтез личностного Бога Веры с теоретическим Богом философов.

Возможно, что и А.Мень в глубине души своей думал так же? Вот его слова, которые приводят знавшие его люди (см. книгу Ива Амана): «Ему казалось, что занимаясь естественными науками, например разглядывая в микроскоп какой-нибудь препарат, он приобщался к Божиим тайнам. Бог дал нам две книги, – говорил он, – Библию и природу».

Еще один очень важный для меня фрагмент из книги Ива Амана: «... Мать Александра – Елена была глубоко религиозна. Тоже родившаяся в еврейской семье, она была матерью воспитана в любви к Богу, Творцу Вселенной, любящему всех людей. «Когда я впервые услышала слова о страхе Божиим, – вспоминает она, – я с недоумением спросила маму: «Мы ведь любим Бога,

как же мы можем Его бояться?» Мама ответила мне: «Мы должны бояться огорчить Его каким-нибудь дурным поступком». Этот ответ меня вполне удовлетворил».

И меня такой ответ тоже вполне удовлетворяет.

Так уж случилось, что Маргарита Алигер, родившаяся в том же году, что и моя мама, написала, причем именно в год моего рождения, стихотворение «Счастье», начинающееся так:

«Да останутся за плечами
иссык-кульские берега,
ослепительными лучами
озаряемые снега,
и вода небывалой сини
и высокий простор в груди –
да останется все отныне
далеко, далеко позади!»

У меня та же история: одно из прекраснейших мест, где я, вместе с женой и сыном, почти два десятилетия отдыхал душой и телом – это Иссык-Куль. Только вот не могу повторить вслед за автором этих замечательных стихов, что иссык-кульские берега остались где-то «за моими плечами». «Далеко-далеко позади» остался не мой Иссык-Куль. Даже по территориальной его принадлежности: в те, 60-80-е годы он был моим как часть моей родной страны, а теперь находится в стране, которая даже и зовется непривычно для моего уха – не Киргизия, а Кыргызстан. Мой же Иссык-Куль так и остался со мной, он – во мне. Думаю, что Маргарита Алигер согласилась бы с этим утверждением, особенно – относительно «высокого простора в груди». Я специально (такой прием я применяю с ранних лет) останавливался на иссык-кульском пляже – не важно, днем ли поздним ли вечером – и внимательно прислушивался, приглядывался, даже принимался, тщательно и подробно запечатлевая в своей памяти и внешние очертания местности и вызываемое ею сиюминутное внутреннее

самоощущение: этакое импрессионистское фотографирование внешнего мира, вливающегося в мой внутренний мир.

Я страшно обрадовался, когда узнал, что Чингиз Айтматов большинство своих произведений написал именно на берегах Иссык-Куля. Так вот в чем дело, – подумал я: оказывается, вот именно это волшебное озеро благословило, возвысило и столь широко распахнуло замечательный талант писателя-мыслителя!

Накануне своего 60-летия несколько дней испытывал отчаянное экзистенциальное чувство-осознание неповторимости «белой акации гроздьев душистых». Большое Расставание. Последний переломный возраст. Оптимистическая – невыносимая и восторженная Грусть-тоска. Сладкое страдание...

Впрочем, бесполезно стараться: невозможно для описания этого короткого периода отыскать верного сочетания слов. «Мысль изреченная есть ложь». Особенно, если эта мысль есть мысль-чувство. Поэтому и выражать его надо с помощью искусства. Именно поэтому, наверное, весь букет этих настроений воплотился для меня в эти дни в романсе Б.Окуджавы «Прощание с новогодней ёлкой». На много дней мною овладело постоянное, неутолимое желание слышать и напевать этот романс. Наверно, что-то конгениальное моему нынешнему настроению испытывал Булат Шалвович, создавая и исполняя эту свою замечательную экзистенциальную песню. Спасибо ему!

Ну, что же, здравствуй, старость! Надеюсь, ты будешь долгой, немучительной, творческой и плодотворной?! А «гроздь душистые» и «женщины той осторожная тень», – они все-таки с нами, в нашей душе. Без всего этого душа была бы пуста и тупа.

Афоризм: Как оно долго тянулось, это промелькнувшее время!

Василий Тёркин в поэме Александра Твардовского говорит: «Нет, ребята, я не гордый. Не загадывая вдаль, так скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль». Моя самооценка себя как фи-

лософа примерно такая же: я по своему ощущению и образу жизни – настоящий философ. Философ по призванию. И это у меня не вызывает никакого сомнения. И это и есть та самая медаль, которую я требую для себя. Я требую уважения к искренности моих намерений, состоящих в том, что я, по-своему фокусирую то, что знаю и понимаю в философии как учении о бытии, тороплюсь *передать* людям эту свою особенность видения, так как очень надеюсь, что она им пригодится. Тем более, что, как мне кажется, мое мировоззрение носит вполне практический и общечеловеческий характер.

«Но поражение от победы ты сам не должен отличать!» Да, когда я чересчур *зазнаюсь*, я повторяю эту строчку из программного стихотворения Бориса Пастернака. А вот кто должен их отличать – мое поражение от моей победы? Ведь окончательным судьей в этом вопросе я не могу признать ни одного, даже самого уважаемого мною, философа. Философы – мои собеседники, мои друзья. Даже те, кто со мною в чем-то категорически не соглашается. Собеседники, помощники... Но нет – не судьи. «Не судите, и не будете судимы...» (Лука, 6: 37).

Судья мой не здесь, а везде, не сейчас, а всегда. Поэтому в памяти моей всегда стоит другое четверостишие из того же самого стихотворения моего любимого поэта-философа:

«Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов».

И я всегда стараюсь не ошибиться, прислушиваясь к Зову Того, Кто когда-то очень давно привел меня в мою жизнь и помог мне найти Мой Путь в пространстве и во времени.

ЧАСТЬ 3. О НООСФЕРЕ

НООСФЕРА КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОНТОЛОГИИ

Всякая онтология, распоряжайся она сколь угодно богатой и прочно скрепленной категориальной системой, остается в основе слепой и извращением самого своего ее назначения, если она прежде достаточно не прояснила смысл бытия и не восприняла это прояснение как свою фундаментальную задачу.

Хайдеггер М.

Итак, онтология главной своей задачей должна иметь **прояснение** смысла бытия. Значит, нельзя допускать того, чтобы в нашем понимании основания бытия гнездились таинственность и абсурд. Мы должны позаботиться о том, чтобы там, в основании, царили ясность и рациональность. Если же мы встретимся с теми проблемами, где рациональное прояснение по той или иной причине пока еще невозможно, мы можем и даже обязаны предлагать обоснованные **гипотетические решения**.

Одно могу сказать достаточно уверенно: прояснение смысла бытия без привлечения понятия «ноосфера» – дело совершенно невозможное.

Смысл Бытия – быть. Это так естественно и понятно: Бытие должно – быть. При этом Быть – это значит быть Космосом, а не Хаосом. Не стоит смеяться над Парменидом, заявлявшем, что

Бытие – это огромный Шар, который вечно остается самим собой, не изменяясь. Так оно и есть. Бесконечно огромное, идеально устроенное, сияющее Суперсолнце висит в Мировом Хаосе и в силу его красоты и упорядоченности именуется Космосом.

Впрочем, относительно хаоса возможны некоторые сомнения. Парменид говорит, что бытие есть, а небытия нет. Если под хаосом мы понимаем небытие, то, получается, что и хаоса никакого нет. Ну, положим, внутренний-то хаос бытия нам хорошо известен, и мы с ним постоянно и с переменным успехом боремся. Но вот внешний... Тут надо думать. Ведь где-то этот бесконечно огромный шар бытия должен же пребывать? Если не хаос, то что же это такое? За ответом на этот вопрос обратимся к другому гению, зачинавшему древнегреческую философию, – Анаксимандру. И он нам ответит: Апейрон!

Апейрон – таинственное понятие. Что о нем только ни думали, с чем его только ни сравнивали! Прежде всего, хотелось бы понять, что такое *беспредельность* апейрона? Что это? – вечность, покой, бесконечность, первооснова всего? Чего в нем, в апейроне, нет: времени, пространства, количества, качества, еще чего-то? А что есть? Может быть, – энергия, информация? И тогда может оказаться, что апейрон – это нечто вроде бессмертного командного пункта брэнного мира?

В буквальном смысле слова, Апейрон – это «бесконечное, беспредельное», а следовательно, – абстрактное, неопределенное, которое создаёт все конкретные, определенные вещи. А главное – не просто создаёт, но и управляет ими. Так что Апейрон никак не может быть хаосом. А также он не может быть и некоей первоmaterией: каким образом немыслящая материя может что-то создавать, а тем более – чем-то управлять?

Вот и подумаешь поневоле: а что, если Апейрон это и есть Бог-Творец бытия всего сущего? Или же, по крайней мере, – местопребывания Бога, независимое от катаклизмов, могущих периодически потрясать Космос? И Бог (Главный Диалектик!), будучи трансцендентным по отношению к созданному Им миру, тем не менее, имманентно присутствует в любой вещи. Он со-

держится в каждой вещи как ее «душа», как ее объективный особенный смысл. Особенный, но в составе всеобщего. И если это так, то апейрон – совсем не оттого безграничен, неопределен, что не оформлен, а, наоборот, – оттого ничем и ни в чем не ограничен, что оформлен безгранично и бесконечно многообразно. Но оформлен не внутри себя, а внешне – созданным им Миром-Космосом.

Следовательно, осуществить свою беспредельность Апейрон может только через определенность. Через любую определенную вещь, а особенно – через вещь мыслящую, то есть через человечество в его развитии.

И тогда выходит, что апейрон, рассмотренный вместе с сотворенным и управляемым им космосом – это настолько многообразно (потенциально и актуально) оформленное Нечто, что именно его-то и следует назвать тем именем, которое придумал Аристотель – Форма всех форм. То есть – Бог.

Бог трансцендентен, но постоянно творит и улучшает Мир. Воля Отца Небесного – это притяжение всего сотворенного к Гармонии и Совершенству. Отпадение от этой Воли – это и есть грех, за который несет наказание любая вещь, возвращаясь в лоно породившего её Апейрона.

Средневековые философы именно Бога называли Бытием. Но, на мой взгляд, это – не всё Бытие, а Первобытие, *природа творящая*. Чтобы радикально отличить это бытие от известного нам мира, некоторые теологи называли его даже Великое Ничто. Гегель тоже Бытие именовал как «непосредственное неопределенное». *Природа сотворенная* – это Космос – это оформленное бытие, имеющее мерное, то есть качественно-количественное оформление, заключающееся в том, что оно, согласно этой своей идее, должно быть – упорядоченным и гармоничным. И при этом – не только идеально, но и вполне материально, телесно. В нем все должно жить по законам меры. Нарушение меры ведет к хаосу и чревато катаклизмами.

Таким образом, природа творящая рассматриваться изолированно от природы сотворенной не может. Надо уметь соединять

противоположное. *Итак, подлинное Бытие – это единство Творца и сотворенного им Космоса.*

И, с моей точки зрения, правы и «пантеист» Спиноза, и критикующие его теисты. Спиноза прав, что Природа – это и есть Бог, но он прав частично: в его концепции отсутствует Бог, который не есть природа, а есть, можно сказать, идея природы, та идеальная часть бытия, которая не-определённа, бес-предельна. Теологи-теисты правы в том, что Бог есть чистая форма всех форм, находящаяся за пределами мира, но и они правы лишь частично: в их концепции отсутствует сам мир, созданный Богом-Отцом и пронизанный Святым Духом.

Дело, однако, не только в субординации частей бытия, но и в различии и единстве масштабов пространственно-временного способа его пребывания. Подлинный Мир – это не то, что пребывает здесь и сейчас. Подлинный Мир – это актуально и потенциально бесконечная совокупность эволюционных циклов, то есть Вечность. Это то, что (как бы) остаётся всегда вне каждого конкретного эволюционного цикла, и является его и других циклов целью и смыслом. Вот это и есть наш подлинный Мир, где вечно находится наш Отец. Мы же, Его дети, принадлежим и своей эпохе и Земле, однако не это является «самым главным», как поется в известной песне, а то, что мы дети Универсума и Отца нашего Небесного! И только потом и, главное, только *потому* – мы способны стать и быть детьми Земли, которые не на словах, а на деле любят свою земную природу – и живую, и неживую. Любят и лелеют, ибо чувствуют в этой любви главное свое предназначение. А вот если Бога нет, то всё позволено, и в том числе – не любить, а использовать свою дорогую мать-Землю, вкладывая в слово «дорогая» всего лишь смысл полезности: полезные ископаемые, драгоценности, ценности... ценности...

Итак, то, что философами в Средние века называлось природой творящей и природой сотворенной, нельзя рассматривать отдельно. Ибо, с одной стороны, как мы можем называть Творцом того, кто ничего не сотворил? А с другой стороны, и природа без Творца оказывается непонятно откуда возникшей или же, якобы,

вечной и несотворенной. Именно такой ее себе и представляют материалисты-атеисты, и их нисколько не смущает такое странное состояние природы. Они дают ей имя «материя» и относятся к ней как к эмпирическому факту. Однако, если внимательнее приглядеться к рисуемым ими картинам мира (что мы обязательно и сделаем), то окажется, что в завуалированной форме Творец присутствует и у атеистов. Это либо Его Высочество – Случай, либо непонятное Саморазвитие, либо же высшая форма развития материи – «мыслящий мозг».

Всегда у материалистов, считающих, что в материи заложено стремление к эволюции, к восхождению от низшего к высшему, хочется спросить: откуда берется столь сложная программа эволюции? Можно ли ограничиться лишь констатацией ее наличия, причем, к тому же, еще и под другим, более благопристойным, для слуха материалиста, названием – «совокупность объективных законов движения материи» – и в то же время отрицать телеологию как принцип, а также – отрицать наличие Абсолюта, как созидателя всего сущего и руководителя всем сущим? По-моему, нельзя. Нелогично!

Гегель, держа в руках свою «Науку логики», дерзко заявил в свое время, что содержание этой книги и есть изображение Бога таким, какой он есть вне- и до сотворения Мира. И, в моем понимании, Гегель в данном случае говорил именно о том, что именно система категорий диалектической логики и представляет собою адекватную копию программы сотворения и пребывания Бытия. Но если это так, то где же может храниться оригинал содержания гегелевской логики, в какой форме может храниться эта целенаправляющая и целенаправляющая программа? Мы пока можем лишь фантазировать на эту тему. Некоторые ученые, к примеру, считают и доказывают, что имеется некое опоясывающее или же пронизывающее Вселенную информационное поле... Что-то говорят при этом о мировом вакууме и т.д. Думаю, что через такие выводы современная наука так же, как и философия, начинает обращаться и возвращаться к идее Апейрона. Действительно, всё новое оказывается хорошо забытым старым.

ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ БЫТЬ МАТЕРИАЛИСТОМ

Этот раздел содержит мои размышления и выводы, полученные мною в результате критического анализа «Космологии духа» Э.В.Ильенкова. Полное название этой работы выдающегося философа XX века таково: «**Космология духа**. Попытка установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия (Философско-поэтическая фантасмогория, опирающаяся на принципы диалектического материализма)».

В предыдущих главах я уже высказал несколько своих соображений относительно этой статьи Э.В.Ильенкова. Здесь же я вынужден более подробно разобрать основные её моменты, чтобы выразить свою уверенность в том, что именно принципы материализма помешали Эвальду Васильевичу решить поставленную перед собой и зафиксированную в заглавии статьи важнейшую онтологическую проблему, заставив его безмерно сузить и, на мой взгляд, – исказить роль сознания «в системе мирового взаимодействия».

Э.В.Ильенкову всегда очень нравилась философия Спинозы. И не только потому, что он разделял весьма распространенное заблуждение, состоявшее в том, что Спиноза – это слегка замаскировавшийся материалист и атеист. Больше всего Э.В.Ильенкову нравилось то, что мышление у Спинозы является *атрибутом субстанции*: «...Не только мышление не может существовать без материи... , но и материя не может существовать без мышления, – и это положение может разделять только материалист-диалектик, материалист типа Спинозы» [14, 416]

Ильенков считает, что спинозовское наименование субстанции «Природа или Бог» можно спокойно заменить словом «материя». Для материалиста, наверно, такая замена представляется вполне логичной, но так ли это на самом деле? И был ли материалистом и атеистом Бенедикт Спиноза? Я всей душой присоединяюсь к тем немногим его исследователям, которые на эти вопросы отвечают отрицательно. Впрочем, всё по порядку.

Итак, беря себе в союзники Б.Спинозу, но трактуя его философию весьма своеобразно, Э.В.Ильенков пытается доказать

очень важную вещь, а именно, что мышление – это не случайность, не пустая игра природы, а некая, как в свое время выразился Ф.Энгельс, железная необходимость.

В чем же она состоит – эта железная необходимость? Зачем материи нужно мышление? Ильенков решил доказать, что мыслящая материя, которую он отождествляет с «мыслящим мозгом» человека (хотя и предпочитает говорить просто «мыслящий мозг»), необходима для того, чтобы, накопив огромные научные и технические, – особенно, в области энергетики, – знания, человек в критический момент бытия космоса мог бы остывающую и тем самым губящую в себе все свои живые и мыслящие формы материи вернуть к исходному ее состоянию раскаленной элементарной материи, положив тем самым начало новому гигантскому циклу её саморазвития. При совершении этого радикального поворота событий человечеству приходится безальтернативно жертвовать собой и всей накопленной им материальной культурой (по-видимому, в конечном итоге, для такого исторически значимого момента она и создавалась). Всё гибнет в мощнейшем взрыве типа цепной термоядерной реакции, который собирает в один активный саморазвивающийся сгусток безнадежно остывавшую и расползавшуюся в разные стороны материя некоего конкретного участка вселенной, где родился и жил человек.

Посмотрим, однако, действительно ли такое понимание сознания поднимает его на уровень атрибута субстанции?

Читаем Э.В.Ильенкова: «...Материя постоянно обладает мышлением, постоянно мыслит самое себя.

Это, конечно, не значит, что она в каждой своей частице в каждое мгновение обладает способностью мыслить и актуально мыслит. Это верно по отношению к ней в целом, как к бесконечной во времени и в пространстве субстанции.

Она с необходимостью, заложенной в ее природе, постоянно рождает мыслящие существа, постоянно воспроизводит то там, то здесь орган мышления – мыслящий мозг. <...>

Поэтому и можно сказать, что в каждое актуально-данное мгновение времени мышление свойственно материи, – если

в одной точке бесконечного пространства материя губит орган мышления, мыслящий мозг, то с той же железной необходимостью она воспроизводит его в то же время в какой-то другой точке» [14, 415].

Оставляю пока в стороне своё глубокое недоумение относительно того, что в природе материи якобы заложена (кем, чем?) необходимость постоянно рождать мыслящие существа. Оставляю, чтобы позже в своих записках вернуться к этой аксиоме или догме, — не знаю, как ее правильнее назвать. А теперь вот о чем. Оказывается, ни одна из форм мышления какой-либо из «точек бесконечного пространства материи» не имеет и не может иметь никакого контакта ни с одной формой мышления других подобных «точек». Об этом (и это я считаю весьма симптоматичным) Ильенков как бы даже избегает говорить, но из контекста всей его статьи вырисовывается именно такая картина.

Можем ли мы, например, представить себе человеческий мозг, в котором каждый нейрон изолирован от другого и обслуживает только один близлежащий участок мозга? Нет, не можем. Я думаю, что и Ильенков понимает абсурдность данной ситуации, но... Тут уже я чувствую, что логические аргументы им отодвигаются на задний план, а на передний выдвигаются идеологические предписания и запреты.

Итак, уже сказанное позволяет утверждать, что мышление возникающих и исчезающих «то там, то здесь» «мыслящих мозгов» из-за пространственной своей изолированности не тянет на роль атрибута «бесконечной во времени и в пространстве субстанции». Ведь на деле оно автором «Космологии духа» изображается как нечто локальное и временное.

Действительно, те искорки мышления, которые вспыхивают и гаснут на космическом теле бесконечной и вечной материи, трудно назвать *её* мышлением: они не связаны друг с другом и мы, к тому же, не имеем права даже предположить, что их может как-то связать между собой некая внешняя и высшая по отношению к ним сила.

К таким же странным и неутешительным выводам мы придем, если вместе с Э.В.Ильенковым рассмотрим материалистически понимаемое мышление с точки зрения *времени*.

Согласно космологии Э.В.Ильенкова, материя имеет два полюса развития – исходный (низший) и конечный (высший).

Низший полюс – это первоматерия, или элементарная, материя, не расщепляющаяся далее на элементы и способная лишь к механическому перемещению.

Высший полюс – это «мыслящий мозг», причем все-таки не любой, а – человеческий: «Человечество с его мышлением включено в сеть этого всеобщего взаимодействия, внутри нее оно рождается, развивается и в ней же когда-нибудь исчезнет» [14, 421].

Мы знаем, что между низшим и высшим состоянием материи «дистанция огромного размера»: миллиарды лет формируется сначала физическая, потом – химическая, затем, кое-где, кое-на-каких планетах – биологическая, из которой затем, при наличии определенных условий, возникает мыслящая форма бытия – человек. И вот до самого этого последнего момента материя остается немыслящей. И это не мешает ей существовать и развиваться, причем, развиваться в определенном направлении – она выращивает внутри себя и из своего тела «мыслящий мозг», который необходим будет ей для осуществления своего предстоящего обратного скачка «вниз», к своему элементарному, но зато активному, состоянию. Бессознательно она, оказывается, этот скачок сделать никак не может. Очень, на мой взгляд, сложная и странная конструкция!

И главное, заданный мною выше вопрос остается без ответа: на каком же все-таки основании мы можем не только в пространственном, но и во временном отношении, именовать мышление атрибутом материи? Ведь описываемое Ильенковым мышление сопровождает историю развития всех форм материи лишь какое-то мгновение, какую-то ничтожную долю процента от времени бездумного ее кружения, сопровождающегося постоянной потерей своей энергии.

Достаточно сравнить то, что существует кое-где и кое-когда, с тем, что у Спинозовской Природы-Бога существует *везде и всегда* как способ ее существования, чтобы понять, во-первых, что подлинная субстанция ни в одно мгновение и ни в одной частичке бытия совершенно не может существовать без проявления себя через свои атрибуты, и, во-вторых, в связи с этим, что Б.Спиноза никакого отношения к рисуемой Э.В.Ильенковым картине бытия не имеет.

Но в содержательном смысле проблема здесь еще серьезнее. Дело отнюдь не в одном лишь количественном сроке пребывания человека в космосе, а в его, человека, невозможности не только в пространстве, но и во времени передать свои знания и опыт тем самым гипотетически предполагаемым будущим людям, ради которых человечество гибнет, возвращая материю на круги своя. Чем же можно оправдать такую беспомощность человеческой могучей цивилизации?

Э.В.Ильенков считает, что как рождение, так и гибель сознания оказываются оправданными «с точки зрения всеобщего круговорота мировой материи, развивающейся по своим объективным законам». Мне же, однако, совершенно непонятно, почему всё подчиняется неумолимому закону гибели, буквально – всё, но ... *за исключением самой материи?* Откуда у нее такая привилегия? И потом, разве это не отрицание диалектических объективных законов? А если все же предположить, что погибнуть должна и материя, то тогда какое право мы имеем вмешиваться в объективные законы бытия и реанимировать эту погибающую материю? Для меня ясно одно: право это продиктовано не научными аргументами и логикой, а идеологией, согласно которой за материей ничего быть *не должно*.

Удивительно, но философ-материалист считает себя в праве говорить «с точки зрения всеобщего круговорота мировой материи, развивающейся по своим объективным законам» таким образом, как будто обладает окончательным и абсолютным знанием всех этих законов без исключения.

Но в таком случае кто-то здесь является Богом: или Всезнающий Человек, или же «Всеобщий круговорот мировой материи». Или же альтернативы здесь нет, и первое является временно вырастающей «головой» второго?

Вот где настоящая мистика-то! Вот где Бог-то неумолимый! И – равнодушный к человеческим жизням и человеческой культуре. И вот он где – *редукционизм*: физические законы определяют судьбу и значение социальной формы движения материи. Мыслящая материя оказывается на службе у немыслящей. Нет, что-то здесь не так!

Мне иногда даже кажется, что Э.В.Ильенков хотел эзоповским языком сказать своим потенциальным читателям что-то совсем иное, противоположное тому, что он в данной статье говорит. Мог ли он не видеть, что постулируемые им принципы диалектического материализма демонстрируют в онтологии свою полную непригодность! Может, об этом-то он и хотел сказать, а точнее – намекнуть, доводя порой свои выводы до абсурда?

Мне уже кажется очень странным само проявление автором «Космогонии» какого-то утрированного, нарочитого преклонения перед этими принципами. Вот они, часто повторяемые им выражения: «Не совершая преступления против аксиом диалектического материализма»; «Это предположение ни в малейшей мере не затрагивает и не колеблет ни одного – самого несущественного – принципа материализма и материалистической диалектики»; «Ничего антиматериалистического, даже нематериалистического, эта гипотеза в понимание этого процесса не вводит»; «Таким образом, все принципы диалектики и материализма не только не ставятся под сомнение, но, наоборот, кладутся в основание гипотезы»; «Ничего запретного нет в том, что мышление рассматривается... как одно из звеньев всеобщего круговорота мировой материи...»; «Ни один из принципов материализма не затронут».

Прежде всего можно подумать, что автор заранее оправдывается перед своими вполне вероятными инквизиторами, борцами за чистоту материализма и атеизма, способными запретить и по-

считать преступлением уже один лишь факт поползновения на признание сознания атрибутом материи.

Что же, это – весьма серьезная угроза и пренебрегать ею было никак нельзя. Но мне все чудится, что здесь, в этой статье, зашифровано что-то более важное. Ну, например, – то, что любая возможная критика высказываемых в данной работе положений должна быть направлена именно и прежде всего – на эти самые принципы материализма, которые, как ужасно тесные туфельки для подрастающих китайских красавиц, берут в жесткие рамки и направляют движение философского мышления в «нужном» направлении, чтобы соблюсти выработанные кем-то уродливые каноны красоты и истины.

Отчетливо сформулировав для себя и для читателя все эти материалистические запреты, Ильенков, демонстрирует настолько аккуратное обращение с феноменом сознания, чтобы последнее, упаси боже, никак и нигде не проявило бы себя не как сознание человека, а как что-то более высокое и развитое. Ведь, стóит лишь даже пространственно соединить две или более формы сознания, появившихся и расцветших в разных частях Вселенной, и они, согласно закону перехода количественных изменений – в качественные, вполне могут превратиться в некое надчеловеческое сознание. Поэтому Э.В.Ильенков совсем не упоминает о такой возможности. Хотя, казалось бы, почему и не предположить, что человечество, максимально развившее свою науку и технику, – настолько, что даже способно взорвать ту часть Вселенной, в которой оно живет, должно было бы, в первую очередь, озаботиться тем, чтобы разведать пограничные с ней части, с целью своего перемещения в менее «холодную» и более пригодную для жизни часть, а заодно и синергировать свою культуру с культурой мыслящих существ других частей Вселенной?

Приходится, таким образом, констатировать тот факт, что автор «*Фантасмагории*» не обращается к возможностям, прорабатываемым *фантастической* литературой и, прежде всего, к тем возможностям, которые альтернативны «взывному» пути развития, связанному с гибелью всего человечества и накопленными

им знанием и умением. Почему же это происходит? Наверное, потому, что размышления над этими возможностями могут привести автора или читателя к идеализму? А, возможно, и потому, что такими поисками мы как бы малодушно откладываем наступление того самого момента, который и должен продемонстрировать необходимость мышления в составе материи. Ведь все равно все эти ухищрения не избавят мышление от неминуемой, запрограммированной гибели, не так ли?

Если последний вопрос был бы задан мне, я без колебаний ответил бы: «Нет, не так»! Нет такого закона неминуемой гибели мыслящей формы материи. Его, этот закон, выдумали материалистические диалектики, хотя по сути своей он является чисто позитивистским.

В свое время В.И.Ленин предложил философам-материалистам доказать, что материя является субстанцией. Однако дело такого доказательства оказалось настолько сложным, что и до сих пор субстанциальность материи постулируется чисто аксиоматически. Если «внизу» эта субстанциальность «обеспечивается» неразложимостью элементарных частиц материи, то «вверху» дело обстоит сложнее. Поэтому Э.В.Ильенков с самых первых страниц своей «Космологии духа» утверждает, что мыслящий мозг (человека?) – это самая высшая форма материи. Таким образом, как бы проводится граница снизу – самая элементарная форма материи – и граница «сверху» – самая сложная форма материи. И все это обобщается фразой: «Взятая в целом, материя не развивается»

Но если граница снизу прочерчивается аксиоматическим утверждением наличия неразложимой первоматерии (поди – проверь!), то границу сверху аксиоматическим утверждением «мыслящий мозг – это самая высшая форма материи» утвердить не так-то просто. И поэтому Э.В.Ильенков пытается истинность этого тезиса доказать.

Правда, доказательство начинается странно: с утверждения доказываемого уже как непоколебимой истины: «Формы более высокоорганизованной, чем мыслящий мозг, не только не знает

наука но и философия принципиально не может допустить даже в качестве возможного, ибо это допущение делает невозможной самую философию» [14, 417].

Кому же, спрашивается, нужно доказательство очевидного? Наверно, тем же самым борцам за чистоту диалектического материализма?

Итак, никакой более организованной формы, чем мыслящий мозг допустить нельзя даже всего лишь в качестве возможности. Что же произойдет, если кто-то не прислушается к такому предупреждению? «В этом случае рушится тезис о принципиальной познаваемости окружающего мира и делается невозможной иная система философии, кроме скептицизма или агностицизма позитивистского толка. Если материя вообще способна породить какую-то форму движения, более высокую, нежели мыслящий мозг, – форму, которая находилась бы в том же принципиальном отношении к мыслящему мозгу, в каком биологическое например, движение находится к химизму, то такое допущение было бы совершенно равнозначным признанию такой сферы действительности, которая принципиально непознаваема для мышления» [14, 417].

Обратим внимание на то, что везде почему-то фигурирует выражение «мыслящий мозг», а не «человеческий мыслящий мозг». Означает ли это, спрашиваю я себя, что под название «мыслящий мозг» можно подвести не только индивидуальный человеческий мозг, но и ту формирующуюся на наших глазах систему, который состоит из множества человеческих мыслящих мозгов и компьютеров и прочей новейшей информационной техники? И отвечаю: да, наверно, означает, но только в том смысле, в каком одноклеточный организм тождествен многоклеточному организму. И Э.В. Ильенков не рассматривает этой проблемы, думаю, потому, что отдает себе отчет в том, что количественное сращение названных компонентов наверняка со временем опять-таки приведет к новому качеству мышления и перед нами будет нечто, напоминающее «мыслящий океан», так ярко описанный Станиславом Лемом.

И все же, если предположить возможность такого «мыслящего океана», то мы все равно должны его считать «мыслящим

мозгом», так как существования чего-либо более эволюционно высокого материалист не имеет права даже предположить: «И безразлично название, которым мы обозначили бы эту более высокую, чем мыслящий мозг, форму развития, форму усложнения организации движения, – суть ее осталась бы абсолютно той же самой, что и суть понятия Бога, Провидения, Мирового Разума и т.п.» [14, 418].

Но как в таком случае быть с тем обстоятельством, что Б.Спиноза считает высшим, автономным субъектом мышления вовсе не человека, а Природу-Бога?

Должны ли мы, вслед за Ильенковым, назвав Природу материей, признать то, что верховный субъект мышления – это материя-субстанция в целом, а не человек? Можем ли мы принять следующую формулировку: «Мыслящий мозг Материи-субстанции»? И считать его той формой мышления, которая уже является Сверхчеловеческим Разумом? Ведь, повторяю, по Спинозе, оно так и есть, ибо мышление человека он считает модусом, а не атрибутом субстанции. Ничего, однако, в этом аспекте о Спинозе в рассматриваемой нами работе не говорится, но есть интересное высказывание о Гегеле: «У Гегеля если сверхчеловеческий Разум и допускается, то мышлению все же приписывается способность развиться до такой высоты, где оно, не переставая быть мышлением, все же становится равным по своему могуществу этому мировому Разуму» [14, 418].

Следовательно, главное – это, чтобы мышление в процессе своего развития «не переставало быть мышлением», и поэтому мы и мышление материи-субстанции должны называть функцией мыслящего мозга. Но мне тогда непонятно, причем здесь человек? Ведь мы сейчас говорим не о мыслящей форме какого-то отдельно взятого уголка вселенной. Мы говорим о *всей* материи-субстанции. Мы говорим о мышлении, равном по своему могуществу сверхчеловеческому мировому Разуму.

Впрочем, все эти мои удивленные восклицания оказываются излишними. Это как раз тот момент в логике «Космологии духа», когда автор демонстрирует трагедию гения, живущего при

тоталитарном режиме: он не может, не имеет права откровенно и до конца раскрывать свои мысли. И поэтому при доказательстве своего исходного тезиса не замечает даже, что прибегает к софистике, постепенно подменяя понятие «человеческий мозг» понятием «мыслящий мозг», а затем и понятием «мышление». И читателю ничего не остается, как самому выводить возможные следствия из сказанного автором.

А главный вывод здесь таков: человек способен настолько развить свое мышление и, соответственно, усовершенствовать «мыслящий мозг», что может измениться неузнаваемо и стать Мыслящей Природой, то есть Богом, в Спинозовском пантеистическом понимании.

Если снять с философа материалистические шоры и запреты, то вполне реальным и даже необходимым становится соединение воедино всех мыслящих форм Космоса и, соответственно, нахождение возможности бесконечно сохранять и умножать достижения духовной и материальной культуры, а не сжигать их во всеобщей или пусть даже – локальной, эмпирозе. Человек, ставший Богом, обязан уж и выполнять функции Бога: не может слепая материя диктовать ему свои законы, он способен глубоко познать их природу и научиться изменять их действие в нужном направлении точно так же, как уже сейчас человек (образ и подобие Божие) становится способным изменять генетическую природу живого, и в том числе – и своего собственного, организма.

Но я прошу обратить внимание на то, что если в результате своего развития человек становится Богом, которому не нужно приносить себя в жертву мертвой материи, то это означает, что с этого момента и материя становится Живой и Мыслящей Материей (нет, давайте все-таки вернем ей подлинное имя – Живой и Мыслящей Природой): она программирует и изменяет ход событий, она не сжигает мир в огне, а наоборот, согласно выработанной и принятой к исполнению программе, постоянно борется с такой возможностью и вообще – с любыми другими возможностями и поползновениями превратить космос в хаос.

Говоря всё это, не могу избавиться от вопроса: почему в основе бытия должно быть пустое, бессмысленное кружение ма-

терии? Откуда такое преклонение перед якобы всемогущественной совокупностью каких-то механических и физических частиц? Откуда желание подчиняться и служить этой непонятной силе, причем – за весьма эфемерную награду?

Не будучи сторонником мистики, я очень хорошо понимаю и разделяю восклицание Е.П.Блаватской, адресованной любому материалисту-атеисту: «Нет **Бога**? Нет **души**? Страшная разрушительная мысль! Сводящий с ума кошмар безумного атеиста, представляющийся его горячечному взору вроде уродливой непрестанной процессии искр космической материи, *никем не созданной*, самопооявляющейся, самосущей и саморазвивающейся, и это *Я не Я*, ибо оно *никто и ничто*, и оно плывет *ниоткуда*, и нет Причины, двигающей его, ибо нет никакой Первопричины, и все стремительно несется *никуда*. И все это происходит в круге Вечности, слепой, инертной и **беспричинной**» [4, 29].

Любая модель бытия неизбежно базируется на большем или меньшем гипотетическом содержании. Но если в ней нет опоры на логику и практику в самом широком ее понимании, то такая модель не имеет будущего.

Материалистической модели бытия должна быть противопоставлена и обоснована такая модель, которая основана *на единстве материального и идеального*, постоянно совершенствующемся в составе восходящего к Логосу потока эволюционирующей природы.

Путь человека и человечества к спасению и счастью – это путь бесконечного духовного развития. Пьер Тейяр де Шарден показал нам, что этот духовный путь имеет вполне зримую, материальную траекторию – восхождение к ноосфере.

Можно ли эту задачу решить в русле материалистического мировоззрения? Как можно видеть, материализм как-то еще пытается решать ее, описывая путь восхождения от простого к сложному в развитии мира. Хотя уже в самом начале материалистического описания картины мира содержится много неясных моментов. Откуда вообще берется бытие вещей? Ведь никакого бытия могло бы вовсе и не быть. Шопенгауэровская «Воля» – всего лишь констатация факта некоей самостоятельной активно-

сти сущего. Но ведь Воля начинается с *соизволения и дозволения быть*. И запрет позитивистов задавать вопрос «почему» (почему материя обладает способностью к активности – саморазвитию, к самоорганизации?) тут не поможет. Человек все равно будет продолжать задавать эти «проклятые предельные вопросы».

Но особенно серьезные логические трудности возникают у материалиста тогда, когда он пытается задуматься над вечным круговоротом бытия, над грандиозными спиралевидными космическими циклами. В этом случае сразу возникает множество вопросов, приводящих мыслителя или к агностицизму или (и) к ощущению полной бессмысленности существования мира.

Вот, например, картина, которую нарисовал в свое время Ф. Энгельс, тоже исходивший из того, что «старик Спиноза был прав», утверждая, что сознание – неотъемлемое свойство, атрибут Субстанции. Итак, картина такова: бесконечный и вечный океан немыслящей материи, в котором то здесь, то там как бы вспыхивают, как на новогодней ёлке, огоньки мысли. Вспыхивают и исчезают. Но всякий раз вновь возникают где-то и когда-то «с железной необходимостью». Что же это за железная необходимость? В чем состоит необходимость этого спорадического возникновения множества мыслящих, но бранных миров? Ведь о такой модели бытия можно сказать и по-другому: жизнь и мышление в любом месте Вселенной обречены на гибель, *с железной необходимостью* духовное бытие прекращается и переходит в странное, нечувствующее и немыслящее бытие.

И в таком случае почему же неправы те мыслители, которые, как Б. Рассел, считают, что сознание – это отнюдь не необходимая часть мира, а некая случайная экзотика, без которой мир вполне может обойтись?

И. Пригожин, один из создателей синергетики, рисует картину, во многом похожую на энгельсовскую. Только еще более, так сказать, суровую. Если у Энгельса огоньки-островки мысли вспыхивают и гаснут на фоне *вечно и закономерно* движущейся неживой материи, то у Пригожина «островками» среди хаоса вообще являются закономерно организованные системы, а уж будет

ли в их пределах возникать мысль – это вопрос непредсказуемой случайности, якобы «правлящей бал» в космосе.

Э.В.Ильенков пытался уйти от этих безрадостных сюжетов в своей «Космология духа». И уже за этот порыв мы должны быть благодарны автору «Космологии духа». В этом произведении наконец-то «железная необходимость» мышления не просто констатируется, но и делается попытка определенным образом эту необходимость доказать. Она, по Ильенкову, как мы видели, заключается в том, что «... в какой-то, очень высокой, точке своего развития мыслящие существа, исполняя свой космологический долг и жертвуя собой, производят сознательно мировую катастрофу – вызывая процесс, обратный «тепловому умиранию» космической материи, т.е. вызывая процесс, ведущий к возрождению умирающих миров в виде космического облака раскаленного газа и пара» [14, 433].

И в заключении своей работы Э.В.Ильенков говорит о том, какое чувство при этом должен, по его мнению, испытывать приносящий себя в жертву человек: «В сознании огромности своей роли в системе мироздания человек найдет и высокое ощущение своего высшего предназначения – высших целей своего существования в мире. Его деятельность наполнится новым пафосом, перед которым померкнет жалкий пафос религий.

Это будет пафос истины, пафос истинного сознания своей объективной роли в системе мироздания»[14, 436].

Однако оправдан ли такой пафос? Посмотрим повнимательнее на конечный результат этой жертвы. Самое страшное и неприятное в нем заключается в том, что в космическом взрыве, знаменующем собой гибель старого и возникновение нового мира, погибает и вся накопленная тысячелетиями мировая культура, вся духовность, вся память. Остается только самая элементарная в своем движении (чисто механическом) материя.

Что же получается? Если бытие понимать как саморазвивающуюся материю, то она постоянно должна, причем добровольно, слепнуть иглохнуть, а уж потом вдруг прозревать и умнеть – и это бесконечное число раз, и всё «как в первый раз». Для каждого

из этих миров другого мира как бы вовсе и не существует. Мировоззренческая картина приобретает катастрофический характер: между мирами возникают глухие заслонки. Миров оказывается бесконечно много, но все они отделены друг от друга и пространственно и во времени.

Бесконечное количество не знающих друг друга миров! Да и к тому же, нет никакой уверенности в том, что каждый цикл восхождения окажется удачным в смысле созидания внутри себя мысли. Ведь, согласно учению синергетики, наличие в эволюционном процессе бесконечного количества точек бифуркации неотвратимо сделает каждый цикл мирового развития совершенно уникальным. Откуда же, спрашивается, у материалиста такая уверенность в исключительной инвариантности этапов в развитии различных космических циклов? И что же, в таком случае представляет из себя мышление? Неужели атрибут субстанции? Беру на себя смелость предположить, что Спиноза наверняка под таким мировоззрением «не подписался бы». Спиноза, как было уже сказано, тут не при чем: у него **Вся** Природа (или Бог) и **Всегда** обладает атрибутом мышления.

Что можно сказать о мире, в котором в конце каждого цикла его развития исчезает, вся «до капельки» якобы атрибутивная, мысль?

Все духовное развитие предстает абсолютно бессмысленным: ведь время относительно, и нет никакой принципиальной разницы между временем жизни бабочки-однодневки и временем жизни социума, если дальше нет продолжения, то есть Вечности.

Только бессмертие, понимаемое в той или иной форме, может быть основанием Бытия. «Слепая» материя на эту роль претендовать не может, ибо она без сознания равна небытию. Только наличие Абсолюта оправдывает Существование. Вечное, стабильное основание бытия. – Именно его ведь ищет философия!?

Единственное, что меня безусловно привлекает в космологии духа Э.В.Ильенкова, это то, что старый космический цикл у него заканчивается, а новый – начинается **неестественным, волевым решением**. Это – *творение* нового мира.

По умыслу ли, или же против своей воли, но получается так, что эзоповским языком Э.В.Ильенков доказывает, что человек способен взять на себя функцию Бога. Ильенков этим подметил также такое важное свойство материи, как склонность её к хаотизации, выход из которой ей может обеспечить лишь сознательная целенаправленная Воля.

Но дальше, для снятия внутренних противоречий ильенковской космологии совершенно необходимо внести в неё одно, но самое важное допущение. Необходимо **допустить возможность сохранить эту волю и эти могучие знания, которые претворились в этой воле.** Не бросать ее в пекло термоядерного начала нового цикла возгорания космического огня!

И поэтому нарисованная мною выше картина превращения человека в Бога тоже выглядит еще весьма несовершенной. Требуется дополнить ее бесконечным множеством таких циклов развития, а поскольку высший Разум не уничтожает себя, а сохраняет, то мы вправе сделать вывод, что Он – Вечен.

Такую возможность уже осмысливает современная наука. Достаточно сослаться на исследования ученого *Геннадия Шипова*, включенного Американским Биографическим Институтом в число 500 наиболее влиятельных лидеров последнего столетия и избранного Человеком Года за 1998 год. Согласно Г.И.Шипову, картина Мира гораздо сложнее, чем это представляют себе многие ученые и философы, она имеет восемь уровней реальности, лишь четыре из которых образуют грубый материальный мир, а самый стабильный и устойчивый из них – это Абсолютное Ничто или Абсолютное Всё – основа основ реальности. «И без каких либо натяжек Абсолютному Ничто можно придать статус Творца или Создателя...» Таким образом, с точки зрения этого ученого, в мире есть «тонкоматериальный мир, первичное поле, где хранится информация буквально обо всем» [27, 2-6].

Такой Мир является как бы современным вариантом Мира Идей Платона. В нем хранятся идеи всего «содержания» космоса.

Таким образом, при введении в ильенковскую картину всего лишь одного условия – сохранения знания, накопленного готовым погибнуть миром, вся картина бытия радикально меняется и на-

полняется глубочайшим смыслом. Мало того, смысл бытия каждого космического цикла именно в том и состоит, чтобы вырастить внутри себя как конечный результат, как *идеальную жемчужину в материальной раковине – духовную культуру*. При бесконечности же космических циклов создается драгоценное ожерелье, состоящее из бесконечного числа таких жемчужин. Натура выращивает в себе культуру. Как идеальное, неприродное, противоестественное. Материальный корабль, последовательно меняя в своем плавании свою форму, за многие миллиарды лет доносит (а может и не донести?) до некоей, гипотетической пока, спасительной гавани единственную подлинную драгоценность этого мира – Дух.

Итак, Мир нужен Богу, Человек нужен Богу. Логос и правит миром и как бы подпитывается созревающей в эволюционном процессе мыслью и информацией. И тут, как и во многом другом, Платон – гениальный провидец: «Мысль бога питается умом и чистым знанием».

Не каждый «нырок» ловца жемчуга приносит ему удачу. Поэтому Мировой Разум, Он же Мировая Воля, скорей всего, вынужден подправлять эволюционный процесс с помощью уже выработанных и проверенных готовых форм. Иначе последний может зайти, а может быть, и обязательно зайдет, в тупик. Именно поэтому Иисус постоянно говорит людям о необходимости исполнять волю Отца Небесного.

Со-держатъ Мир, то есть быть Formой всех его форм, не-просто! Оскорбительно, на мой взгляд, для Высшего Разума, когда люди считают, что это Ему ничего не стоит, что это Он делает как бы «играючи». Нет, Высший Разум постоянно вынужден, как бы, «обновлять» и «выращивать» Космос. Современный нам человек – это достаточно зрелый богоподобный «росток», и тем не менее, до сих пор еще неизвестно, выйдет ли в конечном счете из него что-нибудь путное. Все сказанное дает нам объяснение факту целесообразности и целенаправленности развития Мира.

Кантовское «человек – самоцель» с точки зрения объективной диалектики должно пониматься так: человек стремится к тому, чтобы стать человеком, то есть образом и подобием божьим.

И человек обязательно должен знать, в чем состоит его предназначение. Это – важнейшая составляющая Истины о Мире.

Ауреллио Печчеи прекрасно сказал в свое время о необходимости для человека ведущей и вдохновляющей идеи. Проведя сначала в своей работе «Человеческие качества» убедительную «шоковую терапию», показав, что человек погибнет, если не изменит привычного, но губительного для него образа жизни, А.Печчеи затем призывает нас не считать все же решение глобальных проблем самоцелью, он призывает нас посмотреть вдаль: «И все-таки цели человечества не могут ограничиваться лишь стремлением избежать катастрофы, обеспечить возможности для выживания и потом влечить прозаическое и ущербное существование в своем полуискусственном миреке. Нужно поднять дух человека, ему необходимы идеалы, в которые он мог бы действительно верить, ради которых он мог бы жить и бороться, а если понадобится, и умереть. И идеалы эти должны произрастать из его осознания своей новой роли на планете ...» [28, 567].

Спасти свою душу – значит направить ее на истинный путь. Это путь к ноосфере и дальше – к Богу.

Жизнь есть память. Память есть Вечность. Жизнь есть «овечнение» в русле текучего хаоса, уменьшение энтропии. С самого возникновения своего она есть стремление к гармонии. Ноосфера, точка Омега, Царство Божие – вот завершение истории человечества, качественно иное по своим масштабам, форме и смыслу, нежели то, которое предлагает нам Э.В.Ильенков.

Вся неправда материализма заключается в представлении, что главное и обычное по времени и в пространстве бытия – это неживая и немыслящая материя, тогда как на самом деле всё в мире устроено принципиально иначе и неразумность материи (да и есть ли она вообще, эта неразумность?) – это малая часть и ничтожный миг бытия. Человек может и должен стать подобным Богу, формируя себя по законам Логоса. При этом мало собственной воли, нужны соответствующие Условия – условия Объединенного Разума, когда в эту великую соборность добровольно объединяются Верующие и Любящие, отказывающиеся

от маленькой персональной свободы как, якобы, главной ценности – ради бесконечной и уникальной Свободы «обитателя» Объединенного Разума.

Именно в этом и состоит суть личного развития и спасения на фоне движения человечества из биосферы в ноосферу.

Резюме:

Одностороннее и, прямо скажем, убогое материалистическое мировоззрение недостойно человека. Да и действительно ли мы можем назвать такое мировоззрение материалистическим? Судите сами. Во-первых, как только его сторонники пытаются развернуть понятие «материя-субстанция», так сразу же и приходят, или почти приходят, к своей противоположности – идеализму, так как демонстрируют невозможность неживой и немыслящей (косной) материи самостоятельно возвращаться к своему исторически исходному состоянию. Во-вторых, можно ли назвать материалистами людей, провозгласивших партийность философии и навязывающих всем и вся свою никем и ничем не проверенную **идею** о том, что мир есть движущаяся материя.

Какая такая практика как критерий истины проверила и доказала эту истину? Что же касается идеи, образа сверхразума, коллективного разума, то это не просто плод воображения философии, религии и фантастической литературы. Универсум (Субстанция) вполне реально развивается в гигантском универсальном «аттракторе», «канале эволюции», определяемом главными атрибутами Субстанции – протяженностью и мышлением, то есть материальным и идеальным. Протяженность подразумевает структурированность бытия, а соотношение отдельных систем, составляющих эту структуру, обладает свойством отражения, которое в процессе своего развития, через отбор идеальных вариантов «выживания», порождает иерархию несводимых друг к другу уровней, форм Универсума.

Это всеобщее свойство отражения, объединяющее все вещи природы, а, следовательно, могущее быть названным атрибутом, выявил в содержательной логике Универсума Лейбниц. Причем

это – не пассивное отражение, а отражение, вызывающее изменение восприятий монады и материальное действие тела, обладающего данной монадой.

Синтезируя философские концепции Спинозы и Лейбница, я пришел к выводу, что в основе материальной и идеальной форм бытия находится *один-единственный атрибут (суператрибут) – способность Бытия к отражению и самоотражению.*

Мне кажется, что Платон в субординации, царящей в мире идей, интуитивно почувствовал высшую ценность именно этого свойства бытия, которое он назвал **идеей Блага**: «Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины».

Таким образом, идеальное и материальное являются диалектическими противоположностями, пребывающими внутри данного суператрибута. Иными словами, существование Бытия обеспечивается диалектическим тождеством идеального и материального отражения. Образно говоря, идеальное отражение означает, что Бытие – *знает*, каким образом оно должно сохранять свою целостность, а материально отражая угрозы и опасности своей целостности, оно сознательно и целенаправленно *действует*. И тем самым «*придает вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать*» и, добавим к словам Платона – *преобразовывать доступный человеку мир в направлении сохранения космической гармонии*, что и составляет в философской терминологии – слышать Логос и следовать ему, а в религиозной терминологии – слышать Слово Отца Небесного и исполнять Его Волю. Всё должно находиться и сохраняться в своем единстве. Ибо, как говорил еще до Платона Гераклит, все, кто слышит Логос, тот понимает, что Всё есть Одно.

Итак, бытие (Космос) всегда и всюду – это идеальное и материальное отражение самого себя (самоотражение: самоощущение и самопонимание) и идеальное и материальное отраже-

ние (отбрасывание, удаление) различных внутренних и внешних форм небытия (Хаоса).

Эти категории – «отражение», «материальное», «идеальное» совершенно необходимы нам для более глубокого понимания непосредственного механизма перехода человека, а с ним и всей биосферы, в ноосферу.

ЩИТ И МЕЧ ПЕРСЕЯ

(отражение идеальное и материальное)

В поисках чувственно-смысловой модели соотношения идеального и материального, я предлагаю обратиться к мифологии, а именно – к тому моменту из повествования о Персее, когда тот разыскивает и убивает страшное чудовище горгону Медузу. Горгон, согласно древнегреческому мифу, было три. Они были сестрами, две из которых были бессмертными, а одна, по имени Медуза, была смертна. Однако, самое сложное в борьбе с таким, пусть даже и смертным, чудовищем состояло в том, что любой, умышленно или нечаянно взглянувший на горгону, сразу превращался в камень.

Но, оказывается, угроза окаменеть поджидала только того, кто увидит горгону, так сказать, «в натуре», то есть увидит вполне материальную горгону, а вот ее зеркальное отражение, идеально представляющее чудовище, было вполне безвредно. Знанием этого обстоятельства и воспользовался Персей и, получив отражение Медузы в своем зеркально отполированном щите, мечом отрубил ей голову, на которой вместо волос извивались и шипели ядовитые змеи.

Таков в кратком пересказе фрагмент одной из древнегреческих мифологических историй, в основе которых, как полагал Я.Э.Голосовкер, лежала специфическая логика – *логика желаний древнего человека*.

Думается, логика желаний «в снятом виде» присутствует и в современной логике. По-крайней мере, мне страстно хотелось бы быть убедительным в доказательстве факта «всюдной» насыщен-

ности нашего мира идеальным. Ведь это же нелогично, упрекал Э.В.Ильенкова М.А.Лифшиц, что все категории, и в том числе и категории «абстрактное» и «конкретное», имеют универсальный характер, а вот «идеальное», в отличие от своей диалектической противоположности «материальное», почему-то должно и может пребывать только в социальной форме бытия.

Мне всегда очень хотелось включиться в этот спор на стороне Михаила Александровича Лифшица, но – с уже иным подходом к проблеме и с иными аргументами.

Итак, я зеркальное отражение только что назвал «идеально представляющим». На первый взгляд, слово «идеальное» употребляется мною совершенно в разных смыслах. Богиня Афина снабдила Персея *идеально* отполированным медным щитом, в котором совершенно *идеально*, то есть очень чётко, отражался окружающий героя мир. А если бы отражался не очень чётко, или даже совсем плохо? От этого ведь отражение не перестало бы быть *идеальным*? Теперь уже – идеальным в другом смысле: то, что видел в своем щите герой, идеально, а не материально; в нём нет второй Медузы, там – только отраженные от неё, а потом – от щита-зеркала, лучи света. И вот эти лучи света, будучи вполне материальными, условно, идеально представляют собой это реально существующее чудовище. Трудно, конечно, о персонажах мифа говорить, что они реально существуют, но отвлечемся от этого обстоятельства.

Главное в другом: я употребил слово «идеальное» в двух значениях а) идеальное как высшая степень совершенства чего-либо и б) идеальное как нечто противостоящее материальному, как нечто нематериальное. Что делать с двумя значениями одного и того же слова: попытаться как-то связать их между собой или же развести в разные стороны как не имеющие никакого отношения друг к другу? Зафиксируем пока что эту проблему, с тем чтобы вернуться к ней позже.

Теперь обозначу другую, не менее важную проблему. Зададимся вопросом: а если бы не было Персея как зрителя, *воспринимающего* в щите отражение Медузы, и не было бы вообще ни-

какого иного зрителя, что тогда? Отражение перестало бы быть идеальным? Если это так, то вовсе не в щите-зеркале существует отражение Медузы, а в сознании героя? Причем, увидеть в щите отражение Медузы – это момент гораздо более сложного процесса идеализации: в сознании Персея еще до встречи с Медузой *уже* существовало ее отражение – в качестве предвидимого, ожидаемого. И ведь именно это помогло успешно спланировать победоносное использование зеркального отражения Медузы для реального ее отражения как неприятеля. Действительно, без такого, опережающего, идеального отражения не случилось бы и материального отражения смертельной опасности, в данном случае, – путем реального уничтожения противника.

Итак, *идеальное отражение* Медузы, соединенное с опережающим идеальным отражением ожидаемого и происходящего события – в сознании Персея, помогло ему совершить вполне *материальное отражение* возможности вредоносного воздействия на него со стороны чудовища. Отражение идеальное обеспечило отражение материальное. Впрочем, как и наоборот: вполне материальные лучи, материальное оптическое явление вызвало появление в зеркале и в сознании Персея – идеального двойника горгоны Медузы.

Проблема заключается в следующем: только ли человек с помощью своих чувств и мышления делает вполне материальный процесс отражения отражением идеальным? И тогда в зеркале, в которое никто не смотрит, никакого идеального отражения нет? Попробуем в дальнейшем поразмышлять и над этой принципиально важной проблемой.

Дополнительно замечу, что нарисованная выше картина отношения материального и идеального остается пока все равно еще не полной, огрубленной. Дело в том, что я отвлекся еще от одного важного момента всей этой истории. Имеется в виду факт определенной несамостоятельности решений и поступков Персея – сына женщины Данаи и бога Зевса: ведь ему как «папину сыночку» помогали и боги, и нимфы. Зеркальный щит Персею подарила Афина, а острый и крепкий меч – Гермес, который к

тому же в нужный момент оказался тут как тут, рядом с героем, чтобы подсказать ему, какая из трех спящих на скале горгон – Медуза. И хотя не совсем понятно, кто был автором самого замысла с этим щитом-зеркалом, понятно, что в формировании идеального образа ожидаемой встречи с горгонами присутствует некое могучее влияние, некий взгляд как бы со стороны и свыше.

Возвращусь, однако, к выявленным выше проблемам, с тем, чтобы попробовать постепенно решить их в процессе восхождения нашей мысли от абстрактного к конкретному. Но что здесь следует назвать абстрактным, и что – конкретным? Иными словами, с чего начать?

Понятие «абстрактное» в философской литературе употребляется в двояком смысле: для обозначения чего-либо неразвитого или одностороннего и для обозначения какого-либо абстрактно-общего признака, то есть определенного сходства некоторого множества вещей или явлений. Я в свое время убедился в том, что не следует категорически противопоставлять друг другу два этих понимания и две реальных формы проявления абстрактного. В чем-то они тождественны. Диалектически, конечно. И действительно, поскольку любое развитие есть развертывание, реализация сущности развивающейся системы, то любая система в процессе ее развития остается, тем не менее, самой собой, то есть сохраняет свою сущность в принципиальных ее моментах неизменной. И поэтому высшие этапы развития содержат в качестве видоизмененного, и в то же время, – неизменного, нечто, присущее уже самым низшим этапам этого развития.

Мне представляется, что, в аспекте рассматриваемой проблемы, таким, одновременно и абстрактно-общим, и конкретно-всеобщим, является как раз феномен *отражения*, понимаемого как процесс и результат взаимодействия любой вещи с окружающими ее вещами и миром в целом на основе единства в феномене отражения двух его форм – отражения идеального и отражения материального, отражения-отпечатка и отражения-отбрасывания. Недаром одно из значений отражения в разговорном языке это – «отражение неприятеля» или «отражение опасности». Попутно

заметим, что отражение нападения или опасности (угрозы) вовсе не обязательно осуществляется в форме бескомпромиссной борьбы за выживание: то и дело оно проявляет себя и отражением-согласованием, приспособлением, компромиссом, синтезом. Знаменательно, что М.Хайдеггер в результате герменевтического анализа известного фрагмента из сочинений Анаксимандра доказывает, что вещь не просто бесчинствует по отношению к другим вещам (и за это, в конечном счете, наказывается апейроном), а оказывает этим вещам «чин и угоду».

Итак, я утверждаю, что некое подобие ситуации с щитом и мечом Персея имеется уже на самых низших «этажах» эволюции отражения, этого универсального свойства Бытия. Я имею в виду наличие – всегда и всюду – соотношения материального и идеального как неотделимых друг от друга форм отражения, а, значит, и форм бытия.

Природное единство материального и идеального выявляется в любом научном исследовании. Предположим, делается вывод о том, что некое озеро образовалось в метеоритном кратере. Почему именно в метеоритном кратере, а не, скажем, в карстовом или вулканическом? А потому, что в горных породах, выстилающих берега и дно этого озера, присутствуют минералы коэсит и стишовит. Это – разновидности кремнезема, плотность которых гораздо больше, чем у обычного кварца. Эти минералы образуются из кварца, попадающего в условия огромных температур и давлений, которые в природе существуют либо на больших глубинах (коэсит уже встречается в так называемых кимберлитовых трубках, а вот стишовит – нет, для его образования нужны еще большие глубины), либо могут возникнуть при столкновении с поверхностью земли крупного метеорита. Таким образом, если они встречаются вместе, то это говорит ученому о том, что вода озера заполнила в свое время кратер именно метеоритного происхождения.

Я утверждаю, что данные минералы, а, значит, и данное озеро содержат в себе не только материальное, но и идеальное отражение упавшего на землю метеорита. Материалист не согласится с таким

утверждением, оно покажется ему нелепым, поскольку и кратер, и минералы вполне материальны. Не проще ли предположить, что в идеальной форме все подробности этого падения и сам метеорит содержатся только в голове ученого, выяснившего происхождение данного озера. Более глубоко мыслящие материалисты отметят, что голова ученого не может рассматриваться изолировано от культуры и человеческой деятельности. И это, с их точки зрения, означает, что пресловутый метеорит идеально возник и до сих пор пребывает – в процессе и результате умственного труда ученых, идеально двигавшихся по выясненной ими логике падения метеорита и логике образования названных выше минералов.

На самом же деле познание экономиста, минералога и любого другого ученого возможно лишь потому, что изречение Анаксагора «Всё – во всём» следует интерпретировать не только так, что в любой вещи материально содержатся любые «гомеомерии», но и так, что любая вещь идеально содержит в себе любую другую вещь и любое другое явление, с которыми она так или иначе когда-то и где-то взаимодействовала? Прошу заметить: любая вещь, а не только вещь, созданная человеческим трудом.

Рассмотрение идеального в качестве идеальной формы человеческого труда правильно, но не полно, так как речь в таком случае идет только о социальной форме проявления идеального. Универсальное же содержание этого важнейшего атрибута природы, или Бога, как именовал универсум Спиноза, должно объединять собою все формы движения бытия.

Идеальный смысл материально перестроившихся в кристалле кварца атомов кремния и кислорода состоит в том, что эта их перестройка (сильное уплотнение) вызвана именно воздействием на этот кристалл огромных, чудовищных температуры и давления. Таким образом, в материальном отражении в структуре кристалла кварца глубинной и (или) взрывной физико-химической среды незримо, идеально присутствует своя, физико-химическая, «горгона Медуза».

Мне могут сказать: где же тут сходство? Ведь отражение Медузы-то в щите, зримо для Персея? Да, зримо, но такая «зри-

мость» условна и производна, и обладанию ею человек долго обучается, так как реально зеркало отражает только более яркие и менее яркие лучи, в которых ни животное, ни младенец ничего определенного не увидят. Точно такой же «зримости», то есть умению видеть невидимое, долго учится и кристаллограф или геолог в случае с коэситом и стишовитом. Да и любой другой профессионал учится умению видеть невидимое в своем предмете. Более того, вообще любое умение видеть – это результат обучения: ведь ребенок при рождении «видит» только световые отпечатки на сетчатке своих глаз, да при этом еще и расположенные в пространственно перевернутом, по отношению к реальным световым сигналам, виде. И вот в этих световых отпечатках идеально присутствуют все чувственно-воспринимаемые предметы окружающего мира.

Подобным же образом, только не осознавая и не чувствуя этого, являют себя в мире и любые атомы, молекулы, минералы, то есть вещи неживой природы: они есть воплощение, материализация идеально присутствующих в них бесконечного количества воздействий, окружающих их других вещей. Поэтому любое единичное материальное тело является в то же время символическим, идеальным представителем всего Универсума. Оно постоянно, самым фактом своего существования, отражает в себе весь Мир. Оно *представляет* собою весь мир.

Эту двойственность вещей Лейбниц и выразил в своей «Монадологии»: любая вещь и материальна, и в то же время обладает своеобразной душой, монадой, которая есть невидимая способность отражать в себе и собою весь Мир. В терминологии Лейбница, монады суть зеркала Вселенной. Все они подобны щитам Персея, которые отражают в себе (и что важнее всего, – для себя) всю окружающую их Вселенную. При этом отражают по-разному, с разной степенью четкости и полноты.

Зачем это всё понадобилось Лейбницу? Он, как и его современник Спиноза, каждый по-своему, провозгласили идею нераздельного единства материального и идеального. Но оба они не обладали еще знанием факта эволюции всего сущего. Для них из-

начально и вечно (или до конца света), почему – непонятно, но существует совпадение порядка и связи вещей и порядка и связи идей, то есть – некая предустановленная гармония.

На самом же деле, как показал П. Тейяр де Шарден, эти «монады», «зеркала», различные по степени совершенства способности отражения, не только сосуществуют в пространстве, но и переходят друг в друга во времени, так что гармония внутри них и между ними создается и логически, и исторически. Причем, это – гармония и логически, и исторически возрастающая.

Тейяр, к сожалению, только описал, но не объяснил непосредственную причину феномена «ортогенеза сознания», а лучше было бы сказать – феномена роста и созревания идеального в недрах процесса развития материальных «форм движения». После долгих лет размышления над этим нерешенным Тейяром вопросом я, как мне кажется, понял, что механизм такого развития заключается в диалектическом взаимодействии материального и идеального. При этом взаимные поиски ими соответствия друг другу и порождают те главные формы движения материи, которые Тейяр условно назвал «литосферой», «биосферой» и «феноменом человека» (становящейся «ноосферой»). Каждой из этих трех форм движения материи присущ свой особенный, специфический тип монады, или «души»: в «литосфере» это непосредственное, «не расщепленное», не дифференцированное еще существование материального и идеального; в «биосфере» – это информационный способ их взаимодействия, в «социосфере» – это единство чувственно-предметной и мыслительной деятельности. Именно поэтому-то не непосредственное соотношение щита-зеркала, меча и чудовища привело к отражению-поражению последнего, а руководство всем этим чувственно-предметным процессом со стороны мыслительной деятельности Персея, а также его высокопоставленных пособников, использовавших для победы природное единство материального и идеального.

Из сказанного следует: нечто есть (имеется в наличии, пребывает, бытийствует) потому, что оно успешно отражает окружающие угрозы. Быть – значит успешно отражать. Причем успеш-

но *отражать* мир, и тем самым – *полагать* себя, вещь (в широком смысле этого слова, вещь как *res*) может потому, что имеет в себе внутреннюю способность к этому, некую «душу», монаду.

Если собака потеряет нюх, то она потеряет свою специфическую способность отражать мир, то есть полагать себя, свое бытие, свое Я (Й.Фихте). То же самое случится с летучей мышью, если она утратит способность испускать и улавливать ультразвуковые сигналы. Ну, и конечно, то же самое произойдет с человеком, потерявшим способность мыслить. Ведь мышление – это то, что человека делает человеком, это его эйдос, это его специфическая способность идеально отражать окружающий мир, то есть опять-таки – полагать свое бытие, свое Я. Причем еще раз следует подчеркнуть: отражать означает отражать одновременно и идеально, и материально. Поэтому в жизнедеятельности собаки, летучей мыши и человека сосуществуют и взаимообуславливают друг друга и идеальная, и материальная формы этой жизнедеятельности.

Дж.Беркли утверждал: «существовать – значит быть воспринимаемым». Кем? Субъектом. Причем таким субъектом, по Беркли, может быть не только человек, но и (прежде всего) Бог.

И.Кант, ужасно обижаясь на тех, кто называл его идеалистом, то есть помещал в компанию Дж.Беркли, в то же время говорил, практически, то же самое, что и Беркли: действительность, существование равны абсолютному полаганию, *восприятию*. Кем? Человеком как субъектом «чистого разума». Насчет Бога Кант, в отличие от епископа Беркли, сказать ничего не хотел, ибо, согласно его убеждению, Бог есть «вещь-в-себе».

Точка зрения Дж.Беркли оказывается, таким образом, более «широкой», чем точка зрения И.Канта. Еще большей универсальностью и широтой обладает философское мировоззрение Аристотеля: у него обладают душой, то есть способностью воспринимать мир, не только человек, но и животные и растения. Но самым «широким» в этом вопросе оказался Лейбниц, который считал, что, кроме всех этих субъектов, способность воспринимать, отражать мир принадлежит также и неживым существам. Вновь мы соединяем между собой два, казалось бы различных

значения слова «восприятие»: воспринимать можно и сознанием, и всем своим материальным телом.

Заметим попутно, что потребность философии в герменевтике не в последнюю очередь вызвана такой вот двусмысленностью множества слов человеческой речи. Правда, эту двусмысленность можно расценить и как путаницу, а можно – и как диалектическую чуткость авторов языка, то есть – наших далеких и близких предков.

Итак, с тезисом – «существовать – значит быть воспринимаемым» согласиться можно, но с серьезной диалектической «добавкой»: «существовать – значит воспринимать и быть воспринимаемым».

Даже высокобарные разновидности кварца (коэсит и стишовит) существуют только потому, что их воспринимает (принимает, допускает) глубинная или же взрывная физико-химическая среда. Кстати, интересно то, что на поверхности земли коэсит довольно быстро начинает снова переходить в форму кварца: физико-химические параметры поверхности земли не «воспринимают» его в его уплотненном виде, и он начинает оказывать им «чин и угоду» путем пространственного разуплотнения составляющих его атомов кремния и кислорода.

Что уж тогда говорить о человеке! Нам представляется, что идея просветительства в основе своей совершенно правильна. И эту идею высказал еще Сократ: только знание того, что такое Благо, делает человека благим и счастливым. Подтверждение этой мысли мы находим и в словах Спинозы: «... Только познание есть причина уничтожения невежества...», «... Без руководства разума все ведет к гибели...» Недаром Л.Шестов о Спинозе говорил как о втором воплощении Сократа.

Итак, и Сократ, и Спиноза, а за ними и многие другие философы говорят: или ты правильно, достойно мыслишь, или ты погиб!

Без признания Всеобщего, Абсолюта, человек будет близорук и запутается в ничтожнейших мелочах. Запутается и погибнет, как муха в паутине. Что он, к сожалению, всю свою историю, а особенно – в наше время, и «успешно» делает. Только

не надо, наподобие Л.Шестова, думать, что «первородный грех» человека заключался в том, что он, съевши яблоко с древа познания, стал поклоняться научным истинам и что от этих истин следует вообще отказаться. Думается, что это весьма односторонняя трактовка «Священного Писания». Вина и грех человека состоит, как нам кажется, в другом: образно говоря, он съел то, чего не мог переварить, и поэтому он зачастую «за деревьями не видит леса», то есть мыслит о сиюминутном и рядоположенном, забывая о вечном и бесконечном, не умея, как говорил Спиноза, отказаться от своей индивидуальной точки зрения (от «своецентризма», как бы сказал Г.С.Батищев) и подняться на точку зрения Бога (или Природы?).

Человек не соответствует своей сущности, своей идее, если не способен надлежащим образом использовать свое высшее зеркальце-монаду. Хайдеггер, по сути дела, тоже развивает обсуждаемую нами мысль Спинозы, постоянно говоря: человек, забывающий о том, что он Бытие (Тут-бытие, Dasein), живущее в Бытии (Sein), заблуждается (блуждает и блудит) в сущих мелочах и пустяках. Это путь к гибели либо человека как физического существа, либо – путь к гибели его души.

Наконец-то мы можем завершить диалектическое отождествление двух значений и, соответственно, – двух проявлений идеального. Итак, *первое*: идеальное – это то, что незримо присутствует в каждой вещи в качестве отражения в ней и ею всех других вещей и мира в целом. Это – «чтойность», идея или эйдос вещи. *Второе*: идеальное – это то, что является наивысшей по эффективности формой существования вещи в данной среде. Это, например, шарообразность тел в условиях гравитации. Вот на эту вторую ипостась идеального в природных телах и указывал М.А.Лифшиц.

Однако, обе эти формы идеального суть одно и то же. Их нельзя отрывать друг от друга. В результате самоотражения мира, в каждом существе возникает некая его сущность, эйдос. А его реализация, развертывание есть его стремление к идеальному соответствию с самим собой и с мировым Логосом.

Это два условия и две возможности существования, бытия любой вещи. И разница между ними только в том, что это две формы идеального, находящиеся как бы на двух полюсах траектории жизни: в начале – как эйдос, как форма внутри содержания вещи (Аристотель), а в конце – как состояние приближения устройства вещи к эйдосу как эталону в мире этих эйдосов (идей), и это уже Платон.

Таким образом, перед нами – диалектически связанные моменты одной и той же системы явлений. Весь мир присутствует в любой вещи, и она стремится к этому миру, стремится побыть, пожить в нем. Две стороны идеального это: 1). мир во мне и 2). я – в мире. Причем это «Я» (фихтеанское «я» в самом широком смысле) стремится быть (бытийствовать) в мире, по-возможности, более успешно, более идеально. Иначе об этом можно сказать и так: Бог во мне и я – в Боге. Выходит все-таки, что идеальное есть невидимое, но самое главное в жизни.

Иными словами, мы имеем две направленности (и отсюда – два значения) идеального в их тесной диалектической связи а) идеальное, то есть нематериальное, некая способность вещи быть самой собою и б) идеальное – то есть высшая форма совершенства бытия данной вещи (или, что то же самое, – её призвания, предназначения).

И каждый победитель может сказать (и это не будет тавтологией): я идеально реализовал идеально присущее мне дарование. А можно и так: я идеально реализовал идеальное как чувственно незримую возможность.

Наверно нечто подобное смыслу этих изречений должен был ощущать или даже осознавать Персей, совершивший подвиг, давший название этому фрагменту нашего эссе.

А уж с какой, надо полагать, заслуженной гордостью произнесет эти слова когда-нибудь человек, построивший ноосферу и сделавший ее обиталищем и образом своей жизни!

НООСФЕРА КАК СУТЬ И НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ

Особенно очевидна направленность развития при рассмотрении эволюции живых, то есть биологических, систем, в которых отражение принимает информационный характер. Обострение и разрешение противоречия между способом производства и способом реализации информации приводит к развитию форм живой природы. Поскольку же человеческая система – это не только социальная, но и просто живая система, она тоже должна подчиняться указанному закону развития.

То и дело в человеческом обществе назревают и решаются информационные противоречия: через изобретение письменности, книгопечатания, через издание научных журналов, энциклопедий, через ускорение средств передвижения, поскольку они способствуют ускорению движения информации, и через совершенствование специфически информационных средств движения человеческих сообщений (радио, телефон, телевизор), через совершенствование средств хранения информации (библиотека, фонотека, магнитофон, компьютер) и т. д.

Результаты этих маленьких и больших революций ощущаются не всеми и не сразу, но без них невозможен человеческий прогресс.

Как можно заметить, все эти революции происходили и происходят пока внутри определенной меры – внутри специфически человеческой формы производства, хранения и движения информации. Речь идет о традиционной устной и письменной речи. Разумеется, ее возможности еще далеко не исчерпаны.

Однако представляется, что рано или поздно, но обязательно наступит такой момент, когда привычная нам устная и письменная речь, как ведущий способ получения и передачи информации, полностью исчерпает все свои возможности. Что придет ей на смену, достоверно сказать трудно. О новом способе производства информации можно говорить лишь в самых общих чертах, как о тенденции.

Формально ноосфера – это сфера циркуляции информации. Здесь полное подобие с ролью нервной системой живого организма. Да ноосфера и есть суперорганизм. Во всемирной «нервной системе» должна быть отлажена истинная (правдивая) и свободно циркулирующая информация.

В идеале необходимо, чтобы в системе человеческого общества деятельностная информация могла двигаться совершенно свободно и с минимальными потерями и издержками. Такое идеальное состояние прежде всего предполагает возможность немедленного получения любым человеком необходимой ему информации из единого общественного хранилища и, наоборот, возможность делать выработанную мыслителем информацию немедленным достоянием общества. Не получая и не используя качественную информацию, человечество окажется не способным сознательно руководить процессом саморазвития, предусматривающим невыхождение из спасительного канала эволюции, а это неизбежно приведет его к гибели.

Как технически будет осуществляться процесс реализации такого идеального состояния человеческой информационной системы, сказать, конечно, трудно: впереди еще масса непознанных явлений, могущих сослужить в этом деле службу. Надо быть открытым к совершенно неожиданным и парадоксальным возможностям: а вдруг телепатия откроет свои секреты и станет массовым способом передачи информации! Но если такие, как телепатия, явления не только не освоены, но и не доказано, существуют ли они реально, то вполне реально существует и лавинообразно развивается процесс внедрения в человеческий информационный цикл кибернетических устройств. Именно последним, возможно, предстоит сыграть роль своеобразного «троянского коня»: процесс массового внедрения компьютеров может привести человечество (в привычном для нас понимании) к диалектическому самоотрицанию, переходу в качественно новое, высшее состояние.

Внутри ноосферы, которая вначале предстанет «всего лишь» в качестве разумного устройства общежития разумных людей,

будет вызревать, а затем скачкообразно возникнет принципиально новая мыслящая система, которую я называю Объединенный Разум. Сверхразум, Коллективный Разум, – трудно сказать, какое название больше приживется. Для того, чтобы читатели поняли, о чем я говорю, я вновь и вновь отсылаю их к образу мыслящего океана планеты «Солярис» в романе Станислава Лема.

Трудно предугадать все возможности свободного «полифонирования» и «диалогирования» между множеством мыслящих субъектов. И все же...

Несомненно то, что мышление каждого человека в ноосфере технически будет чрезвычайно облегченным тем, что любую информацию можно будет получать мгновенно, как свою собственную – одним усилием воли. Но не это, пожалуй, явится главным в будущем изменении качества процесса мышления. Главное будет состоять в том, что процесс понимания сможет быть облегчен тем, что при желании можно будет на любой предмет посмотреть «глазами» любого, самого выдающегося специалиста и, со временем, может быть – сразу нескольких. А при развитии этой способности не исключен выход на *общечеловеческий* «взгляд» на любую проблему: ноосфера станет единым мыслящим «океаном».

Но это не значит, что исчезнут отдельные мыслящие личности или роль их понизится. «Мыслящий океан» станет возможным только потому, что будет состоять из личностных интеллектов, присутствующих не в «снятом виде», как клетки внутри организма, а в полифонирующем функционировании внутри целостной системы. Речь идет о сохранении самостоятельности каждой души, каждого отдельного внутреннего мира. Именно в этом смысле следует понимать интуицию Тейяра о том, что каждое отдельное сознание, войдя в состав ноосферы станет самим собой еще в большей мере. Здесь уже не раз подчеркивалось, что человек, в отличие от предыдущих форм бытия, это особенное существо, быть самим собой для которого – это постоянно выходить за свои непосредственные пределы. Сохраняя себя как итог неповторимого фокусирования всего бесконечного мира, каждое отдельное сознание в то же время сможет беспрепятственно вы-

ходить за свои пределы в мыслящий океан ноосферы, постоянно обогащая свое Я.

Именно и только в составе Объединенного Разума Человек познает, наконец-то, самого себя, а тем самым познает и Бога.

Таким образом, все прошлые и настоящие размышления по поводу соборности, полифонирования и подобных способов человеческого бытия имеют своей направленностью именно *ноосферу, как идеальное состояние развертывания человеческой сущности.*

Неизбывное несовершенство людей влечет их в Объединенный Разум, в новое качество жизни – и материальной, и духовной.

Объединенный разум – это та же конкретная истинная кооперация (коллективность), что-то наподобие союза суверенных государств, сельскохозяйственных кооперативов и. т.д. Одновременное, диалектическое развитие единичного и его всеобщего – это всеобщий принцип развития вообще. Соборность – добровольное делегирование полномочий. И не угрюмое подчинение себя мысли и воли большинства, а активное полемизирование, самостоятельность, нераздельность и неслиянность, одним словом – полифонирование.

Объединенный Разум – это и есть тот самый рай, о котором всегда мечтало человечество. Но это не скучный рай для жаждущих безделья измученных рабов, а – более высокая по напряженности бытия и его полноте жизнь отдельных разумов в сфере Разума Объединенного.

Человек призван наладить свои отношения с Миром, разумно решать глобальные проблемы. С момента своей зрелости он, по выражению В.И.Вернадского, становится могучей геологической, то есть природной, естественной силой. И дальше (это не призыв, а констатация) ему *придется* (плохо ли, хорошо ли, – это другой вопрос) изменять Мир (в том числе и в первую очередь – самого себя).

В процессе созревания человека ему как бы передается «руль» от биосферы, а значит, и великая ответственность за ее и свою жизнь.

Как будет человек переделывать мир? Пока он это делает негативно, формально: изымает, перемещает вещество и энергию, не задумываясь о последствиях творимого. А задуматься придется. В противном случае – гибель или, «в лучшем случае» деградация человечества, невыполнение им своего предназначения, сущности (идеи).

Бремя ответственности предполагает не только техническую, но и социальную, в том числе и нравственную, перестройку общества. Недаром рядом с понятием «ноосфера» в последнее время появилось понятие «этосфера». Выдающийся гуманист современности А. Швейцер пришел к выводу о необходимости усвоения людьми «этики благоговения перед жизнью». Н.Н.Моисеев выдвинул понятие «экологический императив», само название которого также подчеркивает необходимость нравственного измерения процесса движения к ноосфере. Одним словом, ноосфера должна быть одновременно и этосферой. Коллективный разум и коллективная совесть, кстати говоря, были неразрывно связаны уже в самом исходном пункте возникновения человечества. Сейчас, пройдя, по-видимому, необходимый период индивидуалистического, даже во многом эгоистического, развития, человечество, согласно закону отрицания отрицания, вновь вынуждено возвращаться к этому единству.

Россия дает не только дурные (негативные) примеры («как не надо», например, строить государство и его отношение к подданным), но и позитивные (как входить в принципиально новую жизнь – ноосферу). Караваев, Иванов и масса других народных пророков, гениев, аскетов. Это – предтечи. Не говоря уж о теоретиках такой жизни: Федоров, Соловьев, Бердяев, Вернадский и др.

«Общее, всемирное дело» – это, в моем понимании, и есть создание ноосферы, Объединенного Разума. А проще говоря – все формы соединения коллективизма являются «тропинками» в ноосферу. Мое совпадение с Н.Фёдоровым состоит еще в том,

что создание ноосферы (уже, конечно, в ее весьма развитом состоянии) технически обеспечит воскрешение предков.

Это дает мне право причислять себя к философам, принадлежащим к направлению русского космизма.

Изучая биографию В.И.Вернадского, я часто думал о той роли, которую сыграло «Братство» (студенческий кружок, сохранившийся и после завершения учебы этих «братьев») в жизни молодого ученого. Даже слабый делается сильным и нравственным, в этом «братском» сообществе. Суть соборности, видимо, именно в этом. Именно поэтому (а не просто для того, чтобы выжить материально) человек создает и опробует различные виды коллективности. Главное, однако, здесь (как и при приеме любого лекарства) не получить сильного отрицательного побочного эффекта. Таким нежелательным эффектом может стать подчинение личности злой или глупой воле большинства. Иными словами, коллектив, наделяемый регулятивными по отношению к отдельной личности, функциями, сам должен быть достаточно умён и нравственен. Ум и нравственность – в одном сплаве. Именно такой должна быть ноосфера.

Отдельные представители грядущей ноосферы появляются в истории человечества, как редкие пузырьки в закипающей жидкости. Например, В.И.Вернадский не только провозглашает ноосферу, он сам – малая ноосфера. Все гении – это посланцы и провозвестники ноосферы. Причем, возможно, и даже злые гении, например великие завоеватели. Люди стремятся к единению и делают это сначала превратным, античеловеческим способом. Воистину правы те экзистенциалисты, которые утверждают, что призвание человека подчиняет себе его жизнь. Но точно то же следует сказать не только о призвании отдельного человека, а о призвании человечества. Призвание человечества, от которого отрешиваются исторические материалисты, зовет и ведет его в ноосферу.

Призвание! Важный, но непонятный для многих, феномен. Человеком руководит будущее. Детерминация будущим! Кроме

зова предков есть и зов потомков. Так и кажется, что в человеке сидит нечто или некто и понуждает, понукает человека – делай! Зов этот может быть искажён, так как не у всех готов «орган его восприятия», и тогда человек творит фактическое зло во имя померщившегося ему и зовущего его добра.

Соборность... Смысл этого, одного из любимых понятий В.Соловьева и других религиозных философов, впервые сформулированного А.С.Хомяковым, состоит в том, что соборность – это *свободное* сообщество, *добровольное* сообщество единомышленников и единоверцев. Принуждением, даже божественным, свободного коллектива не создашь. Поэтому и в религиозной вере человек должен быть свободным: «Свобода в религиозной жизни есть обязанность, долг. Человек обязан нести бремя свободы, не имеет права сбросить с себя это бремя. Бог принимает только свободных, только свободные нужны ему» [3, 193]. Это слова Н.Бердяева, который при этом подчеркивает, что философский очерк Ф.М.Достоевского «Великий Инквизитор» – это невиданная еще по силе апология свободы.

Ноосферный коллектив – это свободный коллектив, познанная необходимость «с большой буквы»! Именно эту необходимость следует каждому человеку познать и принять в качестве своей судьбы!

Важно подчеркнуть, что переход в ноосферу завершится качественным преобразованием социума и отдельного человека. Удивительно конгениальные моему мировоззрению мысли были высказаны Ф.М.Достоевским в день смерти его первой жены, 16 апреля 1864 года. Кстати, – ровно за 100 лет до пробуждения подобных мыслей у меня.

Вот суть этих мыслей. Земной человек – эгоист, есть существо «не оконченное», а «переходное». Будущее существо вряд ли будет и называться-то человеком: настолько человек изменит свою природу, из него разовьется существо, свободное от эгоизма, осуществляющее заповедь «возлюби все, как себя» [19, 101]. Причем этих людей Достоевский называет «мы», полагая, что переход в новое качественное состояние будет сопровождаться воскрешением.

Мы должны привыкнуть к сложной диалектической логике космических процессов. Бесконечность в космосе имеет две формы: актуальная бесконечность и потенциальная. Исходя из такой логики бесконечной системы мы должны понимать, что ноосфера по отношению к современному человеку – впереди, но одновременно она уже и есть. «Точка омега» и еще будет, и уже всегда есть.

Вообще-то, Мир есть всегда ноосфера. По большому-то счету. Мысль управляет миром. В этом гениальность **Анаксагора**. Поэтому когда я говорю, что я верующий человек, это означает, что, во-первых, я признаю наличие высшего разума, а во-вторых, – наличие связи между ним и каждым частным проявлением разума. Иными словами, вера есть вера в то, что Бог Есть, и я с ним постоянно нахожусь в прямой сокровенной связи.

Я всегда считал и сейчас считаю, что синергетика мало что может дать социальному познанию. Особенно смешно уповать на детерминирующую роль случайности в самоорганизации хаоса. Концепция же ноосферы, в противовес синергетике, должна доказать приоритет в мире не случайности, а необходимости. Именно необходимость является основанием в ее соотношении со случайностью. Вспомним, как глубоко был убежден В.И.Вернадский в поражении тех, кто идет против законов ноосферы, а значит – против закона единства человечества!

Есть высшая необходимость в пределах которой не может быть самоценной какая-либо случайность. Ведь и Ф.Энгельс, как мы уже об этом вспоминали, говорил о том, что возникновение жизни и мышления в космосе – это железная необходимость!

Процесс становления ноосферы, естественно, не может осуществиться мгновенно. Модели В.И.Вернадского и П.Тейяра де Шардена отличаются одна от другой как начальный и конечный моменты возникновения качественно нового состояния человечества в единстве с породившей его природой. Было бы весьма самоуверенно и неумно с моей стороны рассуждать о длительности этого скачка и о типологии состояний внутри него. На-

чало и конец любого процесса, согласно Гегелю, диалектически тождественны: то, что в начале присутствует как цель, как идеал, как возможность, то же самое в конце присутствует как осуществленная цель, как действительность. Поэтому мы имеем право размышлять о качественных характеристиках ноосферы в целом, не исторически, а логически, то есть в тождестве ее начального и развитого состояния.

И все же в первую очередь важно понять то обстоятельство, что в движении к ноосферным вершинам невозможно обойтись без определенной материальной структурной качественной перестройки как самого человека, так и социума в целом.

Мы должны отчетливо понять: катастрофически растущее отчуждение человека от своей сущности не может быть уничтожено одним лишь социальным переустройством, например, – какой-либо социальной революцией.

Сейчас, и дальше все больше и больше, причиной отчуждения выступает и будет выступать непосредственно **сущностное противоречие всего живого**: противоречие между способом получения и способом использования информации. С одной стороны, – огромное и все больше увеличивающееся море знаний общечеловеческой культуры, с другой – единичный, смертный человек, часто – со слабой памятью и всегда – с памятью довольно малого объема. Человеческая культура накапливается как бы впустую. Павел Флоренский обратил внимание на то, что «давно, вероятно, с XVI в., мы перестали охватывать целое культуры, как свою собственную жизнь; уже давно личность, за исключением очень немногих, не может подняться к высотам культуры, не терпя при этом величайшего ущерба». Итак, личность теряет свою целостность, как бы расщепляется, причем не только в отношении форм ее трудовой деятельности, но и деятельности духа. «Содержание науки чужой специальности давно уже стало недоступным не только просто культурному человеку, но и специалисту-соседу. Однако и специалисту той же науки отдельная дисциплина ее недоступна». «Здание культуры духовно опустело». Человек живет «работая на цивилизацию, его гу-

блящую и его же порабошающую»[38, 345-346]. И так, механизм культуры расстроился!

Вот он – главный аспект феномена отчуждения: не только человек, но и сама культура отчуждена от своей сущности: она уже не объединяет людей, не выполняет свою функцию «общего мозга», и поэтому человек не способен правильно ориентироваться в окружающем мире, он трагически заблудился в нем. Он может погибнуть от плодов своего собственного, неправильно применяемого труда. Так, Ж.Дорст пишет: «Мы живем в эпоху техники, когда гуманитарий уступил место технократу, когда цивилизация человека постепенно заменяется цивилизацией машин и роботов, которые, может быть, поглотят нас когда-нибудь, совсем как в романе какого-нибудь писателя фантаста» [10, 403].

О грандиозном и страшном, можно сказать, – дьявольском, отчуждении, ведущем к «овещнению» человека, буквально кричал в своих произведениях Г.С.Батищев.

Одним словом, многие мыслители видели и видят это отчуждение, это «заблуждение» человека, но, видят его, в основном, только как вопиющий факт. И поэтому их разоблачения и призывы звучат абстрактно: ведь проблема, лишенная причинного объяснения, не может быть решена. В этом трагедия многих и современных и древних пророков: быть вопиющими в пустыне. От знания того, **как** обстоит дело в реальности, давно пора переходить к знанию, **почему** это происходит. Попытки искать решения этой проблемы с помощью оторванных друг от друга только материальных или только духовных методов уже показали свою малую эффективность. Ни социальные революции, с одной стороны, ни призывы к совести человека и упования на его духовное развитие, с другой стороны, ни эклектическое дополнение одного другим к радикальному решению проблемы отчуждения не приведут. *Можно сказать, что именно в этом вопросе и материализм, и идеализм реально, практически терпят крах как односторонние философские позиции.*

Коммунизм, как выяснилось, оказался превращенной формой стремления и реального движения людей к царству свободы и справедливости.

Однако мы должны понять, что процесс снятия превращенной формы не предполагает отказа от *содержания* этой формы. Ему просто необходимо придать адекватную форму, в нашем случае – *форму ноосферы*. А в ноосфере, действительно только свобода каждого индивида может создать из некоторого их множества подлинный коллектив.

Как смогла бы бабочка-однодневка, если вдруг представить ее мыслящей, увидеть в зародыше человека, вызревающем в лоне своей матери, – будущую зрелую личность?

Тейяр де Шарден был тем гигантом мысли, который вопреки окружающим его «бабочкам-однодневкам» (я называю так ученых с типично позитивистским мировосприятием) увидел процесс рождения ноосферного разума, процесс, в котором современный человек – всего лишь самая начальная стадия зрелости.. С помощью присущего ему диалектического «зрения» Тейяр увидел этот огромный «организм» во всем его историческом росте.

Никак не могу понять, как можно себе представить, что на человеке этот рост почему-то должен прекратиться?!

Ведь исходное противоречие, то есть источник этого роста, на наших глазах резко обостряется. И не похоже, что современный человек способен решить это противоречие.

В.Соловьев и его последователи выдвинули идею всеединства и провозгласили схему единой системы «религия – наука – философия». Первым же эту схему по-настоящему наполнил смыслом Пьер Тейяр де Шарден, сам единый в этих трех ипостасях. То, что религия даёт человеку в качестве надежды и веры (на непокинутость его в этом мире и на причастность к Вечности), наука обосновывает фактами и эмпирическими обобщениями (цефализации, эволюционной схемы, кустообразной сменой «фил» и т.д.). Моя же философская концепция, обобщая многие

предыдущие философские учения, используя чаяния религии и данные науки, рисует, как мне кажется, целостную картину объективной диалектики становления и развития способов отражения действительности.

Жаль, что Тейяр де Шарден по тем или иным причинам не использовал (по крайней мере – не ссылался на них) учения Спинозы о субстанции и атрибутах и учения Лейбница о монадах: ведь эти учения абсолютно конгениальны его собственным идеям.

Надо думать, очень малое количество людей может в ближайшем будущем перейти в ноосферу, ибо сейчас на планете господствует полное невежество и потрясающий разнобой мнений по любому вопросу.

Первым и реальным шагом в создании ноосферы должно стать собирание элиты духовно преображенных людей. Всем хорошим людям следует объединиться. (Мечта Пьера Безухова в современной ее интерпретации).

М.К.Рыклин в своем воспоминании о М.К.Мамардашвили пишет о том, что тот был персонификацией следующей Темы с большой буквы: «...существует единая философия, которая идет как бы поверх (или параллельно) того, что он называет философией учений и систем. Эта единая философия представляет собой некий пульсирующий континуум сознания, который признаётся принципиально точечным и прерывным. В то же время М.К. настаивает, что все факты культуры рефлексивно дублируемы и только в состоянии рефлексивной дублируемости мы имеем аутентичное постижение этих фактов» [32, 20].

Замечательно! «Пульсирующий континуум сознания». Моё прибавление к сказанному заключается в следующем: итак, культура только тогда является таковой, когда она рефлексивно дублируется.

а) констатирую: кризис современной культуры заключается в том, что есть масса как бы «отмерших» участков в культуре, которые практически не дублируются в индивидуальных сознаниях.

б) размышляю: движение к точке «омега» не есть ли слияние таких «континуумов» и «впадение» их в бесконечный океан мысли? По-моему, именно так.

Идеальное, в полном смысле этого слова, это то, что существует в виде творческой способности человека двигаться по логике любого предмета. Всегда культура (как не-натура) существует в виде внутренних миров отдельных людей. Высшее будущее идеального – это объединение этих миров и воскрешение миров ушедших. Высший драгоценный результат эволюции. Жемчужина. Творчество человека – продолжение творчества Бога. Осуществление Воли Отца Небесного.

Если верна теория эволюции, а она верна, то каждый из нас – спасён! Мог ли камень «предполагать», что со временем он станет растением, животным, то есть оживёт?! Так что ноосфера – это не безумная фантазия, а довольно скромная, обоснованная экстраполяция!

Всё есть всегда! Ноосфера уже в душе моей, в душе каждого человека: ибо встречаются в ней бессмертные и беседуют со мной, с тобой и друг с другом. А когда через компьютерную и иную технику объединятся люди в единое тело, тогда встреча и собеседование станут развитой, центральной формой связи между «клетками» этого тела и переносный смысл их содержания сменится смыслом реальным и, можно сказать, – буквальным.

Одна из важнейших идей А.Бергсона, состоит в том, что главный смысл жизни принадлежит не отдельным индивидам, а всему процессу развития, его направленности. А индивид, он

что? – распускающаяся и исчезающая почка на вечно развивающемся и меняющем свои формы цветущем древе. Поэтому все то, что мы сделали в этой своей жизни, сохранится (наша душа) очень опосредованно и очень выборочно – как то доброе, что ты оставил в душах своих потомков и современников и – в составе духовной и материальной культуры. Поэтому не надо грустить о прошлом – наше подлинное бытие – Будущее.

Призывы начать с духовного преображения человека – ой, как они не новы, но результат их всегда был и остаётся одним и тем же: призывы эти могут быть реализованы только героями, да и то их порой «заносит» куда-то «не туда». А вот что делать с основной массой людей? «Списать» их обратно в обезьяны?

И только учение о ноосфере (учение о коммунизме имело ту же самую задачу, но не сумело её решить) даёт простому, слабому, но честному, человеку реальный шанс зажить нравственной жизнью. Реальная, а не потенциальная (потому и проблематичная) прозрачность бытия (информации) есть условие и мощная поддержка для реализации такой возможности. Конечно, многие моралисты скажут, что человек в таком случае всего лишь *вынужден* вести себя порядочно и поэтому здесь нет нравственного поступка. Но тогда нечего и требовать доброты и честности от большинства людей. Кстати, мораль, которую часто ругают за ее формализм, за ее ригоричность, тоже ведь играет важнейшую роль в понуждении человека к приличию и человечности. Нравственность и мораль в перспективе должны слиться, и это будет благом для большинства людей. Если при этом учесть еще и то, что, по Гегелю, они отличаются тем, что мораль основана на рассудочном мышлении, а нравственность – на разумном, а рассудок, как известно, входит «в снятом состоянии» в состав диалектического разумного мышления, то эта задача слияния нравственности и морали представляется мне вполне разрешимой.

Итак, компьютеризация, обеспечивающая прозрачность – это условие для развития личности. Ибо слаб человек и нельзя от него требовать массового героизма. Он хочет стать хорошим – помогите ему!

Запомнил на всю жизнь слова А.И.Уемова, услышанные мною на одной из его лекций: «Сверхсложными системами управлять невозможно». Если это так, то все равно из этого вывода следуют два различных подхода:

1. Понять правоту этого тезиса, и вести себя так, чтобы не мешать сложной системе функционировать и развиваться,
2. и более высокая стадия понимания: понять, чтобы помогать (саморазвивающейся сложной системе).

Здравый смысл, направленный на управление сверхсложной системой, неизбежно порождает абсурд (как кто-то скаламбурил: мы рождены, чтоб Кафку сделать былью). Так, за строительство социализма в свое время рьяно взялись и дураки и нечестные люди. Нужна методология, равнозначная Логосу таких сверхсистем – нужна вечно становящаяся диалектическая логика.

В.И.Вернадский считал, что ноосфера – это биосфера, которой управляет разум. То есть разум станет, с его точки зрения, настолько развитым (научная мысль), что сможет коэволюционировать с такой сложнейшей системой, как биосфера. Точнее (это очень важно), биосфера становится ноосферой, то есть это она сама порождает разум и управляет сама собой. Управление становления = самоуправление.

Пространство и время тождественны. Поэтому «Тот Свет» может быть представлен как «точка омега» в потенциальной бесконечности и как та же «точка омега» рядом со мной и даже – во мне, в актуальной бесконечности.

Лента Мёбиуса. Бесконечное движение. Не «панта реи», а настоящее развитие, путь в царство Божие.

Объединенный Разум – это перспектива идеализации, обожения материи. То, что должно быть впереди, с точки зрения человека, то, «с точки зрения» Бога, – вне всякого сомнения уже есть. Точка Омега.

Это есть уже у Гераклита: Огонь не только превращается в разные формы бытия (по спирали) и снова становится Огнем.

Нет, он есть Всегда (Вечность) как Логос. Величие и Всемогущество Бога в том, что он, в отличие от нас, может в одно и то же время и в одном и том отношении и меняться, и быть неизменным. Бог – это Хранитель Вечности Бытия и его Становления.

При переходе социосферы в ноосферу проявляется космическая сущность человека.

БЫТИЕ КАК НООСФЕРА

Бытие наше, бытие людей! Сколь долго ты продлишься и каким ты будешь в обозримом будущем? Неужели может случиться, что тебя вообще не будет? Не будет бытия... Странно и страшно произносить эти слова.

Поэтому мы ни на миг не должны забывать о том, что во многом сохранение нашего бытия – в наших собственных руках. И очень хочется надеяться на то, что многие люди уже понимают, что единственный путь такого сохранения – это спасение биосферы и превращение ее в ноосферу. Но одного лишь понимания мало: мысль это должна стать осмысленным действием, причем – не отдельных людей, а человечества в целом. Об этом хорошо сказал историк науки Ю.М.Шейнин: «Как и предвидел когда-то Данте, интеллектуальный потенциал рождается как потенциал мысли и в то же время как потенциал действия. И своеобразным попыткам злоупотребления техносферой активно противостоит неодолимость наступления сферы Разума – ноосферы, расширения её в близкие и далекие пределы безграничного, живого, пульсирующего космоса» [43, 144].

Неодолимость наступления, неодолимость расширения... Изрядно подрастеряв в наше время подобную уверенность, мы, тем не менее, должны твердо знать: альтернативы ноосфере нет. Если, конечно, не считать её альтернативой гибель человечества.

Учение о ноосфере, в отличие от учения о коммунизме, рассматривает тенденцию развития человеческой истории предельно

широко – в контексте движения и развития не только социальной, как это делал К.Маркс, но и всей природной действительности.

Мы можем ничего не говорить о ноосфере, не произносить даже этого слова, но незримо она все равно будет присутствовать в любом философском размышлении о должном бытии и о соотношении бытия космоса и бытия человека. М.Хайдеггер придумал интересное выражение: человек – это «пастух бытия». Что может означать это слово – пастух? Оно означает то, что мы, люди, не можем застревать в сфере своей обыденности и довольствоваться ею, мы должны заботиться о предельно серьезных вещах, заботиться не только о своем индивидуальном, и даже – социальном, бытии, но и о своей причастности к бытию как таковому. Задача: с-пасти бытие и у-пасти его от на-пастей! А для этого людям следует постоянно помнить о своем космическом предназначении.

Мне представляется, что принцип цикличности Бытия, кстати весьма распространенный в истории философских и религиозных воззрений на мир, способен разрешить целый ряд логических трудностей. В частности, этот принцип предполагает (поскольку, как говорится, у кольца нет конца), что Дело в сути Бытия пребывает вечно. Дело оказывается запрограммированным, заложенным в бытие как его внутреннее состояние. Прав Альберт Эйнштейн: Бог в кости не играет!

«Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует» – заявил в свое время Парменид, создатель самого этого понятия – «бытие». Мне хотелось бы эти слова понимать не только гносеологически, но и онтологически: *Предмет фундаментальной онтологии – это не просто бытие, а осознающее и созидющее себя Бытие.*

Я часто пытаюсь представить себе Бытие как Единое, вне Времени существующее. Как-то в состоянии засыпания мне показалось, что это у меня получается. Вдруг представил, узрел некую огромную пульсирующую спираль – то ли Мозг, то ли Галактику, где каждый атом и каждая душа-монада есть неделимая

Часть этого Целого. Интуиция моя схватила главное: наше бытие подчиняется принципу монизма, оно имеет в своей основе единство духа и материи!

Так ли уж обязательно в картине мира иметь периодически начисто сгорающую Вселенную? – Совсем не обязательно, и более того: гораздо логичнее представить себе, что *все формы её движения вечно сосуществуют в пространстве и переходят одна в другую во времени.*

И в процессе развертывания и бесконечного повторения этой эволюционной *программы сосуществования и восхождения*, главным Делом Бытия оказывается постоянное проявление им идеального и материального отражения – в их единстве! Для того, чтобы быть, Бытие должно иметь достаточно прочное устройство, а для этого – обладать свойством постоянного обновления, оживления.

И поэтому *Мир всегда Ноосфера*, то есть осознающее и укрепляющее себя Бытие. Эту идею лучше всех разработал Анаксагор, возвысив над своими странными гомеомериями Нус, руководящий миром, космосом, организующий элементы из беспорядка в порядок.

Поэтому Тейяр и говорил нам о том, что точка омега или Бог, Абсолют не только ожидает нас где-то в далеком будущем, но Он есть Всегда и Всюду.

Логика бытия является одновременно и логикой покоя, и логикой постоянного развития.

В этом смысле очень важна и интересна мысль А.С.Арсеньева о единстве актуальной и потенциальной бесконечности. Эту мысль в контексте наших размышления можно использовать следующим образом. Идеальный мир существует двояко. В качестве *потенциальной бесконечности* он представляет собой эволюционную цепь совершенствования способов идеального отражения мира внутри так называемых форм движения материи – от неживого к живому и мыслящему. В качестве же *актуальной бесконечности* идеальный мир это – сливающиеся воедино бесконечные

и длящиеся многие миллиарды лет циклы становлений, обновлений мира. Мир существует в измерении Вечности. И нелогично, я бы даже сказал, – глупо и стыдно нам представлять его «без царя в голове», то есть без Бога.

Платон идеальное понимал как эйдос, то есть как внутреннюю форму, имманентный способ бытия вещи, который одновременно есть и идея (то, что нематериально) и идеал (эталон, совершенный образец любой вещи).

Современная интерпретация такого мировидения может быть выражена следующим образом. Эйдос каждой вещи проявляет себя как единство начала и конца ее бытия: единство генетически исходного эйдоса и – высшей формы его проявления. Кстати, такое понимание является не только логическим, но также и довольно наглядным, обоснованием отрицаемого некоторыми философами единства идеального как «чтойности» вещи и идеального как пика её совершенства. На вещь надо уметь смотреть не только в её трех пространственных координатах, но и в четвертой, временной, координате, и тогда мы сможем увидеть её, как настоятельно советуют нам это делать феноменологи, яркой, живой, всесторонней, растущей и борющейся за свое место под солнцем. Сказанное – это и есть объективная и субъективная диалектика в их единстве.

Поэтому диалектика – это не какая-то экзотика или роскошь, без которой можно обойтись. Она есть и форма развития (и устойчивости) мира, и форма адекватного движения нашей мысли по логике этого мира. Когда меня спрашивают, что такое диалектика и зачем она нужна человеку, я отвечаю: диалектика – это форма бытия и форма (стиль) глубокого, правильного мышления. Или еще так: диалектика – это Логос бытия в его становлении и восстановлении и человеческий Разум в его истинном движении и воплощении.

Именно упомянутые выше принципы объективной диалектики и позволяют нам понять и внутренним оком «увидеть» суть процесса развития. Ведь как обычно понимают развитие? – Как

бурное качественное изменение. На самом же деле, это лишь *внешняя* сторона развития. Чтобы преодолеть эту односторонность, мы должны видеть и другую сторону развития, которая состоит как раз в противоположном. Если развитие понимать как движение, происходящее *внутри* бытия, то оно оказывается единственно возможным способом сохранения его (бытия) качества и устойчивости. Именно на эту сторону, как выясняется, и обращены внимание и парадоксальные слова Парменида, заявившего, что Бытие есть, а небытия – нет. И движения – нет!

И это действительно так. Правда, речь идет не о том, что нет движения вообще, а о том, что нет, или не должно быть, такого движения, которое бы уничтожало Бытие. Оказывается, что движение может не только уничтожить бытие единичных вещей или бытие космоса, но и может быть, и является, формой сохранения Бытия. И, кстати, вся эта объектно-субъектная логика перечеркивает аргументы сторонников «философии небытия», которые пытались и до сих пор пытаются формально выявлять некие сомнительные «приоритеты» небытия над бытием. Кому, спрашивается, нужны эти игрушки? Философия вообще не может быть философией небытия. ***Философия – это диалектическое осознание диалектического бытия.***

Часто это осознание выражается в символической форме. Существует множество, так сказать, чувственно-образных философем, отображающих диалектику бытия.

Еще в Древнем Египте существовал символ: змея, кусающая себя за хвост. Этот символ потом получил название Уроборос (греч.: «поглощающая свой хвост»). И означает этот замечательный символ – вечное, циклическое по форме, возвращение Бытия к самому себе. А также – созидание самого себя из самого себя.

Сюда же следует отнести и другие символические знаки и рисунки, например, – вариации на тему шестиконечной звезды, известной ныне, как звезда Давида. Фактически эта звезда состоит из двух взаимопроникающих треугольников с разнонаправленными вершинами и есть не что иное, как символическое

изображение факта вечного, диалектического единства устойчивости и изменчивости, восхождения и нисхождения.

Одним из самых известных и глубоких символов является символ «Инь-Янь». В нем можно узреть содержание всех законов диалектики.

Издавна образы мистической интуиции хранились, как нечто сокровенное, то есть как сокровище, скрытое от непосвященных глаз и ушей – в виде эзотерических знаний. Гермес Трисмегист в своей «Изумрудной скрижали» утверждает: «Шар катится, и никогда нельзя установить, где берет свое начало какая-то история – на небе или на земле. Истине служит тот, кто утверждает, что все они соответственно и одновременно разыгрываются здесь и там, и только нашему глазу кажется, будто они опускаются и вновь поднимаются. То, что вверху, опускается вниз. Но то, что происходит внизу, и не смогло бы случиться, оно, так сказать, не додумалось бы до себя без своего небесного образца и подобия»[34, 112]. Треугольники шестиконечной звезды становятся конусами, а звезда – песочными часами, которые, вращаясь вместе с колесом времени, замыкаются в кольцо (циклоиду) взаимодействия.

Легенда гласит, что Александр Македонский из почтения к этой таинственной фразе, повелел вырезать ее на гранитном надгробии Гермеса Трисмегиста.

Мистики это люди, мыслящие образно, художественно. Однако всё *мистическое*, как сказал Маркс в своих тезисах о Фейербахе, находит свое *практическое* разрешение. Поэтому рано или поздно, но чувственные интуитивные образы взаимопроникающих друг в друга треугольников и конусов, вращающихся колес и проч. будут проверены и конкретизированы практикой и выражены в рациональной форме.

Но уже и сейчас, в наше время, налюбовавшись всеми этими символами, мы должны идти дальше и освободить себя от «эпохэ» – воздержания о суждении об объективном бытии предмета, на который направлен тот или иной феноменологический образ. Тем более, что бытие этого предмета – само Бытие. Хочется

узнать, или хотя бы с достаточной степенью достоверности предположить, чем именно обеспечивается эта гениальная циклическая Логика Бытия.

М.Хайдеггер, интерпретируя онтологические поиски Ф.Ницше, полагает, что его «учение о вечном возвращении того же самого и учение о воле к власти образуют глубочайшее единство» И это – единство сущего и бытия. «Воля к власти» «характеризует основную особенность сущего». Воля к власти есть «воление, а потому становление». Но что такое *бытие* этого сущего? Иными словами, «что такое сама воля к власти и как она проявляется? Ответ: Это вечное возвращение того же самого» [40, 9].

Следует признать, что совместные усилия Ницше и Хайдеггера как его интерпретатора уже являют собой своеобразную попытку философского теоретического объяснения мистических символов: есть некое тождественное самому себе Бытие («то же самое»), постоянное возвращение к которому и обеспечивает «воля к власти» как вечное и присущее всему на свете движение становления. Хайдеггер как бы «подсказывает» Ницше, что философское произведение требует обращения к философским категориям, к таким, прежде всего, как «бытие» и «сущее», «становление» и «неизменность». Однако, как мне представляется, эти категории все же так и остаются на заднем плане реставрированной Хайдеггером онтологии Ницше. А на переднем плане мы снова видим символ под названием «воля к власти». Символичен у Ницше и Хайдеггера и источник этого «воления»: некто «Могущественнейший», периодически переворачивающий «песочные часы» и этим обеспечивающий начало нового цикла становления. Выходит, что суть одних символов объясняется другими символами, что, по убеждению М.Мамардашвили, является характерным признаком мифологического мышления [21, 265].

Да, все подобные символы необходимы человеку в его познании Бытия, но они носят промежуточный характер и для своей конкретизации требуют дальнейшего философского, категориального обоснования.

Чем же обеспечивается циклическая Логика Бытия? Мой общий ответ: она обеспечивается наделением вещи – всех и каждой – способностью развивать свой особенный способ бытия в форме присущего ей единства идеального и материального. Этот особенный способ бытия (формирования, функционирования) и есть то, что мы называем сущностью. Таким образом, моё понимание онтологии базируется на сущностном тождестве единичного и всеобщего. Образно говоря, любая часть Вселенной является в сути своей ее образом и подобием. В этом и состоит главное содержание Космической Божественной программы развития. Любая вещь устроена так, что стремится (вынуждена) согласовывать, гармонизировать свой эйдос со своим материальным носителем и воплотителем, а вместе они стремятся согласовать свое бытие с окружающим эту вещь миром. И в этом состоит внутреннее противоречие вещи, благоприятное решение которого и даёт ей возможность прочного (разумного) существования и победы в отборе Природой наиболее удачных вариантов форм отражения бытия.

Еще раз привожу фрагмент из беседы Платона об идее Блага: «Так вот, *то, что придает познаваемым вещам истинность*, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины». Курсивом я выделил слова, которые корреспондируются со сказанным выше относительно логики участников эволюционного процесса: Благо в онтологическом плане заключается том, что единство эйдоса и его материального воплощения способно достигать идеального состояния, которое (здесь у Платона полная переключка через века с Гегелем) придает вещам истинность как соответствие вещи своей идее.

Очень важно понять, что по мере восхождения (к точке Омега) форм диалектического тождества материального и идеально-

го меняется и сам способ осуществления этого тождества. Как говорил Г.С.Батищев, нам следует «вникнуть в развитие самого способа развития». В высших своих «этажах» это уже не враждебное отбрасывание от себя или же поглощение иных тел и их систем, а наоборот – дружественное притяжение их к себе и себя – к ним. Диалектика любви, дружбы и сотворчества. В этом и состоит то, что на религиозном языке называется требованием и исполнением «Воли Отца Небесного». Этой великой свободной Волей очерчен круг бытия человека, из которого он не должен выходить – это круг мира Любви. И именно эта диалектика любовного притяжения людей друг к другу и к Абсолюту и порождает ноосферу.

В чем источник возникновения этой высшей формы диалектики – диалектики творчества и любви? В том, что в процессе эволюции наряду с развитием *индивидуального начала* постоянно «шла с ним рядом», развивалась и совершенствовалась и диалектически противоположная форма – *начало коллективности*. Эта форма и была изначально предпосылкой возникновения диалектики любви и творчества. Тот феномен «сотрудничества монад», который для отношения человека и природы фиксируется в выдвинутом Н.Н.Моисеевым понятии «коэволюция», имеет свою предысторию. Ведь уже на самых ранних стадиях развития возникают «сообщества» атомов, молекул, минералов, горных пород, живых клеток, стадных образований животных, и, наконец, – человеческих сообществ. Как выразился Тейяр де Шарден, перед нами разворачивается движение от «простой прелюдии» «к значительно более развитой эволюционной солидарности».

Поэтому переход в ноосферу (с новым способом информационного общения – компьютерная техника плюс подключение резервов мозга множества людей) совершенно необходим. Анализируя учение В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере, М.Б.Туровский и С.В.Туровская пишут: «Подобно тому как живое, преобразуя косное, создает биосферу – человечество, преобразуя биосферу, создаёт ноосферу. И если давление живого вещества в биосфере осуществляется через размножение, то научная

мысль, создавая технические устройства, приводит к новой организации биосферы (курсив мой. – А.И.)» [37, 96]

Развертывание логики созидания и обновления Бытия помогает понять, что такое ноосфера как потенциальная и актуальная форма Бытия, в чем состоит причина ее неизбежности и неодолимости. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что переход человечества к ноосфере нельзя понимать как всего лишь процесс и результат наведения порядка в общении человека с природой и обществом. На самом деле эти упорядочивание и гармонизация рано или поздно, но должны привести к качественному изменению самого человека.

Несомненно то, что мышление каждого человека в ноосфере будет чрезвычайно облегченным тем обстоятельством, что любую информацию можно будет получать мгновенно, как свою собственную – одним усилием воли. Но не это, пожалуй, является главным в будущем изменении качества процесса мышления. Главное будет состоять в том, что процесс понимания сможет быть облегчен тем, что при желании можно будет на любой предмет посмотреть «глазами» любого, самого выдающегося знатока этого предмета и, со временем, может быть – сразу нескольких. А при развитии этой способности не исключен выход на *общечеловеческий* «взгляд» на любую проблему: ноосфера станет единым мыслящим «океаном», при одновременном сохранении самостоятельности каждой души, каждого отдельного внутреннего мира.

Именно в этом смысле следует понимать интуицию Тейяра о том, что каждое отдельное сознание, войдя в состав ноосферы, станет самим собой еще в большей мере. А быть самим собой для человека (в отличие от животного) – это постоянно выходить за свои непосредственные пределы. Сохраняя себя как итог неповторимого фокусирования всего бесконечного мира, каждое отдельное сознание в то же время сможет беспрепятственно выходить за свои пределы в мыслящий океан ноосферы, обогащая свое Я.

Именно эту качественно новую форму мыслящей системы, долженствующую возникнуть на пути ее к точке Омега, я и называю Объединенным Разумом. Это – Потенциал Разума, или Интегральный Интеллект не в переносном, а в буквальном смысле. Атрибут Объединенного Разума – способность мыслить и действовать как единое целое.

Таким образом, все размышления по поводу соборности, полифонирования и подобных способов человеческого бытия имеют своей идеей и идеалом именно *ноосферу, как идеальное состояние развертывания человеческой сущности*. Иными словами, *ноосфера это – аттрактор (канал эволюции человечества), и цель, детерминирующая историю человечества*.

Сущему «бытию к смерти» (М.Хайдеггер) мы должны противопоставить *должное* «бытие к жизни», бытие как восхождение к высшим уровням Ноосферы.

Сложный Логос бесконечного и вечного мира требует и от нашего мышления принципиально неординарных логических усилий. Конец Света это одновременно Вечность Света. «Зачем отыскивать в начале эволюции какой-то очаг, если этот очаг может и должен однажды потухнуть?.. Чтобы удовлетворить высшим требованиям нашего действия, Омега должен быть независим от гибели сил, которые ткнут эволюцию». Это – слова П.Тейяра де Шардена. Божественная «точка омега», точка притяжения, к которой ведёт видимый нами канал эволюции, и *будет* в конце этого аттрактора, и одновременно *всегда есть*. А Бытие Мира с завершением каждого цикла его существования становится всё более совершенным, становится всё в большей степени Ноосферой – Сферой Разума и Справедливости. Таким образом, наш Мир не просто *является* наилучшим из возможных миров (Лейбниц), а *вечно становится* таковым, бесконечно приближаясь к Идеалу.

И вот о чем я непременно должен еще и еще раз сказать: если предположить возможность эволюционного совершенствования очень важного процесса слияний и взаимного дополнения от-

дельных личностных мировидений, то отсюда сразу же следует, что Высший Разум, конечно же, имеет изначальную и вечную способность общения с людьми – через их органы чувств и сознание. Для того, чтобы избранные могли понять, что то, что они ощутили, это не пустые грёзы, а действительный контакт с Богом, Он оставляет следы своего «разговора» с каждым из них в виде цепочки, иногда совершенно невероятных, случайностей, однозначно определяющих судьбу этого человека. И сказав это, я хочу подчеркнуть, что *в этом состоит одновременно и моя Вера, и мое Знание, и своеобразное доказательство Бытия Божия.*

Мы называем мышление идеальным (мысленным) движением нашего сознания по логике предмета, но мы должны понять и помнить, что мы не ограничиваемся одним лишь идеальным движением, оно сопровождается вполне материальным движением и отдельно взятой личности и человечества в целом: движением-восхождением в сторону Сферы господства Разума и Нравственности, а следовательно, – Сферы Прозрачности и Несокрытости (Алетейи), то есть – Истины. Мы не только обладаем диалектическим методом, впитывающим в себя неисчерпаемую Объективную Диалектику, но и активно и творчески участвуем в ней.

Блез Паскаль писал: «Итак, всё наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом – основа нравственности...». Учитывая потенциальные возможности эволюции в области материальной культуры, мы можем предположить, что Паскаль ошибался, принижая физические возможности человека, но его заключительные слова из приведенного знаменитого высказывания о «мыслящем тростнике» весьма важны в утверждении нас в мысли о том, что разум и нравственность неразделимы друг от друга и ноосфера всегда является и этосферой.

Рассмотрение бытия человека в контексте восходящего эволюционного процесса проливает новый свет на гегелевскую фор-

малу «истина есть процесс». Практика как критерий истины распространяется далеко за пределы социума, сливаясь с Практикой мысляще-совершенствующегося Бытия Космоса. И отсюда мой категорический ответ всем агностикам и скептикам: Мир познаваем (и одновременно – созидаем) в процессе умнения мыслящего субъекта: то, что неспособен «увидеть» и свершить современный человек, обязательно увидит и свершит человек ноосферы.

Объективная диалектика есть логика постоянного обновления познания и действия. Следовать объективной диалектике и служить ей – вот непреходящая цель человека, – повторял Г.С.Батищев. И служение это – не покорное и вынужденное исполнение слугой непонятных ему повелений господина, а свободное сотворчество с Ним. Ноосфера должна пониматься как познанная необходимость, то есть как свобода. К ней идут не по принуждению, а по осознанной доброй воле.

Поэтому определение свободы должно звучать так: *свобода человека есть познанная и принятая им как руководство к действию (творчеству) космическая необходимость.*

Реальными ориентирами в стремлении человека к свободно-му развитию и подлинному счастью служат три идеальные вершины. Это – **Гений, Герой и Святой**. Далеко не каждый способен достичь этих вершин, но уподобляться им как ведущей идее – способен и обязан каждый человек. Самым же высоким ориентиром для человека выступает синтез всех достоинств этих духовных вершин – **Богочеловек**. В этих своих размышлениях, я базируюсь на работах Н.В.Хамитова, чье учение во многом гениально моим взглядам на мир.

Учение о ноосфере Тейяра есть христология. Призыв Богочеловека ко всем людям следовать за Ним есть призыв к сущности человека как Тут-Бытия к восхождению к Богу как Универсальному, Всеобъемлющему Бытию. При этом Путь этот – это не только путь индивидуального спасения, но путь восхождения и спасения всего человечества. Выражаясь словами Назипа Хамитова, «*Тайна Христа заключается в том, что он есть Богочеловек, предложивший всем путь Богочеловечества*» [42, 306].

НООСФЕРА КАК ЦЕЛЬ И СПАСЕНИЕ

Идея-фикс всех моих публикаций о ноосфере состоит в следующем. Мировой Космос не переходит в хаос небытия благодаря усилиям всех уровней мыслящих систем космоса, в том числе и человека. Как говорил Николай Бердяев, не только человеку нужен Бог, но и Богу нужен человек. Но не любой человек, а человек, соответствующий заложенной в нем идее – быть разумно мыслящим и, соответственно, – разумно действующим существом. Современный человек в массе своей действует не разумно, а хаотично, то есть не соответствует своей идее. У него нет стратегии жизни, за деревьями он не видит леса. На религиозном языке это называется – не слышать Слова Отца Небесного и не исполнять Его Воли. На философском языке это состояние Гераклит выразил как неспособность большинства людей слышать и понимать голос Логоса, главного закона Бытия. Через два с половиной тысячелетия Г.С.Батищев это застарелое печальное упомощение обозначил понятиями «своемерие» и «своецентризм».

Ошибка всех материалистов, особенно тех, кто претендует на роль пророков и организаторов будущего, состоит в том, что они думают, будто человек способен самостоятельно, согласно собственному плану, добиться нового, справедливого устройства общества. Человек понимается ими как исключительно социальное, но не как космическое существо.

Изывав из философского мировоззрения людей правильное понимание идеального, принцип целенаправленности эволюции и идею Абсолюта, «властители дум», в основном, – явные или неявные приверженцы материалистической и атеистической ориентации, сделали ставку не на Богочеловека, а на человекобога. Провозглашенный ими лозунг «Бог умер», породили множество таких человекобогов – фюреров и вождей. Их лозунг: Если Бога нет, то всё позволено! И в том числе, позволены любые эксперименты с человеком и человечеством.

К каким бедам привели все эти бесчеловечные эксперименты – хорошо известно. Закономерный эволюционный процесс всеобщего нарастания сознания был преднамеренно искажен

революционно-террористическими формами развития. Нетерпение и нетерпимость – самый большой грех идейных и государственных лидеров XIX и XX столетий, а также и грех слепо доверившихся им масс: он привел мир к агрессивности и глобальной порче породившей нас природы и природы человеческой души.

Идея-фикс, как я ее назвал в начале данной публикации, – это не мое изобретение, это идея, которую, или – отдельные аспекты которой, я ищу и прослеживаю во всей истории философии, а также обосновываю правильность этой идеи, известной как идея разумного управления миром со стороны Мирового Разума – Нуса и идея управления земной природой и человеческим обществом со стороны Человека-Разумного, выращиваемого в процессе космической эволюции. В массе своей человек пока не достиг уровня Человека-Разумного.

Я уверен в том, что Программа Космической, Божественной эволюции мудрее и сильнее, чем дьявольские попытки сбить человека с пути истинного. Радует то, что тело ноосферы уже создано – это совокупность современной техники и современных технологий, особенно – информационных. Как говорил академик В.И.Вернадский, – «Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [6, 509].

И еще слова великого ученого: «Я смотрю на всё с точки зрения ноосферы и думаю, что в буре и грозе, в ужасе и в страданиях стихийно родится новое прекрасное будущее человечества» [5, 211].

«Не замечая этого», «стихийно родится». Эти слова говорят о том, что движение к ноосфере источником своим имеет силы, находящиеся вне помыслов массового человека. Эти слова произнес один из мудрейших и благороднейших людей нашего времени, переживший во врангелевском Крыму длительное пограничное между жизнью и смертью состояние во время своего заболевания сыпным тифом. И это экзистенциальное пограничное состояние принесло Владимиру Ивановичу серию четких, логически взаимосвязанных интуитивных озарений (откровений) о ноосфере как цели человеческого развития и о его личной роли в

разработке и воплощении этой идеи в жизнь. Человек ноосферы получил сигнал из Ноосферы. Почитайте его дневники, сейчас они доступны.

Есть у Вернадского и такие слова: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять разум и свой труд на самоистребление»[6, 509]. И еще великий ученый говорил следующее: «Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы»[6, 509]. Это означает, что если идея ноосферы не будет воспринята как своеобразный категорический императив, то человеческой цивилизации грозит гибель. Самоистребление!

Итак, нам предстоит, как говорил Аурелио Печчеи, *измениться или исчезнуть*. Космическая Программа эволюции предусматривает и обеспечивает переход биосферы в ноосферу, но упрямство и недалекость человечества может привести его к самоуничтожению.

Однако пессимистический сценарий в последнее время наполняется для меня оптимизмом и надеждой в связи со знаковым феноменом Д. П. Ассанжа, основателя WikiLeaks, и, в целом, – в связи с проявлением могущества сетей Интернет в организации мощнейших всплесков массовой активности людей, направленной на борьбу за поправленную справедливость. Количественные изменения в области информационной техники рождают новое качество жизни. На этом фоне мы можем уже размышлять о новых возможностях приближения эры Ноосферы. В частности, я высказал в интернете мысль о возможности начала, в новых условиях, серьезной повсеместной кадровой мирной революции, направленной на создание духовной (она же – управленческая) элиты, фактически являющейся партией первопроходцев-спасателей и создателей совокупности разумно устроенных сообществ, то есть ноосферы.

Изложенная в данной книге-эссе **идея-фикс**, по моему глубокому убеждению, является тем содержанием, который заложен в одном из значений этого слова: **сверхценная идея**. У моих пу-

бликаций есть читатели, раздраженно называющие их бредом. Да, другое значение слова «идея-фикс» – это навязчивая идея. Различие между первым и вторым значениями данного слова состоит в том, что подлинно сверщенная идея носит объективный характер, тогда как «бред», навязчивая идея – это нечто выдуманное, субъективное. Разумный и непредвзятый человек легко может отличить субъективное от объективного по литературному стилю автора, по форме логики его мышления и по наличию у него опоры на серьезную философскую традицию.

Я специально не называю в этом разделе своего очерка ни одного из имен известных политических деятелей, поскольку сам факт моей критики их теоретических и практических деяний вызывает у их последователей совершенно неадекватную реакцию. А главное – попытку уйти от обсуждения главной мысли моих публикаций с помощью «перевода стрелки» на мои действительные или мнимые ошибки в понимании мудрых мыслей и дел их кумиров.

Думайте, люди! И не сотворяйте себе кумиров! И не наливайте новое вино в старые мехи. Прошу вас!

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА НООСФЕРУ

По Гегелю, каждая философская система есть постижение современной ей эпохи в понятии. Но надо помнить, что постижение это всегда происходит в спорах и противоборстве. Так, можно видеть, сколь противоположные позиции проявили себя в столкновении основных идей относительно сущности свободы, гуманизма и человеческих ценностей в работах таких выдающихся философов XX века, как Ж.-П. Сартр и М. Хайдеггер.

В своей статье «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартр выражает характерную для экзистенциалистов точку зрения, согласно которой человек, появляясь на свет божий, характеризуется всего лишь существованием, а сущность свою он, в силу присущей ему свободы выбора, в течение всей своей жизни вырабатывает (или – не вырабатывает) самостоятельно и

независимо от каких-либо императивов. И в предоставлении человеку возможности развиваться так, как он сам пожелает, и заключается, по мнению Ж.-П.Сартра, суть гуманизма.

В своей статье «Письмо о гуманизме» М.Хайдеггер раскрывает и обосновывает точку зрения, резко оппозиционную философским воззрениям Ж.П.Сартра. Известно, что со временем М.Хайдеггер даже стал возражать против того, чтобы его называли экзистенциалистом. И причина такого протеста весьма принципиальна: М.Хайдеггер был уверен в том, что «эк-зистенция» (именно так, с дефисом. он, в отличие от экзистенциалистов, писал это слово) это не просто возможность приобретения сущности, а это и есть сама сущность человека. «Человек *есть* в той мере, в какой эк-зистирует». Человек никогда не должен забывать, что он не софистическая мера всех вещей, а всего лишь «просвет бытия», «тут-бытие». «Человек не господин сущего. Человек пастух бытия». Человек должен быть постоянно озабочен познанием истины бытия и сбереганием бытия. Он не может себя отрывать от Бытия как такового или противопоставлять себя ему. М.Хайдеггер не оперирует выражением «свобода есть познанная необходимость», но фактически проповедует именно такое понимание свободы, тогда как у Ж.-П.Сартра, вне зависимости от того, хотел он этого или нет, свобода выглядит как произвол. Поэтому, считает М.Хайдеггер, сартровское понимание свободы может привести и, как мы знаем, действительно приводит, к победе субъективизма, антропоморфизма, а это создает современные глобальные проблемы, влекущие человечество к гибели. Современный человек по многим показателям отчужден от самого себя, и поэтому подлинный гуманизм заключается в том, чтобы помочь человеку вернуть себе самого себя.

Кстати, М.Хайдеггер считает, что нам всем не мешаетшний раз задуматься о самой категории «ценность», которой мы оперируем с удивительной легкостью. М.Хайдеггер пишет: «... Пора понять, наконец, что именно характеристика чего-то как «ценности» лишает так оцененное его достоинства. Это значит: из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает су-

ществовать только как предмет человеческой оценки. <...> Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Она оставляет существу не быть, а – на правах объекта оценки – всего лишь считаться. В своих странных усилиях доказать во что бы то ни стало объективность ценностей люди не ведают, что творят. Когда «бога» в конце концов объявляют «высшей ценностью», то это принижение божественного существа. Мышление в ценностях здесь и во всем остальном – высшее святотатство, какое только возможно по отношению к бытию».

Как же нам избавиться от такого «святотатства»? Только путем преодоления сугубо социального, а тем более – субъективистского, понимания человеческих ценностей. Согласно выдающемуся философу современности Г.С.Батищеву, мир ценностей укоренен в беспредельной и неисчерпаемой объективной диалектике: «...надо взять не только всю иерархию субъектных целей, а и всю многомерность стоящих за этими целями и над ними и ориентирующих всякое целеполагание ценностей (можно было бы сказать: аксиологических содержаний, если только лишить этот термин всякого созвучия и всякой связи с субъективистским аксиологизмом)» [1, 105].

Итак, от субъективистского аксиологизма – к непреходящим ценностям Бытия, ориентирующим любое наше целеполагание! Для того, чтобы мудро, то есть гармонично, жить в неисчерпаемом, развивающемся, противоречивом мире, нужно обязательно соответствовать этому миру, знать его основные законы и подчиняться им. Совпадающая с логикой Бытия ценность, как сущностная характеристика смысла жизни и отдельной личности, и человечества в целом, определяет собою и исходную и главную их жизненную позицию.

Для человека верующего сказанное выливается в высший категорический императив: исполнение Воли Отца Небесного. В философской терминологии это означает поиски и совершенствование такого метода мышления и поведения, который соответствовал бы закону Бытия (Логосу). В правовой же системе главной ценностью несомненно должно быть право человека в

мире отчуждений и соблазнов оставаться человеком, не терять своей сущности и развиваться в истинном направлении постоянного духовного обогащения. Право и государство максимальной своей воли и деятельности обязаны иметь не абстрактный, а конкретный гуманизм.

В связи со сказанным, хочется подчеркнуть, что в наше сложное время очень важным, объединяющим всех людей, направлением развития человеческого мышления и действия должно стать неуклонное возрастание единства Веры и Знания. Одним из важнейших проявлений такого единства является творчество выдающегося ученого, философа и теолога – Пьера Тейяра де Шардена.

С появлением термина «аксиосфера» в философской литературе с катастрофической скоростью стало множиться количество аксиосфер: аксиосфера культуры, аксиосфера личности, аксиосфера современного учителя, аксиосфера краеведения, аксиосфера гендерного статуса и т.д. и т.п. Но неужели главная задача исследования проблем ценности человеческого бытия заключается в изучении многообразных видов их проявления, а не их системного единства?

Хотелось бы обратить внимание на весьма знаменательное совпадение. Термин «аксиосфера» был создан по формальной аналогии с терминами «биосфера», «ноосфера», «семиосфера». Но, как нам представляется, один из этих терминов, а именно – ноосфера, в самом буквальном, содержательном смысле является главной целью и главной ценностью развития человека. И, если это так, то аксиология права – это тот аспект аксиологии, который связан с решением проблемы обеспечения, с помощью государства и права, условий для того, чтобы человек мог свободно творить сферу разума как внутри себя, в своей душе, так и в окружающей его действительности..

Я убежден в том, что в философии необходимо возродить принцип телеологичности и для этого, прежде всего, использовать идею П.Тейяра де Шардена о ноосфере как цели направленного развития (ортогенеза) сознания. Тейяр уникален тем, что

свои обобщения построил на единстве научных знаний и глубоких религиозно-философских интуиций. А отсюда следует, что задачей современной философии является глубокое исследование и широкое использование учения Тейяра де Шардена.

Итак, следует исходить из того, что верховной ценностью является деятельность, направленная на строительство ноосферы, а также сама ноосфера, как система качественно новой жизни человечества. Попробую перечислить те первостепенные права, которые, как мне кажется, вытекают из уяснения человеком своего места в эволюционном процессе ортогенеза сознания. Итак, это:

Право на строительство разумного общества, сферы Разума. Право умных, порядочных и смелых людей руководить обществом. Право человека на прозрачность и честность выборов своих представителей. Право на обеспеченность подлинной и глубинной кадровой революции – надежной компьютерной, информационной техникой. Право на жизнь как право на решение обществом глобальных проблем и как право на доброкачественность информации. Ведь всё живое живет в поле информационных потоков. Истинная информация – это жизнь, лживая информация – это деградация и смерть. Необходимо всю систему права нацелить на разоблачение и наказание распространителей злонамеренных слухов, полуправды и откровенной лжи. Это – уголовные преступники.

Все перечисленные выше права человека являются важнейшими условиями *справедливости*, которую Н.Н.Алексеев ставит в центр внимания правовой аксиологии. Однако, если мы возьмем данный тезис в отрыве от реалий действительности, он неизбежно превратится в нечто весьма абстрактное. Добавим к сказанному, что конкретизация понятия справедливости как ценности требует от нас возвращения к Платону с его пониманием справедливости: обществом должны управлять мудрецы, профессионалы в области управления человеком и обществом. Да разве дело в одном лишь Платоне?

Ни одна из великих мыслей философии не исчезает бесследно и окончательно. Древних философов не бывает, просто фило-

софы всегда видят (обязаны видеть) дальше других людей, они видят то, что существует за горизонтом, и поэтому часто остаются непонятыми их современниками. На современную нам жизнь нужно как бы посмотреть глазами всех мудрецов всей истории философии. Нужно благожелательно переосмыслить не только идею идеального государства Платона, но и идею Канта о вечном мире. Нужно вдуматься в категорический императив Канта и, лишив его формальности и насытив содержательностью, сделать действенным методом человеческой жизни.

Если внимательно читать размышления Платона, Й.Фихте, Г.Гегеля, И.А.Ильина о государстве в его идеально возможном воплощении, то можно отчетливо увидеть, что идея ноосферы как сферы господства Разума над бездумной чувственностью и хаосом в мыслях и деяниях человека появилась задолго до того, как она оформилась в XX веке в трудах Э.Леруа, П.Тейяра де Шардена, В.И.Вернадского, Н.Н.Моисеева и др.

Следовательно, идея ноосферы, начиная с ее создателя Анаксагора, даже утрачивая свое терминологическое оформление, всегда, тем не менее, сохраняла свое великое содержание и рожденный им призыв к человеку: неуклонное развитие разума для создания разумного способа существования и развития человека. В этом и состоит верховная ценность человеческой жизни, совпадающая с Логосом Бытия.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО НООСФЕРЫ

Часто ноосферой называют биосферу, в которой уже появился и живет человек. Даже есть в современной литературе такой термин – «био-ноосфера». Я же в своих публикациях чаще всего термин ноосфера употребляю для обозначения системы явлений, завершающей бытие современного человека и характеризующейся совершенно новым качеством жизни и мышления. Для того, чтобы не запутаться в таком двойном понимании ноосферы, следует понять, что речь и в первом и во втором случае идет об

одном и том же, но только зафиксированном в разных исторических моментах его существования.

Представьте себе растение, например, – яблоню, развивающуюся не из саженца, а, как в природе, – из зернышка. Сначала над поверхностью появится и будет тянуться вверх маленький, беспомощный росточек, затем сформируется маленькое деревце и тоже будет тянуться вверх и утолщаться, на нем появятся листики, потом – цветочки, а из цветочков, после их опыления созреют яблочки. Таким же образом, то есть в развитии, можно и нужно представлять себе и ноосферу: вначале этим именем мы обозначаем всего лишь возникновение и присутствие в биосфере человека, который хотя и обладает мышлением, но использует его часто не только на пользу, а даже и во вред биосфере. Это, так сказать, росток ноосферы, а вот яблочко – это та финальная, по Тейяру де Шардену, «точка омега», та стадия развития человечества, которую мы назовем ноосферой не из-за одного лишь факта присутствие в ней мыслящего существа, а потому, что это действительно сфера разумной и нравственной жизни.

В начале такого исторического процесса эйдос человека – способ существовать как «Человек разумный» – дан лишь как формальная возможность. Преодолевая внешние и внутренние деструктивные противоречия, выращивая свое специфическое единство идеального и материального (духовной и материальной культуры), эта возможность может превратиться сначала – из формальной в реальную возможность, а затем и в действительность.

Вот почему эйдос любой вещи, если есть такая возможность, мы должны рассматривать в единстве его как идеи (эталона, энтелехии) этой вещи и как зрелой формы воплощения этой идеи. Это то, что я называл на страницах этой книги как идеальное идеального.

Именно этот момент перехода реальной возможности ноосферы в ее действительность я и хочу рассмотреть здесь, в этом заключительном параграфе своей работы, названном мною «Историческое начало ноосферы».

Проявление первородного греха человека состоит в том, что он всю свою историю мечется между желанием физических наслаждений и потребностями в творчестве, для которого он годится, только будучи достаточно независимым от аффектов. Почему я употребил здесь слово «грех»? Да потому, что нельзя в жизни путать местами важность ценностей и приоритетов. Главное все же для человека – его включенное в Логос космическое предназначение, заключающееся в развитии своего разума и в применении его в наведении порядка внутри своей души и в окружающей природе, данной человеку для мудрого управления ею.

А до человека дошло (услышал где-то) лишь то, что он – царь природы, а раз так, то может делать все, что ему заблагорассудится. Не проявив чувства ответственности, связанной со своей «царской» должностью на земле, человек своим неразумным мышлением и действием испортил и внешнюю, породившую его природу Земли и свою внутреннюю природу. Человеческое, слишком человеческое! – негодуяще и осуждающе восклицал Ницше, еще не предполагая, в каких гнусностях и самоуничтожительных катастрофах это «человеческое» себя проявит. «Пять с лишним сот лет Европа обманывает себя, стремясь к царству гуманизма, либерализма и будто бы христианских принципов, отходя в то же время все дальше и дальше от истины христианского вероучения. Этот путь привел к идеологии абсурда – прямо-му следствию попыток смазать и затмить христианскую истину, приспособить ее к новым, земным, гуманистическим принципам. Идеология абсурда снова доказывает, что истина эта абсолютна и непреложна: если не она – то истины нет вообще. А если истины нет, если мы не должны принимать Христово учение безоговорочно и буквально, если Бог умер, если нет бессмертия, то существует только видимый нами мир, который абсурден, который есть ад» (Иеромонах Серафим (Юджин Роуз).

Абсолютно соглашаясь со словами замечательного духовного писателя, богоискателя, обретшего в православии учение об истинном Боге, хочется, однако, спросить себя: на кого же нам, кроме самого Бога, остается в такой ситуации уповать? По-видимому, –

не на испорченного же соблазнами человека толпы, а на Истинного человека, то есть на человека, который, несмотря ни на что, соответствует своему эйдосу «быть Человеком Разумным». Раньше такой Человек появлялся в «штучных» экземплярах в виде гениев, героев и праведников, мало кто из которых прижизненно был с благодарностью принят большинством людей.

Теперь пришло время собирания воедино не только подобных великих людей, а и просто людей умных и порядочных. И этот процесс и есть основа создания Ноосферы – качественно новой формы мыслящей системы Природы. Ноосфера – это и есть Сверхчеловечество в его действительности.

Я думаю, что «вход» в эту систему бытия будет основан на полной транспарентности (прозрачности), и поэтому, как я уже сказал выше, с большой надеждой всматриваюсь в такие явления, как деятельность сайтов типа WikiLeaks, и усматриваю в этих событиях начало очень важного момента качественного преобразования человечества. Меня не интересует содержание просочившихся в интернет сообщений, мне важен сам факт, вселяющий надежду на то, что он знаменует собой начало становления такой обстановки, которая не будет позволять политикам создавать и пестовать эгоистические коварные и опасные для человечества планы. И мне кажется, что правоту этой моей надежды подтверждает еще и абсолютно неадекватная, несоразмерно мощная ответная отрицательная реакция власть имущих на публикации Ассанжа. Почувствовали удар в солнечное сплетение: зачем им нужна будет власть, если у них будет отнята Тайна?!

И наконец, главное: начало строительства Ноосферы и будет началом массового перехода от частной собственности к общественной, а значит, – реализацией социалистических и коммунистических идеалов, но реализацией подлинной, а не мнимой, каковой она до сих пор была из-за отсутствия необходимых для этого условий.

Самой большой ошибкой К.Маркса и марксистов было то, что роль человека в историческом процессе перехода от капитализма к социализму была ими абсолютно искажена. Прежде

всего, я имею в виду пагубную идею диктатуры пролетариата и абсолютизацию роли насилия («повивальная бабка истории») как главного метода ее установления и функционирования. Пагубной я эту идею называю в силу ее неопределенности, позволяющей объявлять необходимость такой диктатуры и насаждать её посредством насилия в любом месте, в любое время и посредством любого человеческого материала.

Почему марксисты отказались от союза с религией? Говоря в общем, потому что она никак не совмещается с их антропоцентризмом. В частности же, – и потому, что она в принципе отрицает путь к справедливости через насилие. Отказ от союза с религией дает и старым и новым революционерам возможность игнорировать призыв Христа прекратить руководствоваться древнейшим принципом «око за око, зуб за зуб» и быть способным терпеть и прощать, подставляя, образно говоря, при ударе по одной щеке вторую щеку.

Допустим, эта мудрость – «Ударившему тебя по щеке подставь и другую... (Лук., 6:29) – была слишком сложна и даже невыносима для пылающего справедливым гневом революционера. Однако идея насилия, которой теоретики марксизма придали статус абсолютной истины, и в философском наследии на самом деле таковой не являлась и была получена ими не на основе диалектического, а на основе позитивистского метода мышления, абсолютизирующего эмпирическое бытие: «раз всегда было так, то и дальше будет то же самое». Раз всегда переход к новому общественному строю совершался с помощью кровавого насилия, то и дальше будет точно так же. Почему бы Марксу не прислушаться к Канту с его уверенностью в том, что рано или поздно, но право силы обязательно будет заменено силой права? Человеческое ли это занятие – постоянно вступать в кровавые войны и революции? Г.С.Батищев абсолютно прав: на смену низшей диалектике бескомпромиссной вражды обязательно должна прийти высшая диалектика – диалектика любви и сотрудничества.

Не надо и Льва Толстого до сих пор представлять таким наивным идеалистом. Пример тех политических деятелей, кото-

рые считали себя его учениками, то есть сторонниками так называемого непротivления злу насилием, весьма оптимистичен. Махатма Ганди и – освобожденная от английских колонизаторов Индия, Мартин Лютер Кинг – и завоевание потомками рабов статуса равноправных граждан США. Благородная цель подразумевает и благородные же средства движения к ней. Зачем, например, подражая варварским обычаям, физически истреблять уже побежденных врагов? Почему бы своими благородными идеями не превратить их в своих друзей? Да что тут говорить, сейчас остается только учиться на опыте истории и не повторять ее трагических ошибок. Надо хорошо понять: оружие трудящихся в их борьбе за право иметь разумное и справедливое устройство общества – не револьвер, не бомба и даже не булыжник, а интернет, мирные многотысячные демонстрации, забастовки, байкоты и прочие разнообразные акции протеста. Протеста, прежде всего, против навязывания меньшинством в качестве кандидата во власть своего представителя, который будет отстаивать не интересы всех трудящихся и законопослушных граждан, а исключительно интересы этого меньшинства.

В тексте гимна «Интернационал», на мой взгляд, есть одно очень правильное и актуальное четверостишие: «Лишь мы, **работники** всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право, но **паразиты** – никогда».

Но кого следует называть работниками и кого – паразитами? Первые – это все, абсолютно все работники умственного и физического труда, занимающиеся полезными и необходимыми для всесторонней человеческой жизни, делами. Это рабочие и работодатели, крестьяне и бригадиры, министры и президенты, банкиры и клерки, учителя и врачи, юристы и писатели, ученые и программисты, художники и композиторы, певцы и танцоры, руководители и рядовые и т.д. и т.д.

И этой «великой армии труда» противостоят паразиты всех мастей: уголовные и финансовые преступники, тунеядцы и мошенники, коррумпированные чиновники и т.д.

Работники и паразиты. Только эти два класса являются непримиримыми антагонистами. И сейчас, с начавшейся явной активизацией общественной деятельности и с появлением новейшей информационной техники, есть надежда на поражение класса паразитов, и, самое главное, – на изгнание их с руководящих постов не физическим принуждением, а путем лишения этих постов коррупционной привлекательности. Остальные классы, классы трудящихся способны жить в мире и согласии друг с другом, а возникающие между ними противоречия несомненно должны и могут решаться цивилизованным способом.

Противоречия могут быть неантагонистические и антагонистические, то есть конструктивные и деструктивные (термин взят мною у Н.Хамитова). Грубейшая ошибка марксистов в том, что они этого не понимают или же делают вид, что не понимают. В норме противоречие «капиталист – рабочий» – конструктивно. Другое дело, что норма эта легко может превратиться в патологию. И тем не менее, разжигать смертельную ненависть «пролетариев» к «капиталистам» неконструктивно. Это столь же абсурдно, как и разжигать в семье ненависть мужа к жене, считая это единственно возможным способом решить семейные проблемы.

Итак, антагонистическое противоречие в обществе существует только одно: между «классом» трудящихся и «классом» паразитов (всех мастей). В разряд паразитов, кстати, может попасть и предприниматель, и пролетарий. Если конструктивное противоречие необходимо решать диалектически – для гармонизации отношений составляющих его противоположностей, то деструктивное, антагонистическое противоречие должно решаться по формально-логическому принципу «либо – либо».

За указанными недостатками теории и практики марксизма стоит, по моему убеждению тот глубинный недостаток в философии Маркса, который заключается в неявном базировании ее на софистическом девизе «Человек – мера всех вещей». Отличие Маркса от Протагора заключается лишь в том, что на место человека-индивида, он ставит человека как род (как человечество), да и то при этом внутри рода выделяя особый привилеги-

рованный класс. Такую философскую позицию выдающийся философ XX века Г.С. Батищев называет социально-коллективным субъективизмом. А субъективизм, в любой его форме, не может создать объективной картины мира. Со всеми вытекающими отсюда, и в том числе, – практическими, последствиями.

Приведу цитату из книги Г.С.Батищева: »... Весьма и весьма тревожно и опасно искажение сущности человеческого творчества и его стратегической перспективы *субъективизмом*. Последний бывает и социально-коллективным (субстанциализм), и индивидуалистским (анти-субстанциализм). Но во всех своих различных выражениях, сколько бы противоположными они ни выступали на определенном уровне, этот субъективизм есть *антропоцентризм*, всегда глубинно противостоящий действительной объективной диалектике, которая царит во Вселенной и может питать собою постепенно раскрываемое и формируемое созидательно-творческое назначение человека» [2, 27].

Как ни странно или неприятно это для многих прозвучит, но Маркс – представитель социально-коллективного субъективизма. Его неспособность отобразить действительную объективную диалектику – расплата за отказ от Абсолюта. Вернее, абсолютom в марксизме объявляется не Бог, а человек, а это как раз и называется *антропоцентризмом*. Человек (уже не как индивид, а как класс, конфессия, нация и другие группы людей) выступает в данном случае мерой всех вещей. Ну, и как? – с горечью хочется спросить антропоцентристов, – хорошо ли намерили? Мировые войны, безжалостные и бестолковые революции и контрреволюции, освенцимы и гулаги, нагроможденные горы грозящих человеку гибелью глобальных проблем, которые никто не решает... Вот он – антропоцентризм в его действии! Вот он – наш первородный грех: хотим быть, как боги! Но боги из нас получились скверные: сделать хотел грозу, а получил козу!

Хочу специально подчеркнуть, что этот упрек в человеческом «свомерии» относится, конечно же, не только к тем, кто называл и называет себя марксистами и коммунистами. Просто к ним и вообще ко всем, кто именуется революционерами, упрек этот

относится в первую очередь и носит особый, принципиальный характер, ибо они отбросили не только евангельские поучения, но и категорический императив Канта, отнесясь неразборчиво к средствам осуществления своих целей и не видя в каждом человеке цель, а не средство. Провозглашая себя сторонниками нового, справедливого устройства жизни, нельзя использовать для достижения этой благородной цели старую макиавеллиевскую политику: она для этого абсолютно непригодна, так как подлые средства не только не помогают достичь провозглашаемой на словах благородной цели, но и дискредитируют эту благородную цель.

Что же касается других людей, охотно прибегающих к насилию как методу решения любых своих проблем, то они, конечно же, заслуживают высказанного здесь упрека, причем, – вдвойне. Во-первых, за то, что берут на себе грех изначального искажения божественной природы человека, превращая его в особо опасный вид безумного зверя, и за то, что мало отличаются от революционеров в том плане, что насилие чаще всего так же осуществляют под благовидными лозунгами общечеловеческой или общегосударственной пользы и выгоды, соблазняя и обманывая массы людей.

Почему благие намерения так часто оказываются бульжниками, мостящими дорогу в ад? Я часто с удивлением думаю: насколько же удачным было сравнение Маркса с Прометеем! И тот, и другой хотели сделать людям что-то хорошее. И тот и другой были богоборцами. Один подарил человеку огонь, другой вслед за Фейербахом мечтал об обществе, в котором богом был бы человек – и по отношению к другому человеку и к природе. И этого человека-бога, мессию он увидел в пролетарии. И благословил его диктатуру над другими людьми.

Насильники моментально перехватили факел Прометея, долженствующий зажечь мирные очаги и кузнечные горны, и запылали пожары войн. И такие же насильники через множество веков, отгеснив в сторону кучку искренних и наивных борцов за счастье людей, узурпировали право называть себя пролетарскими диктаторами, и запылали пожары революций и гражданских

войн. Такого ли финала хотели Прометей и Маркс? Не думаю. Их благие намерения потерпели крах из-за незнания людей, из-за преувеличения их достоинств. В силу своего личного благородства они не хотели видеть среди людей представителей звериного, дьявольского отродья.

Возражая Протагору, Сократ говорил: да, человек может быть мерой всех вещей, но не любой человек, а *мудрец*. Чем же отличается мудрец от других людей? Тем, говорил еще Гераклит, что он слушает и слышит (понимает) Логос – Слово Бытия. И поэтому то, что говорит мудрец, – это не слово, выражающее мнение неразумной толпы, а слово и речь самой природы, самого бытия: «... Не мне, но логосу внимая, мудро признать, что всё – едино».

И уж, разумеется, едино – в потенции, в своем эволюционном восхождении – всё человечество. Но человечество, вместо завещанной ему от Бога мирной эволюции в направлении превращения биосферы в ноосферу, избрало путь грубого насилия войн, революций, контрреволюций и терроризма. И это раскололо его родовое единство.

Судя по перечисленным выше софистически, лицемерно «намеренным» человеком или группой людей «делам», еще ни один мудрец не был допущен к руководству человеческими массами. Их даже и в советники-то не берут, как выяснил Платон, аж дважды откликнувшийся на приглашение тиранов помочь им своими мудрыми советами. Приглашения эти, как известно, оказались лицемерными.

Суверенным носителем мышления является не отдельный человек, а «Природа-Бог», писал Спиноза. Повторю эту мудрость еще и еще раз. Мы можем сказать и сделать что-то толковое только в том случае, если сумеем хотя бы немного приблизиться к уровню замыслов, намерений и требований этого Абсолютного Субъекта.

И для того, чтобы понять, чего требует от человека этот Абсолютный Субъект, надо слушать и слушаться мудрецов и пророков, поясняющих нам, в чем состоит Воля Отца Небесного. И

надо внимательно вглядываться в природу, в закономерности ее эволюции.

И тогда мы поймем, что мы не имеем права жить так, как нам заблагорассудится. Человек – это не последнее слово природы, а всего лишь промежуточная, особенная форма, всего лишь «точка» на траектории восхождения природы от безумия к разумности. И задача человека – соответствовать своему понятию, то есть быть разумным и способным к любви.

К счастью, в наше время всё большее число людей на земле приходит к выводу о недопустимости узаконивать насилие и произвол в истории человечества.

Объективная Диалектика беспредельна и неисчерпаема, но человек способен ее познавать и превращать в теорию познания и содержательную логику своего бытия.

Мне могут возразить (и возражают) : дескать, все это – абстрактные слова, а нужны конкретные дела и поэтому надо, мол, с «неба» опуститься на «грешную землю». Но для чего на нее опускаться? Чтобы продолжать грешить? Или же все-таки для того, чтобы выполнять веление Логоса? Я думаю – именно для последнего. Мудрость бытия заключается в том, что каждая вещь должна соответствовать своему «понятию», эйдосу. Если же она ему не соответствует, она выбывает из космической эволюции.

«*Homo sapiens*» означает «человек разумный». Разумность же человека заключается в его способности мыслить достойно, на теоретическом уровне, находить возможность жить в мире и согласии, то есть в гармонии, – и друг с другом, и с природой.

Это и означает – строить ноосферу – сферу разума. И это – единственно достойное человека дело. Мало того, альтернативы ноосфере не существует, если не считать альтернативой гибель человечества, его самоубийство. Ноосфера – это не что-то заумное и, следовательно, непонятное. Ноосфера – это не что иное, как разумно устроенная сфера жизни и деятельности разумных людей. Это – система разумно-рационального управления отношениями между людьми и отношениями людей с природой.

В свое время я понял, что те две обязательные практические предпосылки перехода к социализму, о которых говорили молодые еще Маркс и Энгельс, а именно – *универсальное развитие производительных сил и развитие средств универсального общения между людьми* [24, 32] – созданы. И созданы, кстати, капитализмом. Он выполнил свою историческую миссию, о которой – если кто не знает – пророчески и научно обоснованно говорится именно в трудах Карла Маркса. И созданы эти предпосылки именно и только сейчас, в новейшее время, а не во время жизни Маркса или даже Ленина. Поэтому, с моей точки зрения, историческое начало ноосферы – это социализм. Если кратко обосновать эту мою точку зрения, то она заключается в том, что капитализм, основанный на мировоззрении *индивидуалистского субъективизма*, не способен быть стратегическим направлением развития человеческой жизни, хотя бы лишь потому, что, как мы видим, совершенно не заинтересован в решении глобальных проблем. Глобальные проблемы не могут решаться при устройстве общества по принципу «лебедь, рак и щука». Глобальные проблемы, как, впрочем, и масса других накопившихся проблем, могут быть решены только объединившимся человечеством. И вообще, не будем забывать, что по природе своей человек отнюдь не эгоист, а принципиально коллективистское существо.

Но когда мы говорим «социализм», то надо иметь в виду, что речь идет не о старых, потерпевших крушение моделях социализма, Речь идет о социализме, соответствующем своему понятию, избавленном от всех его заблуждений и недостатков, истоком которых я считаю отсутствие демократии.

Известно, что существует множество партий, признающих социализм только в его демократической форме. Известно также и то, что в Советском Союзе тема «Социализм и демократия неразделимы» очень охотно бралась на вооружение и использовалась в идеологической борьбе. И в первом и во втором случае слово «демократия» получало и получает весьма широкий спектр научных толкований и идеологических фальсификаций.

Не думаю, однако, что демократия – это очень сложная проблема. Если люди искренне хотят демократии, то они должны знать, что всё дело упирается, во-первых, в возможность народа знать всю правду об избираемых им руководителях: действительно ли это умные, честные, благородные и деятельные люди, а не хитрые болтуны и лицемеры. А узнав правду, народ, во-вторых, должен иметь силу и возможность избрать именно конкретных достойных людей своими представителями во власти. Вот и всё. Совершенствуйте «детекторы лжи» (полиграфы) и делайте абсолютно прозрачным избирательный процесс! Какого-то иного демократического пути, по-моему убеждению, нет.

Таким образом, устранение и предотвращение губительных недостатков нашей жизни должно начинаться с мирной кадровой революции (слово «революция» употребляется мною лишь для подчеркивания радикального и неотложного характера изменения кадрового состава любых управленцев). Именно эта бескровная революция может стать первым шагом на пути к дальнейшим эволюционным преобразованиям в устройстве человеческой жизни. Возможность ее и крайне необходима, и вполне реальна, ибо она обеспечивается наличием двух вышеуказанных обязательных практических предпосылок – универсального развития современных производительных сил и развития современных (интернет) средств информационного универсального общения между людьми. Просыпающееся самосознание и активность трудящихся масс (тоже во многом – результат появления мощных средств современного информационного общения), а также и сама эта новейшая техника, – способны обеспечить существенное условие демократии: справедливые, прозрачные выборы руководящей элиты. По моему глубокому убеждению, эта мирная кадровая революция и будет первым шагом перехода человечества в ноосферу – сферу *разумного* управления социумом и природой со стороны *разумно* мыслящих людей.

Не сначала социализм, а потом новый человек, а ровным счетом наоборот: сначала новый человек, а потом, посредством осознанного и самоотверженного объединения этих новых, мудрых (умных и нравственных) людей – Ноосфера.

Кроме нацеленных, в основном, на потребление, пролетариев объединяться предстоит более широкому кругу людей: единым (давно уже единым) по восприятию сути жизни работникам умственного и физического, руководящего и исполнительского труда. Объединяться не против богатых, а, как раз, против всех духовно бедных: бездельников, преступников, взяточников и прочих паразитов! Против тех, кто олицетворяет собой животное начало в человеке и любыми путями увиливает от своих человеческих обязанностей.

И пора уже прекратить идеализировать так называемый «старый социализм»: при всех его действительных и кажущихся достоинствах он был несовершенен и, следовательно, нежизнеспособен. Идеализировать его – это дезориентировать людей. Его история – это важный опыт, большой урок. А уроки следует спокойно, уважительно и трезво изучать, чтобы в дальнейшем не наступать на старые грабли. И главный урок, по моему убеждению сосостоит вот в чем: *социализм и ноосфера – неразделимы.*

Отрицание насилия – это не тактика, а стратегия становления социализма. Социализму нужны исключительно свободные (а следовательно, – творческие) люди. Насильно в социализм как исходное социальное устройство ноосферы загонять никто никого не будет. Наоборот, для вступления в него со временем выстроится огромная очередь желающих, но неумолимый Отбор пропускать в ноосферу будет только тех, кто ее не испортит, а наоборот, – будет сохранять и развивать.

Мне как человеку верующему очень хочется доказать всем неверующим, а значит, и невидящим, что мир наш буквально пропитан жизнью и мыслью. Это, как у Тютчева, начитавшегося Шеллинга:

Не то, что мните вы, природа!
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

В чем состоит настоящая необходимость доказательства того, что философы и поэты говорят в данном случае сущую правду? – В том, что люди должны хорошенько понять, что вся их свобода – это познанное бытие, а не своеволие. Своеволие возникает тогда, когда человек думает, что он – самый умный, или самый хитрый, на свете. А еще он думает, что ему не придется перед кем-то отчитываться за это допущенное им своеволие. Но если «человек разумный» не уразумеет, что его единственный путь – это путь к Богу (по Тейяру, – «ортогенез сознания» как движение к «точке омега»), то он пойдет (и уже идет) путем гибельным для человечества.

Путь в ноосферу и есть абсолютная свобода, то есть познанная и принятая людьми, как их собственная, необходимость.

Бог, человек и ноосфера – это диалектически тождественные составляющие системы Космоса. Это *единство Природы творящей и природы сотворенной*. Именно следование, восхождение человека к Богу через ноосферу, как сферу бытия, в которой человек сможет, наконец-то, в массовом масштабе стать и быть самим собой, то есть подлинным образом и подобием Божиим, является необходимым моментом исполнения Божественной Воли к созиданию и сохранению гармонии Вечного Мира.

Бог – это Бытие. Бог – это Жизнь. Бог – это Любовь. Воля Отца Небесного, выраженная в руководящей Космосом программе (Логосе), исполняется свободной волей всей живой и мыслящей природы – волей к бытию, жизни и любви!

Тейяр де Шарден, именовавший высшую форму развития ноосферы точкой омега, имел в виду то, что на религиозном языке называется Царством Божиим. Понятия «Царство Божие», «ноосфера», «коммунизм» – это об одном и том же: о конечном этапе (конце истории) развития современного человечества. Разница в понимании этого конца, означающего в то же время и качественно новое начало бытия того, кого мы сейчас называем человеком, определяется различием в понимании – со стороны богослова, философа и ученого – места и роли человека в Космосе. Я думаю, что пришло время всем этим трем типам мыслителей объе-

• Часть 3. О НООСФЕРЕ

динить свои условия и, решительно отвергнув недостойные для человека методы революционного насилия и принуждения, стать на сторону признания несомненного приоритета мирного эволюционного процесса преобразования человеческой души. И хочется сказать о сути этого Истинного пути к Истине словами Иисуса Христа: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот оно здесь» или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лук.: 17: 20-21).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько важных слов о том, что такое диалектика

Поскольку книгу свою я написал не только для специалистов в области философии, но для самого широкого круга образованных и мыслящих читателей, я решил в качестве приложения к ней поместить материал ряда своих статей, посвященных проблемам диалектики как логики и теории познания. Я надеюсь на то, что ознакомление с этим материалом поможет читателям лучше понять основные идеи книги.

1. ДИАЛЕКТИКА КАК ТОЖДЕСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОГО И УЧЕНИЕ О НЕМ

Именно так – учением о тождестве противоположного – называл диалектику Сократ. А еще он называл ее умением *dialogo*, вести спор. И одно не противоречит другому: умение вести спор предполагает способность не только противопоставлять друг другу различные и даже противоположные утверждения спорящих и, соответственно, – различные и даже противоположные явления, о которых они спорят, но и способность за всем этим множеством отыскивать их единство.

Однако зачастую под диалектикой понимают лишь мастерское умение разрушать отстаиваемые оппонентом определения, кажущиеся ему общепринятыми и устойчивыми. И, как известно, Сократ блестяще владел таким умением, известным как метод «иронии». Но отрицание жесткой, догматической определенности мнения собеседника не было для Сократа (и Платона) самоцелью. Такое отрицание – это совершенно необходимый, но лишь первый, шаг, за которым обязательно предполагалась не-

обходимость и второго шага: утверждение не жесткой, а гибкой определенности, впитывающей в себя взаимоотрицающие определения. Нередко, правда, диалоги Платона (так же, как ранее и беседы Сократа) не завершались окончательным решением того, каким образом можно было бы отождествить противоположные определенности обсуждаемой проблемы, и эта незавершенность была честным признанием исключительной сложности вопроса и, своего рода, – призывом к совместному размышлению о том, как этот диалог можно было бы завершить в будущем.

Вот эта внутренняя двухэтапность, двухуровневость искусства спора как неотъемлемой формы мышления и явилась источником той неоднозначности и даже путаницы в понимании того, что такое диалектика. Нередко под диалектикой даже выдающиеся философы стали понимать всего лишь искусство рассуждать обо всём, что угодно, и умение ловко спорить на любую тему.

Начиная со времен стоиков, диалектикой стали именовать формальную логику. Эта традиция сохранилась и в средние века, причем диалектиками тогда называли философов, применяющих силлогистическую логику к искусству ведения схоластических диспутов. Декарт же, разочарованный в возможностях силлогистической логики, считал её даже недостойной носить это имя – «логика», но при этом, к сожалению, продолжал именовать диалектикой, – в осуждающем, конечно, смысле, и именно за то, что силлогистическая логика не содействует исследованию нового, а лишь учит нас обо всем рассуждать.

Возникает вопрос: стоит ли и поныне называть диалектикой буквально всё, что кто-то и когда-то этим словом именовал: люди имеют свойство изменять и, в том числе, – искажать, исходное значение слов. Но у них же, у людей, приходится искать и неискаженное, исходное, глубинное и подлинное значение слов. Ведь, как сказал Протагор, именно человек – мера всех вещей. Да, человек, но не любой человек, а мудрец, – возражал ему Сократ. Чем же отличается мудрец от других людей? Тем, говорил еще Гераклит, что он слушает и слышит (понимает) Логос – Слово Бытия. И поэтому то, что говорит мудрец, – это не слово, выра-

жающее мнение неразумной толпы, а слово и речь самой природы, самого бытия: «... Не мне, но логосу внимая, мудро признать, что всё – едино».

Именно эта мудрость и легла в основание возникшей в Милете европейской философии. Правда, у её родоначальника – Фалеса она звучала с другим акцентом: «Одно есть всё». Вот какую мудрость полюбили, оказывается, те люди, которые назвали себя позже философами [39, 117]. Она была первым откровением Бытия, его истиной, а точнее – «алетейей», (в переводе с древнегреческого ἀλήθεια. – это не истина, а «несокрытость»), провозгласившей *тождество противоположного*: одного и всего, общего и единичного, устойчивости и изменчивости, покоя и движения, вечного и брэнного, беспредельного и ограниченного. Вот какой спектр слов-категорий открылся вниманию новорожденных философов! А через эти и другие категории им раскрылась *внутренняя противоречивость бытия*. И перед философами встала грандиозная задача: построить и развить совершенно новую форму мышления, которая была бы способна логически выразить этот диалектический Логос.

Признав и полюбив данную мудрость, философы как бы взяли на себя обязательство разобраться в том, что из себя представляет это самое «Одно» (которое Парменид позже назовет Бытием), и каким образом с ним связано «Всё» (Сущее). «Так как в философском мышлении господствует наивысшее обязательство, все великие мыслители думают об одном и том же, и, тем не менее, это одно и то же столь значительно и богато, что его никогда не может исчерпать только один, но все вместе они еще сильнее обязывают друг друга» [40, 17].

М.Хайдеггер в этом высказывании подчеркивает единение всех философов перед лицом великой проблемы, но нет необходимости говорить о том, что это единение осуществлялось не иначе, как посредством вечного, захватывающего, порой трагического, спора. по своей форме тоже глубоко диалектического, ибо спорящие в течение длительной истории этого спора-дискурса то распались на противоположные учения и течения, то объедини-

нялись в более всеобъемлющих учениях, «снимающих» в себе предыдущие учения как свои собственные моменты.

И тем не менее, если мы скажем, что слово «диалектика» означает искусство рассуждать, в частности вести спор, противопоставляя друг другу противоположные мнения, то это будет только половина правды, а половина правды, как известно, – это худшая форма заблуждения или же – умышленного сокрытия истины. Такое половинчатое определение «спокойно» объединяет и искусство рассуждать и спорить Сократа, и искусство рассуждать и спорить его яростного противника – софиста Фрасимаха. Но если такое объединение возможно, то комедиограф Аристофан, назвавший в своей пьесе «Облака» Сократа софистом, прав? И дело даже не в названии. Аристофан художественно выразил в этом своем персонаже все неприглядные черты софистов: перед нами в этой пьесе предстает не великий и благородный диалектик, а пустой и злонамеренный болтун.

Какая же важнейшая половина оказывается упущенной в определении, согласно которому диалектика – это искусство рассуждать, вести спор, противопоставляя друг другу противоположные мнения? Такой упущенной, или как бы даже вовсе и не существующей, «половиной» является «наивысшее обязательство» полемиста-диалектика с помощью своих рассуждений и споров открыть и выразить то, что мы называем *объективной диалектикой*, а именно: отношения тождества между реально противоположными вещами и явлениями, содержащего в себя одновременно и различие, «спор» между ними.

Слово «спор» здесь вовсе не метафора, достаточно вспомнить изречение Анаксимандра, в котором описывается именно трагический спор между апейроном и отдельно взятой вещью за право этой вещи быть. Я уж не говорю об изречении Гераклита, которым, как считает М.Хайдеггер, часто злоупотребляют и вообще неправильно переводят как «война есть отец всего сущего». На самом же деле слово Πόλεμος переводить как «война» было бы односторонне, ибо оно имеет более широкое значение: *спор, борение, полемика*. Кроме того, замечает М.Хайдеггер, это бор-

ние происходит внутри самой истины бытия, вне зависимости от того, занимается ли человек поисками этой истины или нет [41, 46]. И далее Хайдеггер горестно резюмирует: «Уже давно существование истины как чего-то внутренне противоречивого, борющегося в самом себе, стала чуждой нам и всему западноевропейскому мышлению» [41, 47].

Рассуждения и споры софиста направлены не на поиск истины Бытия – он таковую не признает – а исключительно на поиск собственной, или же своего клиента, выгоды.

Диалектика и софистика. Эти противоположные философские позиции были обречены на то, чтобы постоянно сталкиваться друг с другом. Как выразился Хайдеггер, удивившее греков открытие того, что «сущее пребывает собранным в бытии», им пришлось затем яростно защищать от «хватки софистического разума, который для всего имел наготове одно доходчивое объяснение и поставлял его на рынок» [39, 117].

На основании сказанного осмелюсь утверждать, что *философия*, с самого момента своего возникновения, *в норме* является и должна быть *диалектической*, любое же её отклонение от диалектики ведет к той или иной форме лёгкой или тяжелой *патологии* нашего мышления и, соответственно, – нашего миропонимания и образа жизни. Поэтому то «определение диалектики», которое вольно или невольно «объединяет» нормальных философов с софистами, не выдерживает никакой критики.

Сказанным я хотел бы присоединиться к точке зрения Эдмунда Гуссерля, состоящей в том, что философия не должна забывать о своей благородной миссии и задачах, выполнение которых только и дает ей право носить это великое имя – «философия»: «Подлинные духовные битвы европейского человечества как такового разыгрываются как *битвы философий*, а именно как борьба между скептическими философиями или, скорее, «нефилософиями», сохранившими только название философии, но не поставленную перед ней задачу, – и действительными, все еще живыми философиями. Живы они, однако, потому, что борются

за свой подлинный и истинный смысл и тем самым за смысл подлинного человечества» [9, 31].

Несомненно, что диалектика это – умение рассуждать о чем-либо или спорить о чем-то. Но все дело заключается именно в этом самом «чём-то»: диалектический спор в конечном своем итоге нацелен на выявление за столкновением разных, в том числе противоположных, точек зрения и суждений – их объективной основы, их объективного единства. Диалектика мышления субъекта неотделима от диалектики объекта. Более того, субъективная диалектика – это всего лишь закономерный момент, часть беспредельной, неисчерпаемой Объективной Диалектики, в связи с чем «смысл подлинного человечества» состоит в следовании и служении последней, чему давным-давно учил нас величайший философ Гераклит, а в наше время – выдающийся философ Г.С.Батищев.

2. ДИАЛЕКТИКА И ПСЕВДОДИАЛЕКТИКА

(критический анализ гегелевской схемы строения логического)

Так уж получилось, что великий диалектик Гегель тоже вложил свою лепту в терминологическую путаницу, сложившуюся вокруг определения диалектики. И более того: анализ терминов вызывает целый ряд вопросов и к самому содержанию гегелевской схемы строения логического.

Анализируя строение логического, Гегель выделяет в нём три момента: 1) абстрактный, или рассудочный, 2) диалектический, или отрицательно-разумный, 3) спекулятивный, или положительно-разумный [8, 201].

Современному читателю, только что приступающему к изучению философии, очень непросто разобраться в этой принципиально важной схеме, и происходит это, в том числе, и из-за несовпадения значений гегелевских терминов с современным их пониманием.

Прежде всего, начинающему философу следует помнить, что, по Гегелю, «абстрактное» – это совсем не то, к чему следует испытывать чувство почтения, а, напротив, – то, что следует расценивать как неизбежную ущербность начала процесса мышле-

ния, которую необходимо затем последовательно преодолевать, ибо абстрактное – это значит вырванное, изолированное от целого, конкретного. И здесь сразу же хотелось бы обозначить принципиальный, в моем понимании, вопрос: можем ли мы ставить безусловный знак равенства между понятиями «абстрактный» и «рассудочный»?

Далее, и это главное, – понятие «диалектический» Гегель включает в свою схему лишь для обозначения момента отрицательности, противостоящего (как антитезис – тезису) моменту самотождественности рассудочной определенности.

Утверждение такого промежуточного положения диалектического момента в строении логического вынуждает Гегеля упорно и многословно разъяснять читателю, что «диалектическое» он употребляет как в подлинной, так, следовательно, и в неподлинной его определенности. Так, в неподлинной определенности это слово употребляется тогда, когда диалектическое берется «для себя, обособленно от рассудка». В таком случае диалектика выступает «как *скептицизм*, где результатом диалектики является голое отрицание» [8, 205].

Итак, диалектика, обособляя себя от рассудка, становится скептицизмом, но Гегель, тем не менее, продолжает называть ее диалектикой, хотя здесь куда больше подходит другой термин – *псевдодиалектика*. При этом принципиально важно обратить внимание на то, что данная разновидность диалектического, не соответствующая своей подлинной определенности, оказывается *ни чуть не менее односторонней и абстрактной*, чем противостоящий ей в гегелевской схеме рассудочный момент. Тем не менее, как мы видим, Гегель по отношению к скептицизму с его «голым отрицанием» таких слов не применяет.

Он делает это лишь тогда, когда просит не «смешивать диалектику с *софистикой*, сущность которой как раз и состоит в том, что она пользуется односторонними и абстрактными определениями в их изолированности, в зависимости от того, какого из этих определений требуют в данный момент интересы индивидуума и то положение, в котором он сейчас находится» [8, 206-207].

Однако, как мы видели, смешал же диалектику с софистикой Аристофан в своей пьесе, и он в этой ошибке не одинок. Да и как, спрашивается, не смешать диалектику с софистикой, если мы будем диалектикой называть не только тождество противоположностей, но и одностороннее, голое отрицание рассудочных определений? Софистика, в связи со сказанным, мало чем отличается от скептицизма, и является закономерным результатом деятельности диалектического в его неподлинной определенности, то есть тоже – псевдодиалектикой.

Есть, однако, и еще одна разновидность «псевдодиалектического», которая является как бы «бескорыстным» вариантом софистики, то есть тем самым, что Декарт обозначал как то, что не содействует исследованию нового, а лишь учит нас лихо рассуждать о чем угодно. Гегель пишет о ней так: «Часто диалектика... представляет собой не что иное, как субъективную игру, которая по произволу выдвигает то доказательства, то опровержения – рассуждательство, в котором отсутствует содержание и пустота которого прикрывается остроумными соображениями» [8, 205-206]. При этом Гегель полагает, что и Сократа, в известной мере, можно присоединить к диалектикам-субъективистам: «У Сократа диалектика, в согласии с общим характером его философствования, имеет еще преимущественно субъективную форму, а именно форму *иронии*» [8, 207].

Платон же, считает Гегель, – это совсем другое дело: «Среди древних изобретателем диалектики называют Платона и делают это с полным правом, поскольку в философии Платона диалектика впервые встречается в свободной научной и, следовательно, в объективной форме» [8, 207].

Итак, по Гегелю, важнейшим свойством диалектики, взятой уже в ее подлинной определенности, является нацеленность на объективность знания: «Диалектика... ставит себе целью рассматривать вещи в себе и для себя, т.е. согласно их собственной природе...» [8, 207]. Непонятно только, почему в этом отношении следует отделять от Платона его учителя Сократа. Ведь для Сократа метод «иронии» являлся не самоцелью, а всего лишь под-

готовительным шагом для применения метода «майевтики» (повивального искусства) способствующего рождению истинной, то есть объективной, мысли.

Конечно, Платон сделал свой собственный, и очень значительный, вклад в развитие диалектического метода Сократа, перенеся его из этической сферы применения в более широкое философское поле, но из этого вовсе не следует, что у Сократа диалектика была субъективной, а у Платона – объективной. И конечно же высказывания Платона о диалектике, которые он, как всегда, обозначает как высказывания Сократа, по праву принадлежат обоим великим мыслителям. Так, Сократ в диалоге Платона «Федр» говорит: «И если я замечаю в другом природную способность охватывать взглядом единое и множественное, я гоняюсь следом за ним по пятам, как за Богом. Правильно ли или нет я обращаюсь к тем, кто это может делать, знает Бог, а называю я их и посейчас диалектиками» [30, 205]. Почему же Сократ так настойчиво ищет диалектиков и следует за ними, как за Богом? Потому, что только настоящие диалектики обладают искусством спора в виде «дружеских» бесед и рассуждений, направленных на получение объективной истины. Именно такие беседы и рассуждения Сократ называет диалектикой, противопоставляя их совсем другой разновидности спора (эристике), цель которой лишь субъективная правота каждого из спорящих. Таких спорщиков Сократ иронически называет «возражателями» [29, 376; 586]. А поскольку эти «возражатели» тоже претендуют на обладание искусством спорить, то следовало бы и считать их тем, чем они были и есть на самом деле: псевдодиалектиками.

Зачем же называть рассудком и диалектикой то, что *и не рассудительно и не диалектично*? А таковыми два момента логического становятся, когда они обособляются друг от друга и начинают действовать так, как будто они суть что-то самостоятельное. Эти два противоположных, но совершенно необходимых, момента логического гораздо точнее было бы называть моментами полагания (самотождественности) и отрицания, либо же – моментами устойчивости и изменчивости. При этом следует помнить,

что каждый из них не является чем-то способным самостоятельно и адекватно отражать действительность.

Часть, абстрагированная от целого, не может полноценно выполнять функцию целого. И человек заблуждается именно тогда, когда он часть принимает за целое. В исследуемом нами случае человек принимается судить об окружающей его действительности либо только с позиции устойчивости в ней, либо только с позиции изменчивости. И это приводит его либо к *догматизму*, либо к *скептицизму* – очень опасным патологическим искажениям человеческого мышления. И если скептицизм можно уверенно отнести к псевдодиалектике, то и догматизм тоже следовало бы именовать псевдорассудком. Да, догматизм способен возникать в лоне той исторически более ранней, чем разум, формы мышления, которую Гегель называет «рассудочным мышлением» и которая «действует по отношению к своим предметам разделяющим и абстрагирующим образом», тем самым огрубляя действительность. Однако рассудок, выступающий в своей подлинной определенности, а это происходит тогда, когда он действует не изолированно, а в составе разума, начавшего формироваться с момента возникновения философии, это – совершенно необходимый элемент мышления, фиксирующий и отстаивающий самоидентичность и устойчивость всеобщего, сущности, принципов и т. д. любой вещи теоретической и практической сферы деятельности человека. Здесь, мне кажется, имеется полнейшая аналогия с соотношением эмпирических и теоретических методов познания: одно дело – функционирование эмпирических методов до возникновения теории и совсем другое дело – их действие в составе теории.

Что же делает положительный и отрицательный элементы логического соответствующими их подлинной определенности? Только их синтез, их взаимопроникновение, соединение в единую систему человеческого мышления, которую Гегель называет позитивным разумом.

Поскольку же само это взаимопроникновение – глубоко диалектично, ибо предполагает системное единство противопо-

ложных моментов, то почему бы нам тогда этот «позитивный разум» так и не назвать, вслед за Сократом и Платоном, – *диалектикой*? Причем, не только назвать, но и всегда понимать под диалектикой не любое умение рассуждать и спорить, а лишь умение делать это для получения объективной истины, умение схватывать в единстве не только полагание (самотождественность) вещи и ее отрицание, но и другие противоположности: общее и единичное, устойчивость и изменчивость, целое и его части и т.д.

Формальный ответ на этот закономерный вопрос заключается в том, что в гегелевской схеме для обозначения позитивного разума уже использован другой термин: *спекулятивное мышление*. При этом уже сам Гегель видит изъян данного термина в том, что он в глазах многих невольно ассоциируется с чем-то нечестным, отрицательным.

На самом-то деле, «спекулятивный» – это слово, которое по своему происхождению призвано нести вполне позитивное содержание. В латинском языке термин «*Spekulum*» означает – зеркало, образ, подобие. Николай Кузанский, например, использует это слово для рассмотрения человеческого «ума», в качестве «живого зеркала». Новолатинское же *Speculanivus* происходит от лат. *speculor* – наблюдаю, созерцаю.

Поэтому симпатия Гегеля к этому слову вполне объяснима: разум в его истинном выражении должен быть объективным и, как хорошее зеркало, отражать действительность в том подлинном виде, который открылся гениальной интуиции Гераклита – в единстве и различии её противоположностей. «*Спекулятивное, или положительно-разумное, постигает единство определений в их противоположности, то утвердительное, которое содержится в их разрешении и переходе*» [8, 210].

К счастью, вместо «спекулятивное мышление» мы в наше время говорим «диалектическое мышление», возвращаясь тем самым к подлинным античным истокам этого слова – «диалектика». И это очень важно еще и потому, что с помощью этого слова мы имеем возможность определить не только суть единственно

верного способа познания мира, но и суть самого мира, то есть его собственную внутреннюю диалектичность.

Итак, Гегель дал серьезный повод противникам диалектики использовать его терминологическую непоследовательность для умаления или даже – отрицания роли диалектики в познании.

Но дело, к сожалению, не только в этом. Главное, на мой взгляд, состоит в другом: за неудачной терминологией скрывается серьезный логический изъян и самой гегелевской схемы строения логического. Для объяснения того, что именно я имею в виду, приведу сначала цитату из гегелевской «Науки логики».

«*Рассудок дает определения* и твердо держится их; разум же отрицателен и *диалектичен*, ибо он обращает определения рассудка в ничто; он *положителен*, ибо порождает *всеобщее* и постигает в нем особенное. Подобно тому, как рассудок обычно понимается как нечто обособленное от разума вообще, так и диалектический разум обычно принимается за нечто обособленное от положительного разума. Но в своей истине разум есть *дух*, который выше их обоих; он рассудочный разум или разумный рассудок» [7, 78]. Заметим, что здесь вместо спекулятивного мышления уже употребляется другое понятие – «дух». Но в данный момент дело уже не в этом.

Гегель называет диалектикой и то, что на самом деле является псевдодиалектикой, но считает, что даже в такой форме неподлинной своей определенности, то есть в форме скептицизма и голого отрицания, она выполняет важную функцию: «обращает определения рассудка в ничто», за что ей Гегелем и присваивается название «отрицательного разума». Мне, однако, представляется, что даже с приставкой «отрицательный» трудно этот момент логического назвать разумным. Ведь сам Гегель говорит о том, что «конечное ограничивается не только извне, но и снимается благодаря своей собственной природе и благодаря себе самому переходит в свою противоположность» [8, 206].

Иными словами, рассудок, снимаясь в качестве момента в составе «позитивного разума», сам способен прийти к отрицанию конечности своих определений как к самоотрицанию. И «по-

мощь» скептицизма и голого отрицания в таком случае ему не нужна. Тем более она не нужна ему вне системы «позитивного разума», где влияние скептицизма на рассудок приводит лишь к внешнему, механическому, антидиалектическому признанию «как одного, так и другого», – типичного результата деятельности еще одной формы псевдодиалектики – *эклетики* [8, 206].

Таким образом, я уверен в том, что «негативный разум» – это нонсенс. Как момент устойчивости, самотождественности, рассудочности, так и момент изменчивости, отрицания, скепсиса должны пониматься как абсолютно равноправные моменты разума (слово «позитивного» здесь становится уже излишним). И поэтому еще недостаточно сказать, что разум (дух) есть «рассудочный разум или разумный рассудок»: он столь же есть «скептический разум и разумный скепсис».

Итак, только разумное мышление является диалектическим мышлением. Разум – это диалектический *синтез*, конкретное единство одинаково абстрактных своих моментов: устойчивости (*тезис*) и изменчивости (*антитезис*). Гегель же явно отдает предпочтение антитезису, именуя его «диалектическим или отрицательно-разумным». Диалектика, таким образом, противопоставляется рассудку, который на самом-то деле является ее неотъемлемым моментом. И такое противопоставление совсем не безобидно.

Во-первых, оно привело к пагубным для развития философии противостоянию и взаимной вражде сторонников диалектической и сторонников формальной логики.

Во-вторых, оно привело к тому, что со временем сама диалектика стала пониматься неверно: как ничем не обузданное развитие и бытия, и мысли. Достаточно напомнить читателям определение, данное диалектической философии Энгельсом, упорно прививаемое нам в течение многих десятилетий в качестве абсолютной истины: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения

и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» [45, 276].

Да уж, воистину: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Катастрофическая история прошлого и текущего столетий наглядно демонстрирует нам, к чему приводит забвение «раз навсегда установленного, безусловного, святого».

3. ДИАЛЕКТИКА И РАЗВИТИЕ

Развитие обычно считают чуть ли не синонимом диалектики. Но развитие не является основанием диалектики. Ее достаточным основанием является тождество противоположностей. И именно от того, как будет пониматься это тождество, напрямую зависит и адекватность выражения диалектикой сути процесса развития. Особенно неадекватно представлять развитие как «непрерывный процесс возникновения и уничтожения». Это представление не учитывает того, что любое развитие это – развитие вполне конкретного предмета, который, развиваясь, сущностно остается тождественным самому себе и, мало того, – как раз и становится все более и более устойчивым (развитым) в результате последовательного и успешного разрешения внутренне присущего ему противоречия. И эту устойчивость, самоидентичность предмета в процессе его развития призван фиксировать и исследовать рассудок, «исключение» которого из состава разумного, диалектического мышления и делает «теорию развития» безнадежно абстрактной, изучающей, якобы, только историческое изменение, процессуальность. Отсюда нередко делается претенциозный вывод общего характера: диалектика не является универсальной логикой бытия и мышления и требует определенных методологических дополнений.

А, может быть, все-таки лучше, обратив диалектический метод исследования на саму диалектику, найти в ней то, что некоторые, не ведая того, что творят, сначала изымают из нее, а затем пытаются к ней неуклюже, эклектически прицепить извне?

Начать такое исследование придется с обращения к вечному вопросу о том, что есть **бытие**. Мы знаем, что бытие является

главным предметом философии, что оно внутренне диалектично, так как соединяет в себе устойчивость и постоянное становление, которые, по-видимому, совершенно необходимы друг другу. Мы знаем, что вокруг этого противоречия и вращается вся проблематика философии, в отчаянных, казалось бы непримиримых, спорах открывающей устойчивые условия и принципы бытия, данные нам в нашем сознании в виде системы категорий диалектической логики, истинность которых должна проверяться на практике.

Поскольку же практика современного человечества оставляет желать лучшего, ибо жизнь его напоминает существование тяжело больного человека, то часто ответственность за это его состояние пытаются возложить на тех, кто тысячами создавал универсальные принципы правильного, соответствующего Логике Бытия, мышления. В целом, это, конечно, означает «перекладывать с больной головы на здоровую», однако все-таки и философия должна взять на себя часть вины за то, что «*Homo sapiens*» ведет себя непозволительно неразумно. Вспомним приведенное выше высказывание Э.Гуссерля о том, что любой кризис в сфере культуры сопровождается борьбой между «живыми» философиями и «нефилософиями». К последним Гуссерль относит, правда, лишь скептические философии. Жизнь, однако, показала, что спектр «нефилософий» гораздо шире. Разве менее опасны для людей на крутых поворотах их истории некоторые философские учения (а точнее – их экстремистские «дериваты»), ничуть не склонные к скептицизму, а напротив, полные оптимизма и уверенности в своей правоте? Вряд ли история в полной мере оценила афоризм В.И.Ленина: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!!» [15, 162]. Выходит, что марксисты, из которых никто учения Маркса о капитале не понял, ринулись, тем не менее, перестраивать мир капитала под знаменем Маркса!? Руководила ли ими диалектико-материалистическая философия Маркса? Судя по *форме* осуществления революционных

преобразований, ими руководила волюнтаристская философия обыденного сознания, выраженная в таких бравых лозунгах Наполеона, как «Главное – ввязаться, а там видно будет» или «В политике никогда не нужно отступать, не нужно признаваться в ошибках, это лишает уважения». Судя же по итогам этих социальных и политических преобразований, противники Маркса поняли (и использовали в своих целях) его учение гораздо лучше, чем его сторонники.

Выходит, что в массе своей люди так и не научились отличать настоящую философию от ее подобия, действующую, живую философию – от неработающей, мёртвой или полуживой философии, демагогически провозглашающей то, что эти философы-демагоги и не собирались претворять в жизнь.

Что же в такой обстановке делать настоящей философии? Конечно, ей необходимо упрямо, невзирая на несправедливые упреки в свой адрес, продолжать заниматься своим делом и, используя современные обобщения науки, всматриваться в Логiku Мира, в котором мы живем: другого мира у нас нет, надо соответствовать этому. Но, постоянно совершенствуя структуру знания о логических принципах бытия, настоящей, то есть по-настоящему диалектической, философии следует при этом быть еще и более активной и более публичной.

Разговор о совершенствовании системы принципов диалектики хотелось бы начать с восстановления тех из них, которые в свое время, во многом, – по идеологическим соображениям, были изъяты из диалектического мировоззрения.

Во-первых, нужно на новом уровне продумать вопрос о противоречии как источнике развития. И не о любом противоречии или же о их бесконечном множестве, а о противоречии исходном, и в то же время, – неизбывном, «сквозном» для любого процесса развития. Я уверен, что таковым является *противоречие между идеальным и материальным*. При этом следует подчеркнуть, что такое утверждение обязательно требует признания универсальности, всеобщности идеального [12; 13].

Материал для размышления на эту тему, в явной или неявной форме, имеется практически у всех диалектиков, начиная с Гераклита, а то и – с Анаксимандра. Наиболее четко это противоречие обозначено в натурфилософии Шеллинга. Хотя, надо сказать, что, так или иначе, оно, это противоречие, получило ряд «пробных» форм своего гипотетического разрешения исключительно во всех философских концепциях, на которые наложила свой отпечаток идея Спинозы о нераздельности протяженности и мышления как атрибутов субстанции. Влияние Спинозы чувствуется и в философских воззрениях Гёте, и в монадологии Лейбница, и в философии Фихте. Центральным это противоречие является и в философии Гегеля, где оно разрешается в форме восхождения абсолютной *идеи* к самой себе как к целостности в виде последовательной серии *воплощений* этой идеи.

Почему именно *это* противоречие может рассматриваться в качестве фундаментальной и универсальной причины развития всего сущего? Потому, что любая вещь является единством идеального («чтойности») и материального (вещественности) [18]. Поскольку между материальным и идеальным постоянно возникает и существует некий зазор, «люфт», это принуждает вещь (систему) либо искать и находить способ ликвидации этого несоответствия, либо погибать.

При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что идеальное как эйдос (чтойность) и идеальное как идеал (гармония, высшая форма соответствия противоположностей друг другу) неразрывно связаны между собой. Ибо только идеальное (совершенное), или близкое к идеальному, соответствие друг другу идеального и материального той или иной вещи обеспечивает ей победу в вечном соревновании «волящих к власти», за которыми стоит глубинная «воля к жизни», которая и обеспечивает бытие. Действительной же или недействительной любую вещь делает *отбор*.

Сущность любой вещи материально-идеальна: это идея, то есть особенный способ бытия, определенным образом зафиксированный (оформленный) материально. При этом идеал заложен в сущность вещи как потенциальная цель. А если это так, то:

Во-вторых, необходимо возродить телеологичность диалектической мысли, и с этой целью, прежде всего, использовать идею П.Тейяра де Шардена о ноосфере как цели направленного развития (ортогенеза) сознания. Читая его работы, невольно думаешь: вот бы Шеллингу ознакомиться с ними! Какой бы замечательный мог получиться сплав идей! Но и без этого нацеленность Шеллинга на соединение философии с естествознанием является достаточно продуктивной: несмотря на несомненную спекулятивность его идей, в них гениально присутствует предчувствие идеи эволюционного характера мира. Поэтому я уверен в том, что задачей современной философии является «разгерметизация» и широкое использование учения подзабытого и непонятого Тейяра де Шардена.

Если внимательно читать размышления Платона, Гегеля, И.Ильина о государстве в его идеально возможном воплощении, то можно увидеть, что идея ноосферы как сферы господства Разума над бездумной чувственностью и хаосом в мыслях и деяниях человека появилась задолго до того, как она оформилась в первой трети XX века в головах слушателей семинаров Анри Бергсона. Отличие Тейяра де Шардена и Вернадского от предшествующих им мыслителей заключалось лишь в том, что они опирались на данные современного им естествознания и поместили феномен человека в более, так сказать, масштабный канал эволюции Природы. И если всем очевидно, что в процессе жизнедеятельности человека соединяются умственный и физический труд, то создатели учения о ноосфере это свойство человека видели не как нечто самодовлеющее, а – как важную и закономерную «точку» в ретроспективном и перспективном единстве с другими «точками» на траектории развития единства материального и идеального.

Понятие Хайдеггера «Dasein» на русский язык переводят как «Тут-бытие», как «Присутствие», то есть как пребывание человека при-сути. Но современная эволюционная теория, на мой взгляд, свидетельствует о том, что Гегель был более прав в понимании «Dasein» как наличного бытия, ибо *любая вещь*, а не только человек, есть «присутствие». Так что Человек дол-

жен быть, по-видимому, обозначен «всего лишь» как Мыслящее Присутствие.

В-третьих, в диалектическом бытии (а значит, и в мировоззрении) должен обязательно присутствовать и Абсолют, причем Абсолют, всемогущество которого проявляется не в самодовольном блаженном покое, а в способности к постоянному саморазвитию – через бесконечное число циклов становления, каждый из которых завершается очередным возрастанием Абсолютной свободы в проявлении Абсолютной Воли к власти Бытия над хаосом. Различные оттенки и формы этой идеи можно найти и у Гераклита, и у Шеллинга, и у Гегеля, и у Ницше.

Творчество Абсолюта реализуется посредством участия в процессе творчества всех тел и их «монад». Шеллинг, выражая единство Абсолюта и всех форм реальности, взял, образно говоря, мировоззренческую «прямую линию» Аристотеля, на одном конце которой – бесформенная материя, а на другом – «форма всех форм», и замкнул эти концы в круг, а точнее – в виток спирали, в результате чего Бог и материя у него оказались диалектически сосуществующими и взаимодействующими: «... Абсолютное не есть только воление самого себя, но воление бесконечным образом, следовательно, во всех формах, степенях и потенциях реальности. Отпечаток этого вечного и бесконечного самого-себя-воления есть мир» [44, 37]. И далее: «...Одушевление единичного посредством связки целого можно сравнить с одушевлением точки, мыслимой при ее вступлении в линию, причем она проникается понятием целого, содержащего больше, чем она (точка) может содержать для самой себя, но в этом проникновении теряет свою независимую жизнь» [44, 39].

Может ли на роль Абсолюта претендовать материя? На мой взгляд, такая претензия требует учёта выдвинутых в статье возражений и требований: давайте перестанем замыкать идеальное в одной лишь социальной оболочке, давайте не будем игнорировать эмпирическое обобщение естествоиспытателей о целенаправленности эволюционного процесса ко все большей четкости и глубине *отражения* природными телами окружающей их действительности.

Правда, я уверен, что соблюдение таких требований неизбежно приведет к тому, что материя из неживой и немыслящей превратится в мыслящую и волящую (всегда и всюду!) всеблагую Матерь. Известно, что именно совпадением смысла этих слов – материя и мать – и руководствовался Тит Лукреций Кар, создавая этот термин – «материя».

С другой стороны, и сознание соответствует своей сущности, только будучи вечным. В самом деле: что это за сознание (на уровне индивида), если человек что-то понял, отобразил, создал своим воображением, но никому этого знания не передал? Тот же самый, но более трагически звучащий, вопрос: что это за сознание-культура человечества, если она обречена когда-либо бесследно исчезнуть? Нельзя не согласиться, что и в первом, и во втором случае мы имеем дело с фантомами, а не с бытием сознания.

«Не то, что мните вы, природа!...» Она мыслит как единое Я и, как многоглазый Шива, смотрит на сущее всеми своими монадами. Без *такого* Абсолюта все пространственно-временные связи, кроме механических, периодически оказываются оборванными, что и продемонстрировал Э.В.Ильенков в своей «Космологии духа».

В подготовительных заметках Ницше промелькнул термин «Воля Могущественнейшего». Всё время своего существования люди не столько пытаются исполнить эту волю реальными делами, сколько стараются заменить их – ритуалами. Возникает «смутное сомнение» в том, что в массе своей человек действительно «*Homo sapiens*», а не хитрая и лживая бестия. Вот почему Ницше, у которого это сомнение перешло в твердую уверенность в обратном, заговорил о Сверхчеловеке. Я думаю, однако, что, поскольку этот термин уже изрядно дискредитирован, лучше говорить о необходимости становления Истинного Человека. Не забудем, что и Маркс бытие человека до перехода его из царства необходимости в царство свободы рассматривал всего лишь как его предысторию.

Ноосфера – это и есть царство свободы. Это качественно иная среда и форма бытия, где нельзя будет хитрить. В ней будет господствовать Разум! В отличие от биосферы, она не подразумевает эгоизма вообще. Коварные тайны отменяются. Абсолютная прозрачность, надежно обеспеченная информационной компьютерной техникой! Ведь качественно новая духовная «чтойность» должна обладать и качественно новой телесностью, защищающей и обеспечивающей ее функционирование и дальнейшее развитие.

По Спинозе, не человек – самодовлеющий субъект, а Природа-Бог, человек же – постольку, поскольку... Соединяя идеи Спинозы с идеей эволюции, скажем так: человек станет подлинным субъектом тогда, когда осознает и поверит, что у него есть великая цель и есть канал эволюции всего сущего к этой цели. Вот почему надо вернуть в лоно диалектического мировоззрения и Цель и Абсолют. И только тогда, когда человек поймет, осознает свою подлинную роль в жизни Бытия как необходимость, и, мало того, – примет эту необходимость как свою собственную, только тогда он станет по-настоящему свободным. В *этом* и состоит абсолютная свобода, а не в сомнительном праве жить как кому заблагорассудится.

Поэтому определение свободы должно звучать так: *свобода человека есть познанная и принятая им как руководство к действию космическая необходимость.*

Итак, ноосфера должна пониматься как познанная необходимость, то есть свобода. К ней идут не по принуждению, а по осознанной доброй воле.

Как можно видеть, завершение конкретизации понимания диалектики состоит в признании ее непосредственного присутствия в практическом преобразовании человека и мира человека – и в качестве необходимого инструмента, и в качестве внутренней логики этого преобразования, то есть и как теория познания, и как теория развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г.С. Нравственный смысл диалектики (К критике антропоцентризма) // Диалектика и этика. – Алма-Ата, 1983.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб., 1997.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 1989.
4. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. – М., 2000. – Т.1.
5. Вернадский В.И. Письма А.Е.Ферсману. – М., 1985.
6. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Мир философии. – М., 1991. – Ч. 2.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. – М., 1970. – Т.1.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3-х т. – М., 1974. – Т.1.
9. Гуссерль Эдмунд. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб, 2004.
10. Дорст Ж. До того, как умрет природа. – М., 1968.
11. Зайцев Б.К. Очерки // Москва // Рукописи не горят. Из антологии русской прозы XX века. – М., 1990.
12. Ивакин А.А. Размышления о субстанциальном единстве материального и идеального // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – Т.8. – О.: Юридична література, 2009. – С. 26-34.
13. Ивакин А.А. Многогранность и универсальность феномена и понятия идеального // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. – Одеса, 2011, вип.2 – С. 44-48.
14. Ильенков Э.В. Космология духа // Э.В.Ильенков. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 415-437 .
15. Ленин В.И. Философские тетради. – М.: Политиздат, 1973.
16. Лифшиц М.А. Сейчас нам кажется, что истины нет... // Свободная мысль. – 1992. - № 6.
17. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 2001.
18. Лосев А.Ф. О жизненном кредо // CREDO NEW, теоретический журнал. – 2005, № 1.
19. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Н.О.Лосский. Бог и мировое зло. – М., 1994.
20. Мамардашвили М.К. Мысль под запретом // Вопросы философии, 1992, № 4. – С. 70-78.
21. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – М., 2002.

22. Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век... – Л., 1988.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К.Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч.: В 9-ти т. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1985.
25. Мережковский Д. Больная Россия: Избранное. Ленинград, 1991.
26. Моисеев Н.Н. Вернадский и современность // Вопросы философии. – 1994. – №4.
27. Наука и религия, 1999, №8. С. 2-6.
28. Печчеи А. Человеческие качества //Мир философии: Ч.2. – М., 1991.
29. Платон. Сочинения: В 3-х тт. – М., 1968. – Т.1.
30. Платон. Сочинения: В 3-х тт. – М., 1970. – Т.2.
31. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М., 2006.
32. Рыклин М.К. Метафизика речи // Вопросы философии. – 1991, № 5 (Памяти М.К.Мамардашвили).
33. Спиноза Б. Сочинения. – Калининград, 2005.
34. Таранов П. Звезды мировой философии. Мудрость трех тысячелетий. – М., 1999.
35. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе. – М., 2002.
36. Тургенев И.С. Полн. Собр. Соч. и писем. Соч. – Т. 10. – М., 1982
37. Туровский М.Б., Туровская С.В. Концепция В.И.Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопросы философии, 1993. – № 6.
38. Флоренский П.А. Соч. В 2 т. – М., 1990.
39. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии, 1993. – № 8.
40. Хайдеггер М. Ницше: В 2-х т. – М., 2006. – Т. 1.
41. Хайдеггер М. Парменид. – СПб, 2009.
42. Хамитов Н.В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. – К., М., 2002.
43. Шейнин Ю.М. Потенциал разума. – М., 1983.
44. Шеллинг Ф.В.И. Об отношении реального к идеальному в природе // Ф.В.И.Шеллинг. Сочинения: в 2 т. – М., 1989. – Т. 2.
45. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец класической немецкой философии. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. - Т. 21.
46. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.

Содержание

Вместо предисловия	3
Введение	10

Часть 1. О БОГЕ

О вере	13
Читая Евангелие	22
<i>Бог – это любовь</i>	27
<i>Следуйте за мною!</i>	31
<i>Принцип избранности</i>	34
Как я чувствую и понимаю Бога.....	38
Верую и знаю	46
Вера в разумность бытия – основа веры в Бога	49

Часть 2. О ЧЕЛОВЕКЕ

Становление и развитие человека.....	66
Сущность человека	77
Бессмысленность и смысл жизни	90
Смерть и бессмертие	101
Человек, которого я называю Я.....	106
<i>Я – философ и этим интересен</i>	106
<i>Старые и не очень старые дневниковые записи</i>	120

Часть 3. О НООСФЕРЕ

Ноосфера как необходимый элемент онтологии	131
Почему я не могу быть материалистом	136
Щит и меч Персея (отражение идеальное и материальное)	156
Ноосфера как суть и направленность развития	168
Бытие как ноосфера	183
Ноосфера как цель и спасение.....	196
Право человека на ноосферу	199
Историческое начало ноосферы.....	204

Приложение. Несколько важных слов о том, что такое диалектика	220
---	-----

ЛИТЕРАТУРА.....	241
-----------------	-----

Наукове видання

ИВАКІН Олексій Аркадійович

ЄДНІСТЬ БОГА, ЛЮДИНИ ТА НООСФЕРИ

Філософське ессе

Видано за авторською редакцією
Верстка, обкладинка *Вітвицька В.Г.*

Здано в роботу 3.10.2012 р. Підписано до друку 12.10.2012 р.
Формат 60x84/16. Обл.-вид. арк. 11,5. Ум.-друк. арк. 14,18. Папір офсетний.
Друк на дуплікаторі. Зам. № 1210-05. Тираж 150 прим. Ціна договірна.

Видано і віддруковано ПП «Фенікс»
(Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1044 від 17.09.02).
Україна, м. Одеса, 65009, вул. Зоопаркова, 25. Тел. (048) 7777-591.
e-mail: maritimebooks@yandex.ru
www.law-books.od.ua